

**ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ
УЧИТЕЛЕЙ В ИСТОРИИ
РАЗВИТИЯ
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ПРИБАЛТИКЕ**

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Даугавпилсский педагогический институт

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРИБАЛТИКЕ

Межведомственный сборник научных трудов

Под ред. И.И.Лукова

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1981

В период зрелого социализма советская школа и учительство являются важным фактором дальнейшего развития нашего общества. Эта мысль подчеркивалась и на XXVI съезде КПСС.

Наряду с другими братскими народами советская Прибалтика добилась больших успехов в деле подготовки учителей. Так, в 1979/80 учебном году в I-III классах работало учителей с высшим образованием в Латвийской ССР - 42,2%, в Эстонской ССР - 39,1% и в Литовской ССР - 37,3%. Из всех учителей, работающих в IV-X(XI) классах, высшее образование имели соответственно 76,5%, 82,4% и 89,9% учителей.

В сборнике освещается политика господствующих классов в подготовке учителей для народных школ, борьба демократических сил за демократизацию школы, анализируются содержание и методы обучения в педагогических учебных заведениях в различные исторические эпохи. Впервые сделана попытка сопоставить подготовку учителей в Прибалтике в различных социально-экономических формациях.

Сборник статей рассчитан на студентов педагогических институтов, преподавателей истории педагогики и лиц, интересующихся историей подготовки учителей в Прибалтике.

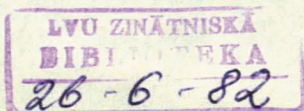
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л.Буков (отв. редактор), Г.Гулбис,
Г.Холопова, Л.Тимошенко

Печатается по решению Редакционно-издательского
совета ЛГУ им. П.Стучки

П 60401-131у П19.81.4302000000
М 812(II)-81

© Латвийский
государственный
университет
им. П.Стучки, 1981

Б.Г.ФОРСЕЛИУС И ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ
В ЭСТОНИИ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

Л. Андресен

Бенгт Готфрид Форселиус создал сеть крестьянских школ, приблизил эстонскую письменность к разговорной речи, был автором школьных учебников и осуществил в открытых им народных школах новые принципы обучения. Он жил на грани двух эпох — средневековья и нового времени. В Европе только что возникла педагогическая наука, распространились идеи гуманизма, которые оказывали влияние на школьное обучение.

Эстонским языком Б.Г.Форселиус овладел еще в детстве: семья жила в Северной Эстонии, где с 1641 года его отец был пастором. Связям сына пастора с местными крестьянами способствовал отец, который интересовался их традициями и культурой. Бенгт Готфрид Форселиус родился около 1660 года (точное время рождения неизвестно). Родным языком Б.Г.Форселиуса был шведский, но он владел еще немецким языком. Форселиус получил высшее юридическое образование. В его педагогической деятельности заметно влияние идей Яна Амоса Коменского и Йогана Гезелиуса Старшего. Гезелиус (1615—1690 гг.) в 1660—1664 гг. был епископом и одновременно проканцлером университета сначала в Тарту, позднее — в Турку. Он создал сеть народных школ в Финляндии.

На всей территории Эстонии проживали около 300 000 эстонских крестьян. Всеобщее школьное обучение крестьянских детей в последние десятилетия XVII века было еще не осуществимо. Но Бенгт Готфрид Форселиус заложил основы всеобщего обучения крестьян грамотности, в первую очередь — умению читать.

В созданной Б.Г.Форселиусом системе обучения важное место занимает объяснения учителя и самостоятельное чтение самих учащихся, на передний план выдвигается пробуждение интереса к учению. В этот период изменяются принципы, среди которых — и основы школьной дисциплины, отказ от телесного наказания. Форселиус, как и Коменский, считал, что один

учитель способен обучать неограниченное число детей. Учителя помогали наиболее одаренные старшие ученики. Тем же принципом руководствовался и И.Гезелиус Старший, создавая народные школы в Финляндии.

Создавая народную школу, Б.Г.Форселиус взял за основу работу И.Гезелиуса "Methodus informandi" (1683 г.), нашедшую широкое признание в Швеции. В ней предусматривалось обучение в народной школе чтению, катехизису, пению, а наиболее успевавших учащихся — также письму и арифметике.

Идеи Форселиуса можно было осуществить на практике с помощью учителей, получивших специальное образование. Поэтому Форселиус при поддержке короля открывает в 1684 году недалеко от Тарту учительскую семинарию, которая находилась на государственном обеспечении. Семинария начала работать в имении Пийскопи, а позднее была переведена в пригород Тарту, в т.н. сад Эвердса. Выбор места был не случаен. В Тарту было сильно влияние университета, в окружающих приходах пасторами были многие воспитанники Тартуского университета. В Тарту преподавал профессор И.Гезелиус, который пропагандировал и развивал идеи Коменского; в Тарту же была издана под его редакцией "Janua linguarum reuerati aurea". Последняя оказала большое влияние на обучение языкам не только в университете, но и служила образцом обучения в школах Эстляндии и Лифляндии.

Семинария находилась на границе двух основных эстонских диалектов и могла готовить учителей для обоих районов. В Тарту бытовали давние традиции школьного обучения эстонцев, крестьяне окружающих приходов имели тесные контакты с городом и поэтому были более восприимчивы к идее создания народной школы.

К этому времени в наиболее развитых европейских странах получила широкое признание теория обучения, основанная на принципе естественности Н.А.Коменского.

Форселиус применил идеи Коменского к условиям Эстонии, и в соответствии с этими идеями ведет подготовку учителей. Все книги Коменского были доступны для Форселиуса, т.к. начиная с середины XVII века, таллинские книгопродавцы имели контакты со своими коллегами из Амстердама, где можно было заказывать всю издаваемую в Европе литературу. В Амстердаме

в 1657 г. впервые было издано собрание сочинений Я.А.Коменского "Opera didactica omnia". В этот же период вышел важнейший школьный учебник Я.А.Коменского "Orbis sensualium pictus". В 1673 году эту книгу предлагал для продажи таллинский печатник А.Симон. Он сообщал, что у него имеются неперепечатанные экземпляры книг Я.А.Коменского "Janua linguarum reserata", "Janua linguarum reserata Vestibulum" и просил разрешения на их продажу в магазине переплетчика Иохима Вейсса на улице Сайаканги.

"Orbis sensualium pictus" была задумана как книга для обучения латини, но должна была выполнять также задачи учебника по родному языку. Во введении были даны инструкции по обучению чтению звуковым методом, обращалось внимание на необходимость наглядности обучения, требовалось составление школьной грамматики родного языка. В начале учебника был приведен алфавит. "Orbis sensualium pictus" вышла на шведском и латинском языках в 1684 г. в Турку, и это было как раз перед открытием Тартуской семинарии. Под редакцией И.Гезелиуса Старшего эта книга выходила в нескольких повторных изданиях.

Руководимая Б.Г.Форселиусом семинария существовала с 1684 по 1688 годы. О деятельности семинарии сохранилось мало документов, наиболее достоверные данные мы находим в сообщениях учителя первого выпуска Яака Игнатия, записанные через 50 лет после открытия семинарии. В течение четырех лет семинария окончила 160 юношей. В школу принимались юноши из всех приходов ливляндии. Знания и умения, необходимые для работы учителя, приобретались в течение двух лет. На I-м году шло обучение грамоте и знакомство со способностями учащихся. По данным Яака Игнатия, тех мальчиков, у которых не было заметных способностей, отпускали домой, а тех, кто хорошо успевал, оставляли для продолжения обучения еще на год.

В первый год, который в действительности был предварительным семинарским курсом, обучали чтению, катехизису и церковному пению. Благодаря примененной Форселиусом методике, на приобретение начальных знаний уходило три-четыре месяца.

Затем шло обучение письму и начаткам арифметики. Времени на это было достаточно, так как семинаристов кормили за казенный счет, и они могли заниматься весь день.

В течение второго года обучения более способные юноши изучали предметы, развивающие их кругозор и дающие необходимые для учителя знания. К числу важнейших предметов относились письмо и пение. Пение изучали в таком объеме, чтобы ученики после окончания семинарии могли работать канторами. Будущий кистер должен был знать ноты, без этого он не мог обойтись. Наряду с псалмами на эстонском языке, семинаристы должны были знать и наиболее известные псалмы на немецком языке. О том, что учащиеся немого знали немецкий язык и немецкие псалмы, свидетельствуют сообщения Яака Игнатия - Раннуского кистера Михкеля Килька в позднейших визитационных протоколах. Немецким языком владел и Саагастеский учитель Бенгт Адамсон.³ Знание нот было не редкостью, ноты приводились как в немецких, так и в эстонских книгах. Для обучения письму пользовались доской и грифелем, они были нужны и в дальнейшей работе школы. В семинарии пользовались латинским шрифтом, что облегчало усвоение каллиграфии и упрощало общий вид письма. Начальное умение писать приобретали по образцу в букваре. Приведенные Форселиусом простейшие правила орфографии выучивались наизусть. Навыки письма и орфографии усваивались путем переписывания текстов из книг. Такой метод применялся уже давно. Коменский в своей книге "Didactica magna" писал: "Это послужит тому, чтобы правильнее все запомнить, так как мысль будет долее занята одним и тем же материалом. Этим ежедневным упражнением в писании ученики приобретут себе навык писать красиво, быстро, правильно, что чрезвычайно необходимо и для дальнейших школьных занятий, и для житейских дел".⁴

Умение вычислять также входило в число основных знаний учителя. В повседневной жизни того времени нужны были знания арифметики в пределах четырех основных действий, знание систем измерения и веса, денежных единиц, а также умение оперировать ими. В учебные планы школ входили вычисления в уме и на доске. Если кто-нибудь хотел получить более глубокие знания по арифметике, то он должен был заниматься у "мастера вычислений" (Rechenmeister).

В учебный план семинарии входили еще несколько предметов, которые должны были развивать кругозор и знания будущего учителя, но о них отсутствуют архивные данные. Как позднее в школах, так и в семинарии те предметы, по которым отсутствовали учебники, диктовались. Тетрадей в то время еще не знали, писали на листках бумаги, которые учащиеся сами позже переплетали в виде рукописных книг. Такие рукописные книги широко применялись в качестве учебников и в более позднее время.

Семинария Форселиуса в Тарту была первым учебным заведением, подготовившим эстонскую крестьянскую интеллигенцию. Там учились наиболее талантливые крестьянские юноши из приходов Южной Эстонии, которые пришли туда со словарным запасом и диалектом различных местностей. В некоторых приходах Тартумаа говорили на таллинском диалекте, в некоторых — на тартуском и вилкусском. Сам Форселиус говорил на североэстонском диалекте. Таким образом, семинария Форселиуса сыграла также известную роль в сближении диалектов для подготовки основы единого литературного языка. В свободное от учебы время семинаристы могли заниматься сочинением стихов на эстонском языке и переводом церковной литературы. Ведь Форселиус хотел доказать преимущества нового, исправленного литературного языка перед старым.

Годы деятельности Форселиуса мало освещены в документах. Только за последние 14 месяцев, когда усилились разногласия между Форселиусом и Эстляндской провинциальной консисторией, в протоколах последней встречаются неодобрительные отзывы о нем. В этот же период Форселиус искал поддержки у И.Х.Герта в Стокгольме, доказывая ему, какую пользу приносят церкви подготовленные им учителя. Неизвестным остается все то, что касается чисто педагогической деятельности учителей.

Учебное заведение Б.Г.Форселиуса отличалось от других в самом важном — формами и методами учебной работы. При-

менение в учебной работе семинарии "Orbis sensualium pictus" и подобных книг на иностранных языках в переводе преподавателя было вполне возможным. При обучении ориентировались на средних учащихся, более успевающие помогали отстающим. Взаимное обучение рекомендовал использовать и И.Гезелиус в финских школах. Позднейшие исследователи истории школы ошибочно считали этот метод заимствованным из Англии.⁵

Система Форселиуса была основана на широко распространенном в то время в Европе принципе естественности: в конце первого года обучения отбирались те учащиеся, которые имели природные задатки к учебе и преподаванию. На втором году велось уже развивающее обучение - необходимые для школьной работы умения приобретались в работе с младшим классом. Такая система, когда младшие учащиеся служили для старших как бы учебным классом, была обусловлена тем, что Форселиус был одновременно преподавателем и руководителем, практически один руководил всей деятельностью семинарии. Только так можно уяснить, каким образом Форселиусу удалось в течение четырех лет обучить 160 юншей, подготовив необходимое число учителей для народных школ. По всей вероятности, два последних года Форселиусу помогал кто-нибудь из бывших выпускников.

Основным пособием при подготовке учителей в Швеции и Прибалтике служила книга И.Гезелиуса "Methodus informandi". В § II-м этого труда следующим образом определены задачи, стоящие перед учителем: учитель должен быть безупречного поведения, учить детей больше лаской, чем угрозами и наказаниями. Расшалившихся детей надо отчитывать по-отечески. Учитель должен следить, чтобы учащимся в начале урока не оставалось времени для шалостей, а также отпускать детей на отдых в конце урока. Утром и вечером надо было упражнять детей в чтении и пении. Учитель должен был с помощью пастора заботиться о том, чтобы в школе имелись нужные книги, а также добывать бумагу

для желающих обучаться письму. В задаче учителя входило также наблюдение за бывшими своими учениками, за тем, как они обучают детей своей деревни чтению и пению, поощряя их интереса к чтению.

Не сохранилось данных о том, каков был удельный вес чисто воспитательных мер в учебной программе семинарии. Коменский при решении вопросов воспитания опирался на природу: примеры для необходимых воспитательных бесед приводились из окружающей жизни. Коменский и Форселиус считали, что все люди способны развиваться. Профессиональную подготовку учителей в семинарии значительно облегчало то, что все семинаристы происходили из крестьянских семей, где воспитание основывалось на авторитете и примере родителей. Крестьянские семьи обычно были большими, подчинялись твердым правилам общежития, в них было установлено распределение труда между детьми и родителями, определенный жизненный уклад.

Обучение в Тарту способствовало социальной концентрации первого поколения эстонской деревенской интеллигенции.

Знаменательно, что семинарию окончил поэт-эстонец, вошедший в историю эстонской литературы. Это был Пухьяский учитель и позднее кистер Кясу Ханс, который приобрел известность благодаря песне-жалобе, написанной около 1708 года.

Зимой 1687 года Б.Г.Форселиус тратит много времени на организацию народных школ и на разъезды по Лифляндии⁶, в первой половине 1688 года он много разъезжает между Тарту и Таллином в связи с возникновением языковых разногласий и для знакомства с деятельностью выпускников семинарии.

Сейчас трудно определить, сколько семинаристов училось в семинарии одновременно и сколько было выпущено учителей. В 1687/88 учебном году было открыто не менее 36 школ, в которых работали учителями воспитанники

Форселиуса. Весной 1688 года в семинарии был еще один выпуск, но сколько выпускников стали работать учителями, неизвестно. Можно предполагать, что семинарию окончили около 50 юношей. Значение семинарии особенно возрастает незадолго до гибели Форселиуса. С 1687 года в каждом приходе Лифляндии необходимо было открыть школу. Но при этом отсутствуют данные, какое количество учащихся было намечено принять в семинарию осенью 1688 года. Имеются лишь косвенные доказательства того, что учебная работа приобретает довольно широкий размах: 25 июня 1688 года в семинарию были присланы из Риги через преподавателя Тартуского казенного училища Михеля Дау 60 малых катехизисов.

Б.Г.Форселиус опередил своей деятельностью в семинарии свое время почти на два столетия. В результате его четырехлетней работы были подготовлены опытные учительские кадры. Вот что пишет пастор К.Раушерт из Сангасте: "Несмотря на то, что этому юноше (учителю) только 15 лет, а я могу посещать школу только раз в 2-3 недели, он, Бенгт, работает очень прилежно... Возрастной предел учащихся не всегда можно строго установить. Есть даже 30-летние учащиеся, среди них и кнхтер, который ради школы отложил свою плеть".⁸

Пастору, который обучался в латинской школе, удивителен основной принцип воспитательной теории Форселиуса - вовлечение всех в работу и обучение без наказания. Оценку К.Раушерта нельзя считать проявлением личного невежества, а лишь ярким выражением отсталости педагогических принципов Прибалтики. Как бы в подтверждение этого Сангастеский пастор в другом письме сообщает: "Только того не хотели они понять, что ученики (некоторые из них возрастом около 20 лет и с бородой) будут себя вести надлежащим образом и прилежно учиться без применения телесных наказаний... Если, например, обучаются шесть немецких мальчиков, учителю надо с полной серьез-

ностью добиваться, чтобы ученики относились к нему с должным уважением и были послушны. Поэтому совсем не мало важно, как полную комнату крестьянских детей может удерживать в повиновении молодой учитель, почти мальчик⁹.

Из письма явствует, что семинария выпускала способных, обладающих педагогическими способностями, образованных вношей.

Хальяласский пастор Бальке, который лично не встречался с Форселиусом, писал ему в мае 1688 года: "... разрешите мне выразить свою искреннюю благодарность за то, что Вы прислали мне учителя, подготовленного по Вашему методу... При этом сообщаю, что метод обучения этого вноши... и в нашей местности успешно внедрен в практику".¹⁰

Важнейшим в деятельности Форселиуса был принцип: дети должны учиться в школе без принуждения. Школа, по сравнению с тяжелой работой на мызах, стала развлечением. К книге в народе всегда относились с уважением, умение читать повышало самосознание крестьянских детей, побуждало их к учебе, а в дальнейшем — к самостоятельному чтению. Результаты работы школы демонстрировались перед всем приходом: лучшие ученики читали в церкви. Это побуждало родителей отдавать своих детей в школу, а также было общественным признанием для тех, кто уже научился читать. В Сангасте возникло даже подобие соревнования, когда дети "сами изъявляли желание, чтобы их спрашивали" писал К. Раушер¹¹ — а другие делали это через родителей.¹¹

Б.Г.Форселиус поднял эстонскую народную школу на уровень, который был достигнут в наиболее развитых странах Европы.

После двух лет работы, летом 1688 года, Форселиус отправляется с двумя семинаристами в Стокгольм к епископу И.Х.Герту, чтобы доказать преимущества нового способа обучения, доказать несостоятельность мнения о якобы неспособности крестьян к обучению и добиться юридических оснований для открытия народных школ.

Форселиус возвращается из Стокгольма 7 июля 1686г., а 31 декабря 1686 года было издано распоряжение короля о создании школ во всех приходах. 8 февраля 1687 года во все приходы Эстляндии было разослано распоряжение наместника Тунгеля о строительстве школ при церквях, а учителям, которые могли бы обучать молодежь чтению и молитвам, должно быть назначено за это жалование, причем уже этой зимой крестьяне должны были предоставить все необходимое для постройки школьных зданий.

Подготовка учителей оставалась в ведении Форселиуса.

Больше всего единомышленников было у Форселиуса в приходах Южной Эстонии. Первые школы были открыты в ближайших к Тарту приходах, где Форселиус был лично известен.

В 1686 г. Форселиуса поддержали лучшие знатоки эстонского языка того времени: Р.Брокман открыл школу в Лайузе, И.Бертгольд—в Пиллуствере, К.Раушерт—в Сангасте, М.Шютц—в Тарту, А.Виргиниус—в Камбья, А.Виргиниус—в Пухья. В общей сложности зимой 1686/1687 года были открыты 11 школ, кроме вышеперечисленных, начали работать школы в Пылтсамаа, Колга-Мани, Нью, Рынгу и Отепя. ¹²

Народные школы встретили враждебное отношение со стороны помещиков, которое было вызвано "политической подоплекой" ¹³, но не последнюю роль играло здесь и нежелание нести расходы по постройке и содержанию школ. Среди высших сановников государства было распространено мнение, будто крестьяне не способны не только учиться, но овладеть умением читать. Среди крестьян распространялись слухи, что школы открывают только для того, чтобы государство получало грамотных солдат". ¹⁴

Одной из целей поездки Б.Г.Форселиуса в Стокгольм была демонстрация способностей крестьян-семинаристов. Этот прием повторил в Риге сторонник Форселиуса пастор К.Ф.Раушерт. Он продемонстрировал в столице Лифляндии умение читать и прочие знания Сангастеского учителя Бенгта Адамсона, в результате: "Те, кто его (Бенгта Адам-

сона) видели в Риге, вряд ли поверили бы этому, если бы услышали об этом от кого-то другого".¹⁵

Зимой 1687/1688 года воспитанники Форселиуса работали уже во всех уездах Эстонии, за исключением островных. Этот период можно считать началом общего обучения чтению в Эстонии. Школы были открыты в первую очередь в приходских центрах, а в трех приходах - в других местах. В Тарту - Маарьяском приходе - была одна школа в Тяхтвере и две - в городе, в Нюском приходе - в деревнях Луке и Рууза, в Хельмеском приходе - в Хуммули и Кяртна. В Южной Эстонии к этому времени имелись школы почти во всех приходах.

В Северной Эстонии было меньше школ. Эстляндская провинциальная консистория вела борьбу против новой орфографии и новых методов обучения, разработанных Форселиусом: было открыто только восемь школ.

Осенью 1688 года в пути из Стокгольма, добившись права руководить народными школами в Эстляндии и Лифляндии, Б.Г. Форселиус погиб во время кораблекрушения. После смерти Форселиуса семинария прекратила свое существование. Хотя деятельность семинарии была недолгой, она послужила началом формированию сети школ, в ее стенах получили основательную профессиональную подготовку многие учителя. Школа могла обучать относительно небольшое число учеников, но окончившие ее учили чтению жителей своих деревень, что послужило толчком к развитию домашнего обучения.

Л и т е р а т у р а

1. С. Kelch. Lielāndische Historia. Reval, 1695, с. 627.
2. ЦГИА ЭССР, ф. II87, оп. 2, д. 371, л. 211.
3. Там же, л. 211.
4. Я.А. Коменский. Великая дидактика. - В кн.: Избранные педагогические сочинения / Под ред. А.А. Красновского - М., 1955, с. 368.
5. K.O. Vikmane. Suomen kansan lukutaidon synty ja kehitys Ruotsin vallan aikana. (Helsinki), 1910, s. 80.
6. ЦГИА ЭССР, ф. II87, оп. 2, д. 372, л. 334.
7. Там же, л. 340.
8. Там же, л. 333.

8. Там же, л., 333.
9. ЦГИА ЭССР, ф. II87, оп. 2, д. 371, л. 211.
10. ЦГИА ЭССР, ф. II87, оп. 2, д. 372, л. 338.
11. ЦГИА ЭССР, ф. II87, оп. 2, д. 372, л. 336.
12. Там же, л. 344.
13. C. Kelch. *Liefländische Historia*. Reval, 1695, с. 627.
14. ЦГИА ЭССР, ф. II87, оп. 2, д. 372, л. 337.
15. Там же, л. 333.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ В ЛАТВИИ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

Л. Жуков, А. Салминь

Средневековая школа была действенным орудием в руках церкви для распространения среди народных масс своей реакционной идеологии. Претензии церкви на духовное владычество в Европе в XII-XIII вв. имели реальное основание. Теологическое мировоззрение было общепризнанным и не подвергалось сомнению. Церкви принадлежала монополия в области образования. Ф. Энгельс указывал, что в средние века "духовенство к тому же было единственным образованным классом. Отсюда само собой вытекало, что церковная догма была исходным моментом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия - все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви".¹ Стремясь сохранить свое господствующее положение в области просвещения и культуры, церковь уделяла серьезное внимание школе. Церковь создавала свои учебные заведения, призванные готовить священнослужителей и служащих для управленческого аппарата церкви. Учителя имели только теологическое образование.

Когда была покорена Прибалтика, перед церковью всталла задача обратить в христианство население завоеванных территорий. Для ее выполнения нужно было готовить священников. Если вначале достаточно было миссионеров,

прибывавших сюда вместе с купцами, то с увеличением захваченных территорий все более возрастала потребность в священниках. Образованных людей необходимо было готовить на месте. Этим соображением руководствовался и епископ Альберт, который открыл в своем поселении в Риге первую школу. Годом основания этой школы принято считать 1211 г.²

Представляет интерес один из документов папского легата Вильгельма Моденского. Это первое письменное свидетельство, в котором упоминаются школы в Дании: косвенным образом оно могло относиться и к детям местных жителей. В рескрипте церкви св. Якова в городе Висбю на острове Готланд от 6 июля 1225 года он указал, чтобы та "в свои школы принимала детей любой народности, ... которые туда являлись бы по собственному желанию, ... и готовила их к священническому сану".³

Пробыв в Прибалтике три года, легат детально ознакомился с местными условиями и, вероятно, пришел к выводу, что католицизм имел бы большую популярность среди покоренного населения, если бы основы вероучения преподносились ему на родном языке людьми из его же среды. Обучение детей местных жителей в Домской школе либо создание отдельной школы было бы приемлемым, но не лучшим решением вопроса, так как завоеватели не считали покоренное население равным себе. Возможно, что это побудило легата искать нейтральное место - остров Готланд. Говоря о "детях любой народности", легат мог иметь в виду лишь жителей Прибалтики, так как на другие территории его полномочия не распространялись.

В следующем году легат вновь обратился к школьному вопросу. 5 апреля 1226 г. он приказал основать школу в Риге при церкви св. Георгия.⁴ В данном случае указание на "детей любой народности" отсутствовало, и можно предположить, что школа предназначалась только детей завоевателей - немцев. Немецкие феодалы, вторгшись на территорию Прибалтики, принесли с собой свою культуру, которая была антагонистической по отношению к культуре угнетаемых ими местных народностей. Историк Ю.В.Бромлей отмечает, что "классовость культуры в антагонистических обществах проявляется прежде всего в том, что значительная часть идеологических форм создается в интересах определенного класса и облуживает только его интересы. Сюда относится политическая

идеология, в значительной мере религия...

В XVI в. на культуре народа сказались соперничество между католицизмом и лютеранством. Лютеранская церковь приобретает большую популярность потому, что перешла к богослужению на языке местного населения. Для этого молитвы и хоралы были переведены на латышский язык, которым не владели пасторы, и читались и распевались в церквях.

Новейшие исследования показали, что первые сочинения такого рода датируются 20-ми годами XVI в.⁶ Латышский язык заявил о своем праве на существование, и правящей верхушке пришлось с этим считаться. Следующим звеном должны были стать школа и подготовка учителей.

Развитие общественных, экономических и политических отношений вызвали существенные изменения в системе школ и подготовки учителей.

Историческая литература о Курляндском (Курземском) герцогстве связывает изменения в системе подготовки учителей с указом герцога от 1570 г. о создании так называемых педагогийумов в Едгаве, Куддиге, Селпилсе, в которых, помимо шести герцогских стипендиатов, могли обучаться для получения учительских прав и другие лица.⁷ Указ о стипендиатах, или "алюмнах" (alumnus - лат. - воспитанник), устанавливал, что таковыми могут быть и дети немцев.

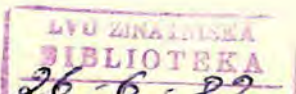
Первые попытки организовать подготовку учителей для латышских крестьянских школ были предприняты шведской колониальной администрацией в Лифляндской (Видземской) губернии в конце XVII в. В это время в Видземе были созданы первые крестьянские школы, заложившие основы дальнейшего распространения навыков чтения среди крестьян. Целью создания школ - акта гуманного по своему характеру - была отнюдь не возможность предоставления крестьянам условий для получения образования, а стремление использовать школу для укрепления авторитета королевского абсолютизма в противовес влиянию немецкого дворянства, которое сопротивлялось открытию школ. Это и определило классовую ограниченность школы: обучали в ней только закону божьему и чтению.

Сведения о первых учителях скудны. Известно, что шведские власти призывали латышских юношей предлагать свои услуги для исполнения учительских обязанностей приходскому пасторату, а

последнему вменялось в обязанность готовить юношей к этому.⁸ Пасторы не желали готовить учителей-латышей, утверждая, что они будто бы не пригодны для исполнения этих обязанностей, и отдавали предпочтение немцам. Поэтому зачастую учителями становились случайные люди, бродяги, пьяницы и буяны, отпугивавшие своим поведением как родителей, так и детей. Скучное вознаграждение отвращало от деятельности всякого, кто мог добывать средства к существованию ремеслом или земледелием. Поэтому часть учителей составляли инвалиды, не способные к физическому труду люди, престарелые, служащие имений, для которых участки школьной земли или натуральные платежи служили подспорьем на старости лет. Положение немногочисленных латышских учителей резко отличалось от положения учителей-немцев. Так, например, учителям - латышам не выделяли барщинника, им отводилась худшая земля, но тем не менее латышские учителя были. Это свидетельствует о наличии известного, хотя и небольшого, числа грамотных среди крестьян.

Путь планомерной подготовки учителей избрал Э.Глюк. Выступив против распространения среди помещиков и пасторов мнения, будто латыши не способны чему-либо научиться, он в 1683-1685 гг. подготовил учителей-латышей. В соответствии с требованиями Э.Глюка каждое имение Алуксненского прихода осенью 1683 г. должно было послать на учебу двух одаренных юношей, которых он вместе со своим домашним учителем Загиным готовил к учительской работе. После годичного обучения юноши были посланы на работу в соседние приходы. В своем донесении генерал-губернатору в 1699 г. о подготовке учителей Э.Глюк указывал, что "своим коллегам в 1684-1685 гг. я послал обученных юношей, которые по этому образцу могли бы обучать других".¹⁰ Однако за два года он смог подготовить лишь около двух десятков юношей, так как каждый год обучались не более 10 человек. Учитывая небольшой объем знаний, овладение навыками чтения и молитв, Э.Глюк скромно называл своих учеников "школьными подмастерьями".

В связи с подготовкой учителей Э.Глюком интересно отметить один любопытный факт. Очень возможно, что Э.Глюк в своей Алуксненской школе использовал педагогические идеи Я.А. Коменского. Дело в том, что в 1682 году в Риге был издан учеб-

ник Я.А.Коменского "Orbis sensualium pictus" на латинском, немецком и польском языках. Можно предположить, что Э.Глюк, знавший славянские языки и будучи другом генерал-суперинтендента Фишера, имевшего большое влияние в типографии Вилькена, где печатался учебник, был причастен к указанному изданию.

Можно допустить, что учебник Я.А.Коменского с использованием польского языка предназначался для Латгалии, где было довольно много ополчавшихся немецких помещиков, которые могли, используя посредничество Э.Глюка, издать указанный учебник в Риге. В самой Риге и прибалтийских губерниях, где господствующим языком был немецкий, употребление польского языка в учебнике трудно объяснимо.

В пользу предположения об участии Э.Глюка в издании учебника Я.А.Коменского в Риге говорит и тот факт, что Э.Глюк переводил на русский язык учебники Я.А.Коменского, в том числе и "Orbis sensualium pictus" (Чума А.А. Ян Амос Коменский и русская школа. -Братислава, 1970, -28 с.)

До сих пор нигде в литературе не упоминалось об учебнике Я.А.Коменского "Orbis sensualium pictus", изданного в 1682 году в Риге.

Найденный учебник позволяет сделать вывод, что уже в конце ХУП века в Латвии были известны педагогические идеи великого чешского педагога.

Условия капитуляции Лифляндии подтвердили прежние привилегии дворянства и даже значительно расширили их. Весьма заметно это проявилось в делах церкви и школы. Подчинение церкви дворянству означало передачу в его ведение всех дел, связанных с крестьянской школой, находившейся в компетенции главных уездных церковных попечителей. Итак, дворянство претворяет в

жизнь идеи, связанные с просвещением крестьян: 1) препятствовать дальнейшему распространению навыков чтения, 2) по мере возможности подрывать материальную основу крестьянских школ. В первом случае дворянство защищало свою прежнюю точку зрения, в соответствии с которой крестьяне не нуждаются в навыках чтения, с них довольно заученных молитв.

Но заучивание церковных догм без умения читать давало

очень кратковременный результат, так как выученное забывалось, как только учащийся покидал стены школы. Это убедило обер-консисторию в необходимости обучать навыкам чтения, а также в том, что дорога в церковь идет через школу. Для выяснения всех вопросов, связанных с деятельностью школы, обер-консистория решила провести в 1735-1736 годах всеобщую визитацию школ.

В результате визитации генерал-суперинтендент Я.Б.Фишер составил отчет для ландтага.¹¹ Целью генерал-суперинтендента было улучшить работу школы, но исключительно в интересах пасторов, искоренить при этом остатки древних культов и окончательно сломить сопротивление крестьян церкви. Поэтому он обращает особое внимание на подготовку учителей. Учителями должны быть немцы, и выбирать их следует из числа малообеспеченных учащихся рижских немецких школ, либо из деревенских семей, принадлежащих к непривилегированным сословиям. Средства для подготовки их к учительской работе должны быть получены из губернского фонда для бедных.

Я.Б.Фишер выражает недоверие учителям-латышам и отказывается от практики Э.Глюка в системе подготовки учителей. Проект не содержит конкретных указаний, за исключением мер принуждения крестьян и откровенно реакционных принципов отбора учителей по национальному признаку при сохранении прежнего объема знаний.

Вместе с отчетом в актах обер-консистории хранится и другой проект, названный аннотацией.¹² Автор ее отличается большой заинтересованностью и хорошим знанием школьной работы, взгляды его резко отличаются от взглядов Я.Б.Фишера. Важную роль он отводит властям, о которых Я.Б.Фишер полностью умалчивает. Основная мысль аннотации заключается в том, что учителями должны быть представители местных народов - латышей или эстонцев, в первую очередь потому, что это обойдется дешевле, а во-вторых, потому, что они будут работать лучше: крестьяне, проникшись к ним доверием, будут посылать детей в школу, и весь приход удастся привлечь к участию в содержании школ. Автор игнорирует механическое заучивание катехизима, считая основной задачей школы обучение грамоте.

Дворяне категорически возражали против проектов улучшения крестьянских школ, предложенных Я.Б.Фишером. Требование подготовки учителей для крестьянских школ также вызывало только озлобление с их стороны. Ландтаг отметил, что помещики "охотно" содействовали бы улучшению работы школы, однако выявленные недостатки характерны не для всех приходо в одинаковой мере, поэтому рекомендуется провести новую визитацию, а помещикам и пасторам на местах совместно устранить выявленные недостатки. Таким образом, в 1737 г. ландтаг без шума похоронил предложения обер-консисистории, показав тем самым, что он против каких бы то ни было проектов улучшения школ. Однако в жизни крестьянских школ Видземе, вопреки осторожности, проявленной ландтагом и Я.Б.Фишером, именно в это время идет процесс, оставивший глубокий след в истории латышской культуры.

Это было связано с пиетизмом. Пиетизм представлял собой течение внутри лютеранства, сложившееся в конце XVII в. в Германии и оказавшее большое влияние на жизнь школы. Его появление было вызвано тем, что неимущие слои населения были не удовлетворены догмами лютеранства, а часть дворян считали, что лютеранская церковь не в состоянии подчинить своему влиянию народные массы. Пиетисты акцентировали эмоциональный момент религиозного восприятия в противовес религиозной догме пытались одурманить народ с помощью мистики. Они требовали отказа от мирских радостей, провозглашали идеи самоусовершенствования. Для достижения этих целей школе отводилось видное место: к обучению старались привлечь как можно больше детей, развивать их практические навыки, активизировать учебный процесс.

Зачатки пиетизма в Видземе прослеживаются с конца XVII в., когда несколько сыновей пасторов отправились в университет в Галле. Вернувшись после окончания учебы в Видземе, они подготовили почву для появления более значительных групп сторонников этого движения. Центром их деятельности стали Валмиера и ее окрестности, а последователями пиетизма были наиболее гуманно настроенные помещики. Численность пиетистов росла, однако массы крестьян оставались вне сферы их воздействия.

Необходимо было найти путь к ним. Помощь в этом деле оказал граф Н.Л.Цинцендорф.

В 1725 году генеральша М.Е.Галларт, сторонница пиетизма, становится владелицей имения Валмиермужа. С семьей Цинцендорфа Галларт познакомилась еще в Германии. Теперь эти связи возобновились, и начался приток представителей гернгутерской общины в Валмиермужу. Зародившееся в феодальном обществе как форма борьбы латышских крестьян против крепостного ига и государственной лютеранской церкви движение гернгутерстве быстро распространилось в народе. Братья постепенно завоевывали доверие латышских крестьян, которые видели в их учении в первую очередь возможность освободиться от гнета лютеранского духовенства.

Чтобы стать полноправными членами братской общины, уметь читать Новый завет и петь хоралы, необходимо было овладеть грамотой, для чего нужны были школы, учителя и учебники. Помощь должна была прийти со стороны тех, кто поддерживал братьев-гернгутеров. В середине 30-х годов начали создаваться мызные школы, тесно связанные с общиной гернгутеров.

Оценивая влияние и роль пиетизма в развитии просвещения, следует отметить следующие положительные моменты: 1) благодаря созданию мызных школ обучение стало доступнее для крестьян; 2) работать в школах стали латышские учителя, такие же крестьяне, как и родители учащихся, родом из тех же мест, пользовавшиеся большим доверием детей и родителей. Однако необходимо указать, что объем знаний, полученных в мызных школах, был невелик.

В то время как в "школах для бедных" в Германии неотъемлемой составной частью обучения было письмо, а для наиболее способных - и счет, пиетисты в Видземе, опасаясь конфликта с правящими кругами, письму в мызных школах не обучали. Таким образом в Видземе пиетисты не вышли за пределы того, что считалось дозволенным еще в период шведского господства.

Среди грамотных людей, способных справиться с обязанностями учителя, выбор был невелик. Поэтому необходимо было заняться подготовкой учителей. Галларт взяла на себя материальные расходы, а Цинцендорф занялся подбором учителей и других слу-

жащих для будущей семинарии. Недалеко от Валмиермужи Галларт приобрела земельный участок, где были возведены необходимые постройки.¹³ Учителем был назначен Магнус Бунтебарт, 20-летний студент технологического факультета Йенского университета. В 1738 г. семинария начала свою работу.

Обучение в семинарии было бесплатным, а для пропитания семинаристов из имений, послазших их, поставлялись продукты. Обучение длилось 1 год, все учащиеся были латыши. Вначале было всего 8 учеников, а к январю 1739 года число их возросло до 15.¹⁴ В 1740 г. численность воспитанников уже приближалась к 100. С ликвидацией гернгутерской общины в 1743 г. закрылась и семинария. За 5 лет в ней было подготовлено около двухсот учителей-латышей.

Учебный процесс был организован в соответствии с основным принципом гернгутерства - упором на эмоциональную сторону. Учили чтению по складам, беглому чтению, письму и пению по нотам. Обучение письму и пению по нотам являлись совершенно новыми элементами, зато катехизисный метод был заброшен.

Значение семинарии в истории латышской культуры XVIII в. в Видземе велико. Подготовка людей, умеющих читать и владевших необходимыми навыками письма, была значительным явлением. Влиянием семинарии объясняется также рост числа школ и учащихся в окрестностях Валмиеры.

Братские общины гернгутеров в 40-х годах XVIII в. получили широкое распространение в окрестностях Валмиеры и Цесиса. Создавались и первые латышские общины гернгутеров, которые стали формой организации крестьян, а это уже представляло собой угрозу лютеранской церкви и дворянству в целом. Именно поэтому феодальная реакция начала одновременно наступление на мзыаные школы, основанные пиетистами и гернгутерами. Я.Б.Фишеру пришлось отказаться от поддержки братских общин гернгутеров: скрепив своей подписью заключительный акт следственной комиссии обер-консистории о вреде, причиняемом этими общинами, он тем самым нанес удар по латышскому просвещению. Преемник Я.Б.Фишера в ландтаге в 1747 г. потребовал, правда, улучшить положение школы путем учреждения учительской семинарии, однако достиг лишь обратного результата: дворянство

реагировало более чем сдержанно, отвергнув любые начинания в области просвещения.

После кровавого подавления крестьянских волнений и в результате царской реформы школ Лифляндский губернский приказ общественного призрения в 1785 г. вновь обратился к вопросу о школе, вступив в переписку с ландратской коллегией.¹⁵ На сей раз требования были очень основательны: встает вопрос об учительской семинарии. Приказ общественного призрения потребовал, чтобы в каждом уездном городе была учреждена учительская семинария. Дворянство держалось уклончиво, не выдвигая конкретных предложений.¹⁶ Постепенно переписка по этому вопросу была прекращена.

Первая половина XIX века - период, который В.И. Ленин назвал эпохой "буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности", эпохой "быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений".¹⁷

Царизм был вынужден пойти на некоторые реформы с целью расширения своей национальной базы, не затрагивая основных интересов дворянства. Это поочередно относилось и к реформе народного просвещения в России.

Школьные реформы начала XIX века не могли не затронуть организацию школ и систему управления ими в прибалтийских губерниях. "Предварительные правила народного просвещения", изданные в 1803 году, остзейские дворяне встретили недружелюбно, ибо эти реформы лишали немецких баронов права руководить школами.

✓ Вопрос о просвещении коренного населения Латвии стал еще более актуальным после отмены крепостного права в 1817 году в Курляндской и в 1819 году в Лифляндской губерниях. Хотя в Крестьянских законах вопрос о подготовке учителей для крестьянских школ не ставился (что вполне устраивало баронов), наиболее дальновидным дворянским деятелям было ясно, что без продуманной системы подготовки учителей невозможно рассчитывать всерьез на успех в деле привлечения на свою сторону с помощью школы коренного населения.

Боясь утратить свое влияние на школу и тем самым на прихожан, некоторые пасторы разработали несколько проектов подго-

товки учителей для крестьянских школ (проекты И.Брауншвейга, К.Ватсона, Ф.Морица, О.Масинга - И.Розенплентера).¹⁸ Но практически ощутимых результатов это не дало.

✓ Нежелание баронов заботиться о подготовке учителей в масштабе губернии вызвало у некоторых пасторов, проникнувшихся духом идей просветительства, стремление решить самостоятельно этот вопрос. Таким человеком в Курземе стал пастор Циравского прихода И.Вольтер. После отмены крепостного права в Курземе крестьянских школ было мало, их работа была неудовлетворительной, потому что "учителями работали несоответствующие люди: ремесленники, корчмари, уволенные лакеи и чиновники".¹⁹

✓ Будучи рационалистами, И.Вольтер и его единомышленники понимали, что с отменой крепостного права меняются экономические и политические отношения между остзейцами и местными крестьянами. С помощью школы пастор стремился достичь своих классовых целей. В учителях И.Вольтер видел проводников политики остзейцев среди крестьян, поэтому к учителям он относился доброжелательно и этим располагал их к себе. К примеру, вот отрывок из письма учителя Ташской волостной школы Я.Карлсона И.Вольтеру: "...Уважаемый пастор и милый отец! Я не могу молчать о Вашей любви к нам, которую невозможно выразить словами. Несмотря на свое высокое сословие, Вы настолько унизились, пригласив нас, ничтожных земных червей, в свой дом".²⁰

✓ Осуществление своего замысла создать учреждение для подготовки учителей И.Вольтер начал с учителя для Циравской-Дзервской школы: выбор пастора пал на сына крестьянина Андрея Бергмана. Ему первому из латышей была предоставлена возможность получить учительское образование в Клейн-Дексенской учительской семинарии (Восточная Пруссия).

24 июня 1833 году начала работу Циравская-Дзервская школа. В этом году А.Бергману приходится обучать свыше ста учеников и дополнительно выполнять обязанности кистера.

В Циравской-Дзервской школе был открыт класс для подготовки будущих учителей. На обучение учителей отводилось время от нескольких месяцев до двух лет. Обучение было возложено на А.Бергмана. Всего А.Бергманом было подготовлено около 25 учителей, из их числа вышли видные представители младолатыш-

кого движения (А.Спагис, Э.Динсберг). Школа А.Бергмана была известна и за пределами Курземе. Так, у А.Бергмана обучались четверо юношей из Нижегородской губернии.²¹ ✓

И.Вольтер считал, что учитель должен знать больше того, чему он учит своих учеников. Поэтому, кроме элементарных навыков чтения, письма и счета, будущие учителя изучали и некоторые другие предметы.

О содержании работы Циравской-Дзервской школы можно судить по характеристике, данной ей А.Спагисом, учеником А.Бергмана. Он рассказывает, что в школе учили многому, но без конкретного плана и поверхностно. Несмотря на то, что в школе много говорилось о методах Песталоцци и Сократа, определенной методики в подготовке учителей не было. Этим, наверное, объясняется то, что учителя, получившие подготовку у А.Бергмана, работали менее успешно, чем хотелось бы.²²

Многие воспитанники А.Бергмана признательно отзывались о своем учителе.

✓ Г.Меркель, посвятивший И.Вольтеру много добрых слов, писал, что "Цирава является неоценимым примером для наших губерний".²³

✓ Циравская-Дзервская школа не могла решить проблемы подготовки учителей для всей Курземе. Необходимо было более солидное учреждение, в создании и содержании которого приняли бы участие губернские власти.

Деятельность по созданию такого учреждения развернул И.Вольтер. В 1836 году ландтаг принимает план И.Вольтера об организации учительской семинарии.²⁴ Директором семинарии должен был быть немец, а его помощником мог бы стать латыш, причем они должны были получить педагогическое образование в Кенигсбергской учительской семинарии. Двух учителей - латышей должен был подготовить в своей школе А.Бергман. Семинария находилась на содержании дворянства.

Курземские бароны не могли доверить руководство таким учреждением представителю местного населения, что подтверждает истинные цели, преследуемые баронами и пасторами при подготовке учителей.

Директором вновь созданного учебного заведения стал К.За-

довский, родом из Пруссии. Курземские бароны не осмелились сразу объявить об открытии учительской семинарии в Ирлаве.

Они назвали это учреждение народной школой шести частных имений, при этой школе был открыт класс для семинаристов. Так как в других приходах Курземе еще не было своих школ, то дворяне разрешили всем желающим поступать в Ирлавскую народную школу. ²⁵ Дело в том, что "Уставом учебных заведений, подведомственных университетам" от 5 ноября 1804г., предусматривалось подчинение всех школ Министерству народного просвещения, за исключением тех, которые подчинялись синоду или по указу царя были переданы "иному начальству". Народные школы Прибалтики в этот период подчинялись Министерству внутренних дел.

✓ В 1840 году ландтаг утвердил устав Ирлавской учительской семинарии. Первой и ближайшей целью семинарии была подготовка деятельных, религиозных и устойчивых в моральном отношении учителей для латышских школ.

При семинарии была открыта школа для прохождения практики семинаристами.

Непосредственный надзор над семинарией осуществлял кураторский совет, в состав которого входили представители дворянства, духовенства и представитель крестьян из рыцарских имений. Процедура избрания крестьянского представителя ставила этот выбор в зависимость от дворян. ²⁶

✓ Всего в семинарии предполагалось обучать 33 семинариста (соответственно числу киршпилей в Курземе). Ежегодно должны были принимать II юношей, которые обучались в семинарии в течение 3 лет. Уставом была определена программа обучения в семинарии: большое внимание уделялось изучению закона божьего, немецкого языка, музыки, практическим умениям и навыкам преподавания учебных предметов, навыкам работы в саду и огороде.

Изучению латышского языка уделялось еще меньше внимания. Общеобразовательные науки изучались в очень небольшом объеме, ибо это учебное заведение не было предназначено для подготовки "ученых мужей".

✓ В семинарии осуществлялся строгий внутренний распорядок. Курземское дворянство нуждалось в таких учителях, которые по своему положению и знаниям возвышались над своим сословием и в то же время оставались бы за пределами настоящей науки и современной культуры. ✓

✓ Первые выпускники семинарии служили как бы подтверждением воспитательного духа этого учебного заведения в начальную пору его существования. Как замечает Я. Вич, в этих учителях национальное сознание как таковое почти совсем отсутствовало, но зато довольно заметно в них пробудилось самосознание, был изгнан рабский дух.²⁸ Такие учителя - кистеры не удовлетворяли некоторых пасторов, привыкших к безропотным и покорным исполнителям своих желаний.²⁹ Хороший учитель в понимании многих пасторов - это человек религиозный и преданный пастору. ✓

✓ Пастор Зентенского прихода Ф. Кельх, человек ортодоксальных взглядов, предостерегал от опасности распространения идей рационализма в Куреме. Это, по его мнению, могло бы привести к отчуждению молодого поколения от церкви.³⁰ Было это адресовано ученику Г. Динтера - К. Задовскому, возглавившему Ирлавскую семинарию и его покровителю И. Вольтеру. Недовольство выражали и некоторые дворяне.

Все это создавало трудности в работе семинарии. Предвидя острую борьбу в ландтаге в связи с организацией семинарии, К. Задовский спешит расположить к себе духовенство. В пасторском синоде 1854 года он выступает с речью, заявив, что "народная школа, если она хочет существовать, должна находиться в тесном контакте с церковью, и учителя должны быть помощниками пасторов в деле укрепления христианской веры".³¹

После такого выступления К.Задовского в синоде пасторы со своей стороны предложили ему сотрудничество.

И все-таки вопрос о будущем семинарии решался не в синоде, а в ландтаге, где с резкой речью против семинарии выступил барон А.Бэр из Эдоле. Куддигский гауптмансгерихтер барон Э.Рооп предлагал не отказываться от Ирлавской семинарии, а держать подготовку учителей в своих руках. Ландтаг принял предложение Э.Роопа. Для реорганизации семинарии была создана комиссия. Разработанный комиссией проект был шагом назад в деле подготовки учителей: дворянство стремилось с помощью ограниченного объема знаний и определенной системы воспитания формировать тип учителя, отличающегося покорностью господствующим классам, религиозностью, смиренностью, довольствующимся своим положением.

Ландтаг 1857 года утвердил план реорганизации семинарии и обязал всех дворян и пасторов ежегодно информировать кураторский совет о поведении выпускников семинарии.

К.Задовский нашел общий язык с господствующими кругами, что не могло не отразиться на деятельности семинарии.

До 1861 года Ирлавская учительская семинария подготовила около 200 учителей.

Ирлавская учительская семинария была закрыта в 1900 году.

В Видземе подготовка учителей была прекращена в 1743 году с закрытием учебного заведения для подготовки учителей в Валмиермуйже.

После отмены крепостного права в 1819 году в Видземе крестьянские школы и учителя оказались в полной зависимости от баронов. Большинство учителей были немцами, не подготовленными к обучению детей-латышей. О подготовке учителей приходских школ в Крестьянских законах не говорилось ни слова, хотя этот вопрос широко обсуждался в 1818 году в печати.

Часть пасторов и дворян хорошо понимали, что промедление в организации подготовки учителей (Училищная комиссия Дерптского университета еще в 1807 году обосновала необходимость создания семинарий, в 1828 году начала работать Дерптская правительственная учительская семинария) грозит остзейским

дворянам полной утратой влияния на учителей, а тем самым и на школу. Вот почему особенно по окончании переходного периода в Видземе более дальновидные пасторы и бароны (Ф. Вальтер, Г. Хагемейстер) начали борьбу за подготовку учителей из представителей местного населения, воспитанных в духе покорности дворянству и церкви.

В 1835 году Ф. Вальтер предложил синоду послать латышского юношу, сына старосты Ранкского имения, Я. Цимзе в Вейсенфельскую учительскую семинарию с тем, чтобы подготовить руководителя будущей семинарии. В Вейсенфельской семинарии Я. Цимзе обучался с 1836 по 1838 год. С сентября 1838 года по июнь 1839 года Я. Цимзе слушал лекции в Берлине по математике и дидактике у А. Дистервега и музыке - Л. Эр-
ка.³³

28 июня 1838 года ландтаг принимает решение открыть учительскую семинарию в Валмиере.³⁴

10 ноября 1839 года семинария начала работу. Семинаристами были зачислены 8 юношей.³⁵ Языком обучения в семинарии был немецкий.

Так же, как в Курземе, в Видземе остзейские дворяне, открывая учительскую семинарию, стремились скрыть это от губернских центральных властей. 15 ноября 1839 года ландратская коллегия уведомила генерал-губернатора о том, что школа, открытая в Валмиере, является приходской, и поэтому в соответствии с Крестьянскими законами ландтаг имеет право на открытие школ такого рода.

Министр народного просвещения, которому стало известно о нелегальном открытии учительской семинарии в Валмиере, потребовал прекращения ее работы. 7 февраля 1840 г. семинария была официально закрыта, а семинаристов Ф. Вальтер перевел в высший класс Валмиерской приходской школы, которую содержало дворянство: так был найден выход для продолжения работы семинарии.

На начальном этапе существования существования Ф. Вальтер предоставляет Я. Цимзе свободу деятельности. Об этом свидетельствует "План Видземской латышской семинарии", ве-

роятно, составленный Я.Цимзе и представленный Ф.Вальтером 19 ноября 1842 года в рыцарский комитет.³⁶ Планом предусматривалось, что в семинарии будущие учителя должны получать общее и профессиональное образование. В разработке некоторых пунктов плана заметно влияние педагогических взглядов А.Дистервега. Так, говоря о характере образования семинаристов, Я.Цимзе указывает, что оно должно быть культурсообразным и т.д.

В учительском труде, подчеркивает автор плана, результаты зависят не от широты, глубины знаний, а от образа мышления.³⁷

В семинарию принимались юноши, достигшие 17-ти лет, окончившие приходскую школу.

В семинарии предусматривался 4-годовалный курс обучения, преподавание предполагалось вести на латышском языке с постепенным переходом на немецкий. Русский язык должен был стать предметом изучения на двух последних курсах. Семинарию Я.Цимзе предлагал подчинить Лифляндскому верховному комитету земских школ. Я.Цимзе не связывал работу семинарии с опытным хозяйством, хотя Ф.Вальтер придерживался другого мнения. Упомянутый план работы семинарии не удовлетворял дворянство. Ф.Вальтер предложил сократить курс обучения на 1 год. Языком обучения в семинарии предполагался немецкий. Это должно было способствовать онемечиванию учительства, что в будущем помогло бы "денационализации" всего народа и школы.³⁸

В 1844 году Ф.Вальтер был освобожден от обязанностей куратора семинарии, так как ландтаг учредил должность школьного советника, передав в его ведение и семинарию. Первым школьным советником /шурлатом/ стал К.Урман. Начался новый период в жизни семинарии. По мнению К.Урмана, приходский учитель не должен иметь глубоких знаний, всегда должен помнить о своей принадлежности к крестьянскому сословию и о том, что он - первый помощник пастора.

В середине 40-х годов XIX века переход латышских крестьян в православную веру принял угрожающий размах. Около 100 тысяч крестьян порвали с лютеранской церковью, растет количество православных церквей, при них открываются школы. Господство пасторов над крестьянами было подорвано.

В сложившейся ситуации К.Урман стремится вывести семинарию на легальное положение, переименовав учительскую семинарию в

школу кистеров. Цель этого акта - закрепление конфессионального характера школы и сокрытие учебного заведения о контроля губернских властей.

Местом нахождения школы с 1850 года становится Валка, где 19 июня 1853 года было открыто новое здание семинарии. В семинарии установлен строгий режим дня: каждый день начинался и кончался молитвой, воспитанники работали в саду или огороде. В школе преподавались церковная история, катехизис, библия, школоведение, арифметика, алгебра, геометрия, немецкий язык /грамматика и литература/, латышский язык /грамматика, чтение и рецензирование латышских книг/, русский язык /как обязательный предмет - с 1872 года/, письмо, рисование, игра на фортепиано, игра на органе, пение /церковное и светское/, генералбас /гармония/, история /всеобщая и России/, география, естественная история /геология/, естествознание.³⁹

Этот учебный план так называемой школы кистеров мало чем отличался от учебного плана Вейсенфельсской учительской семинарии.

В 1856 году произошла смена школьных советников. В этой должности был утвержден пастор О.Клот, противник семинарии. Он предпринял ряд мер к уменьшению программы обучения в семинарии и полному подчинению Я.Цимзе. В семинарии усилился немецкий дух воспитания. Я.Цимзе смирился с положением и покорно выполнял указания нового школьного советника, что послужило прекращению нападков на семинарию со стороны дворянства. Всего с 1839 по 1862 год Валкская семинария подготовила 142 учителя,⁴⁰ многие из них стали создателями и руководителями народных хором в различных частях Видземе.

Новый период в подготовке народных учителей в Латвии наметился в 60-е годы XIX века. Это объясняется ростом и усилением роли либерально-буржуазного общественного движения младолатышей и усилением влияния Министерства народного просвещения в Прибалтийских губерниях, открывшем министерские училища и Прибалтийскую учительскую семинарию в Риге.

Литература

1. Энгельс Ф. Юридический социализм. - Маркс К., Энгельс Ф.

Соч., изд.2-е, т.2I, с.495.

2. Центральный Государственный архив Латвийской ССР / далее - ЦГА Латв.ССР/, ф.4038, оп.2, д.1048, с.8; Amelung P. Baltische Culturstudien, Dorpat, 1884, Bd. 1, S.57.
3. Bunge F. Liv-, Esth - und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Reval, 1857, Bd. S.7.
4. Там же.
5. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. - М., 1973, с.61-62.
6. Arpiņa A. Grāmata un lasīšana latviešu sabiedrībā līdz 18.gadsimta vidum (Книга и чтение в латышском обществе до середины XVIII века) Bibliotēka zinātnes aspekti. Grāmata-lasītājs. 4 (IX)-R., 1930, 9.-10.lpp.
7. Sonntag (K.G.). Bruchstücke zur ältern Schul-Geschichte von Kurland.-Livländische Schulblätter, 1814, Nr.20, S.169-170.
8. ЦГА Латв.ССР, ф.238, оп.1, д.2597, л.55.
9. Там же, д.37, л.197.
10. Там же, ф.7363, оп.1, д.574, л.9.
11. Там же, ф.233, оп.1, д.267, лл.74, 76, 89-92, 97.
12. Там же, лл.120-121.
13. Там же, ф. 4038, оп.2, д.137, л.22.
14. Там же, ф. 234, оп.1, д.14, л.395.
15. Schamdiņn H. Deutsche Bildungsarbeit am lettischen Volkstum des 18. Jahrhunderts. Schriften der Deutschen Akademie (München), 1937, S.73.
16. ЦГА Латв.ССР, ф.214, оп.5, д.119, л.168.
17. Ленин В.И. Полн.собр.соч., изд. 5-е, т.26, с.143.
18. Жуков Л.И. К вопросу подготовки народных учителей в Курляндской и латышской части Лифляндской губерний. - Даугавпилс, 1977, с. 36-46.
19. Bērziņš L. Tautskolas līdumnieki Kurzemē.-Rīga, 1933, 12.-13.lpp.
20. ЦГА Латв.ССР, ф.5759, оп.2, д.387, л.213.

21. Ceplenieks J. Voltera hronika.-Austrums, 1894.g., 2.pusgads, 326.lpp.
22. /Spāģis A./ Die Zustände des freien Bauernstandes in Kurland. Leipzig, 1860, S.307.
23. ЦГИА Латв ССР, ф.4038, оп.2, д.226I, л.64.
24. ЦГИА Латв ССР, ф.634, оп.1, д.36, л.16.
25. ЦГИА Латв ССР, ф.629, оп.1, д.1163, л.36.
26. ЦГИА Латв ССР, ф.640, оп.1, д.1772, лл.38,43.
27. Отдел рукописей и редких книг Гос.библиотеки Латв ССР им. В.Лациса. А 113, 2, фонд А.Кениня. Ирлавская семинария.
28. Vies A. Latviešu skolu vēsture. Otrā grāmata.- Rīga, 1926, 156.lpp.
29. /Spāģis A./ Die Zustände der freien Bauernstandes in Kurland. Leipzig, 1860, S.17.
30. Protokoll der im Jahre 1850 in Goldingen gehaltenen sechszehnten Kurländischen Synode (Mitan, 1850), S.9.
31. Protokoll der im Jahre 1854 in Goldingen gehaltenen Kurländischen Provinzial-Synode. S.10.
32. Neue Inländische Blätter, 1818.Nr.Nr.5, 18, 21, 26.
33. Rinkužs K. Jānis Cimze.-Rīga, 1938.g., 29.-30.lpp.
34. ЦГИА Латв.ССР, ф.214, оп.2, д.22, лл.39-40.
35. Peterson K., Bach J., Inselberg F. Das ritterschaftliche Parochiallehrer-Seminar in Walk.-Rīga, 1898, S.176-177.
36. ЦГИА Латв.ССР, ф.241, оп.1, д.508, лл.2-20.
37. Там же, л.6.
38. Thime H. Kirche und nationale Frage in Livland, während der ersten Hälfte der 19. Jahrhundert. Berlin, 1938, S.46.
39. Peterson K., Bach J., Inselberg F. Das ritterschaftliche Parochiallehrer - Seminar in Walk, Rīga, 1898, S. 59.-60.
40. Там же, с.176-202.

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ В ЛИТВЕ В ПЕРИОД КРИЗИСА ФЕОДАЛИЗМА

М. Лукшиене

Сословная структура общества в эпоху феодализма резко разграничивала социально-экономические функции отдельных сословий, а потому предъявлялись и разные требования в подготовке к жизни подрастающего поколения. В соответствии с этими требованиями создавалась система школ, определялись программы и направление воспитания.

До официального введения христианства в Литве /1387/ школьной системы как таковой не существовало. Низшие сословия готовились к жизни практически — перенимали опыт старших. В правящих же кругах потребность в более глубоком образовании в соответствии с западно-европейской моделью растет, начиная с конца XIV века. В своем большинстве учителями были священники при княжеских или боярских поместьях, а для завершения образования с этими же самыми наставниками отправлялась молодежь в университеты Запада. В 1397 году в Пражском университете была основана Коллегия для литовцев. С начала XV века после реформы Краковского университета в царствование Ягайлы обучались молодые люди Великого княжества Литовского как в Краковском, так и в других западных университетах, углубляя знакомство с общеевропейской культурой и господствующим тогда латинским языком.

Захват Великим княжеством Литовским русских земель способствует закреплению употребления так называемого канцелярского славянского языка как языка официальных документов. Таким образом в течение XV — XVI вв. складывается довольно сложная и противоречивая система народного просвещения.

Первые сугубо конфессиональные школы появляются в конце XIV в. /кафедральная в Вильнюсе / и в начале XV в. /первая приходская — в 1409 г./ . В середине XVI в. в Литве намечаются изменения в развитии начальных школ, так как возрастает общественная потребность в просвещении и продолжает развиваться

реформационное движение. Устав Вильнюсской епархии 1528 г. гласит: в каждом приходе должны быть школа и учитель. Начальное образование можно было получить в школах нескольких типов, приходских /они преобладающие/, дворянских поместных, городских /не получивших широкого распространения/, дома у цеховых мастеров. Программы обучения были весьма разнообразны: от знакомства с самыми элементарными сведениями и обучения пению до "trivium" /уровень первых классов коллегии/. Специального учебного заведения, готовившего учителей начального обучения, до второй половины XVII в. в Литве не было. В школах работали иногда студенты - слушатели университета, духовных семинарий или коллегий, а чаще всего лица, закончившие приходскую школу и имеющие элементарные навыки письма и пения.

В 1539 г. литовские протестанты А.Кульветис, С.Раполенис, Ю.Заблоцкис, получившие образование в университетах Западной Европы, авторы и издатели первых литовских книг, открывают среднюю школу повышенного типа. Силами контрреформации в 1542 г. эта школа была закрыта, а ее основатели были вынуждены эмигрировать в Кенигсберг, где в 1544 г. герцог Альбрехт основывает протестантский университет, в котором профессорами могли быть и литовцы. Кенигсбергский университет на протяжении нескольких столетий готовил протестантских священников и наставников не только для литовского населения Пруссии, но частично и для Литвы. С 1718 г. при университете действует семинариум литовского языка по подготовке пасторов, часть которых преподавала и в приходских школах.

В самой Литве в 1568 г. шляхта на Вильнюсском сейме просит короля об открытии коллегии в Вильнюсе или Каунасе. В результате политической и религиозной борьбы коллегия в Вильнюсе в 1570 г. была открыта / начало ее открытия намечалось еще в 1568 г./^I, а в 1579 г. - университет. Эти школы были введены католической церковью, а именно ордена иезуитов. К концу XVII в. сеть школ среднего типа была уже довольно разветвленной: в этнографической части Литвы их было 13: 4 католические для светской молодежи и 7 закрытых для монахов, кроме того, действовали 2 протестантские. Учителей в коллегиях литовской провинции иезуитского ордена в 1648 г. было 111, а учащихся вместе со студентами в ВКУ насчитывалось 3165. Вильнюсский университет -

академия, ставший интеллектуальным центром Литвы, готовил и учителей. Некоторое время с 1641 г. при академии действовала педагогическая семинария.² Кроме университета, подготовкой учителей занимались католические духовные закрытые школы — семинарии, новициаты, давшие среднее и повышенное среднее образование. Подавляющее большинство коллегий в Литве было в ведении ордена иезуитов, основные положения устава которого об организации школ и педагогической деятельности были изложены в "Ratio ... studiosum" /1599 г./: каждый провинциал, возглавляющий провинцию ордена, должен был проводить тщательный отбор кандидатов для педагогической работы; посланные визитаторы проверяли работу учителей и школы и отчитывались перед провинциалом.

Преподавание в средних и высших школах велось на латинском языке. В приходских школах — на разных языках — литовском, польском, латинском, а в протестантских — иногда и на немецком. Кроме того, в некоторых школах среднего типа преподавался канцелярский славянский язык, употребляемый в официальном делопроизводстве ВКЛ.

Устав Вильнюсской епархии /1528 г./ требовал, чтобы учителя в приходских школах вели обучение закону божьему на литовском и польском языках. Но далеко не все духовники и учителя владеют литовским языком: при обучении латинскому языку лишь некоторые учителя пользовались литовским языком. В начале ХУП в. в период ожесточения борьбы с реформацией при Вильнюсской коллегии, а, возможно, и при университете действовали кружки литовского, эстонского и латышского языков;³ в 1719—1732 гг. в Кедайнявской гимназии литовских реформаторов все алумны должны были изучать литовский язык.⁴

Учителями и преподавателями высшей школы становились представители с научными интересами из обедневшего дворянства, иногда даже из крестьян. Таким образом складываются зачатки интеллигенции, еще тесно связанной с духовенством, но своей профессиональной направленностью частично служащей светским целям. Из числа учителей и преподавателей высшей школы вышли деятели литовского просвещения, такие, как К. Сирвидас, преподававший в коллегиях; затем, будучи профессором, — в университете. Он сос-

тавил первый польско-латинско-литовский словарь /"Dictionarium trium linguarum", 1629/ и первую грамматику литовского языка /1630/.

В 1773 году была осуществлена реформа просвещения: учреждена единая для Литвы и Польши государственная комиссия по просвещению /эдукационная/, которая должна была руководить всеми школами с использованием имущества упраздненного в том же 1773 г. ордена иезуитов. Эдукационная комиссия из 12-ти членов, ответственная перед сеймом, действовала через две высшие /главные/ школы - по одной в Литве и Польше. В подчинении университетов находились школы среднего типа /окружные и подокружные/, а в подчинении последних - приходские. Практически приходские школы оставались в ведении церкви, так как у них отсутствовали финансовые средства. Теоретически вся школьная система должна была стать государственной, т.е. секуляризированной, национальной /преподавание на всех ступенях должно было вестись на родном языке/. Большие изменения произошли в программах обучения: около половины уроков предназначалось для предметов естественно-математического направления с их практическим применением. В воспитании же усиливалось направление развития общественных начал в достаточно либеральном духе, но в пределах сословной структуры общества. Уже в начале реформы некоторые члены комиссии выдвигали идеи о нецелесообразности проведения реформы из-за отсутствия подготовленных учителей, но подготовка учителей отодвинула бы саму реформу на несколько лет, а на последнюю возлагались и политические, и национальные надежды: предотвратить гибель польского государства, так как в 1772 г. уже произошел первый раздел Речи Посполитой /второй - в 1793 г., третий, последний - в 1795 г./.

Реформа многими своими педагогическими идеями предвосхищала уровень педагогической культуры общества: в результате разрыв между теоретическими требованиями школьного устава /1783г./ и их реализацией постоянно давал о себе знать.

Одними из первых документов реформы являются "Правила для приходских школ", изданные Вильнюсским епископом, первым председателем Эдукационной комиссии И. Масальским /1774г./. В них выражено пожелание, чтобы преподаватели высшей школы не миновали ступени учителя приходской школы. Иначе говоря, выдвигали

лась утопическая мысль о том, что в приходской школе должны работать учителя с высшим образованием. И. Масальский основал в 1775 г. первую учительскую семинарию для учителей приходских школ в Речи Посполитой /в Вильнюсе/ на уровне приходской школы. Программа обучения включала обучение письму и чтению, счету, измерению, огородничеству и основам земледелия, изучению лекарственных трав, хоровому пению, игре на клави-кордах и катехизису. Семинария готовила учителей и органистов для церкви. Наборы семинаристов были невелики - до 20 человек. Литовский язык в семинарии не преподавался. В основном семинария обслуживала г. Вильнюс и восточную часть Вильнюсского воеводства, где жили белорусские крестьяне и шляхта.

В этнографических регионах Литвы, в частности, в Жемайтии, крестьяне, наряду с обучением в приходских школах, практиковали домашнее обучение детей. Потребность в элементарных знаниях все возрастает, особенно в Западной Литве. Это объясняется тем, что здесь было больше вольных людей, кроме того, там была распространена денежная форма земельной ренты / в некоторых округах они составляли по переписи 1795 г. 60-70%/. Все это вместе взятое стимулировало развитие некоторых начал капиталистического производства. В этой части Литвы в течение десяти лет /1776-1786 гг./ в среднем распространялись по 1000 экз. литовских букварей в год, причем без велосипеда и помощи Эдукационной комиссии и ее представителей. Подготовкой учителей как для школ Западной Литвы, так и учителей для домашнего обучения органы просвещения не занимались. Процесс подготовки учителей велся стихийно. Точных данных о квалификации учителей Западной Литвы нет: об этом можно судить лишь ретроспективно, по сохранившимся отчетам о школах всей этнографической Литвы начала XIX в.

Говорить о специальной педагогической подготовке учителей приходских школ, в том более учителей, обучавших детей на дому в сельской местности, не приходится.

В уставе Эдукационной комиссии /1788 г./ в разделе XXII "О приходских школах" выдвигаются следующие педагогические требования: при подготовке сельских детей к самостоятельной жизни нужно много времени уделять занятиям в поле и на огороде; при

обучении надо сочетать чтение и письмо; подчеркиваются гуманные отношения между учителем и учеником, выражается пожелание не употреблять грубых слов и прибегать к телесным наказаниям в крайнем случае. Однако идеи Эдукационной комиссии осуществлялись медленно, так как связь между администрацией и учителями школ первой ступени была слабой, а подготовка учителей была в большинстве случаев неудовлетворительной.

К системе подготовки учителей средних школ предъявлялись более высокие требования. Реформа просвещения поднимает общественный престиж учителей, выделив их в "академическое" сословие, в состав которого входят и преподаватели высших школ. Учительский состав средней и высшей школ подлежал своей особой юрисдикции. Учителя средней школы имели право участвовать в конкурсах на вакантные места, причем в университете им отдавалось предпочтение.

Подготовка учителей для средних школ велась в университете в течение 4 лет. Для этой цели была создана семинария для кандидатов в учителя. Программа обучения в ней не отличалась от обычной студенческой; каждый семинарист выбирал специальность по своему усмотрению. Уже в I-й половине XIX в. кандидаты в учителя должны были дополнительно прослушивать те курсы, по которым велись уроки в средней школе. Так, слушатели гуманитарного направления должны были свои знания пополнять знаниями по естественным наукам и наоборот. Специальных курсов по педагогике не было, этот предмет читался некоторыми преподавателями философии как часть практической философии /И.Абихт/. Устав Эдукационной комиссии требовал, чтобы кандидат проходил педагогическую подготовку и, в случае надобности, замещал учителей в средней школы и сам работал в качестве частного корепетитора /директора/. Кроме того, каждый месяц один из профессоров должен был читать и анализировать устав Эдукационной комиссии, подчеркивая важность учительской профессии, в подготовке которой существенно два аспекта: глубокое знание предметов и этический облик самого учителя /У раздел устава/.

Таковой была идеальная модель подготовки учителей. Но часть

средних школ оставалась в частичном ведении монашеских орденов /не иезуитских/. Преподавали в них в большинстве своем не светские учителя, а монахи. Подготовка учителей-монахов имела свои давние традиции в семинариях и новициатах. Там изучали курс средней школы и, в зависимости от того, к какому типу принадлежал новициат, добавляли или курс философии /он же охватывал некоторые точные науки/, или теологии. В первой четверти XIX в. некоторые курсы для удовлетворения потребностей нового времени углублялись на основе изучения курсов литературы, физики, математики. Велась педагогическая практика - работа в младших классах средней школы: после прохождения практики монахи опять возвращались к учебе. Такая традиция поощряла пренебрежение к работе в первых классах, как не требующей высокой квалификации. С этим вела борьбу Эдукационная комиссия. Чтобы подготовку учителей духовного сана поднять до уровня подготовки светских, было выдвинуто требование, чтобы будущие учителя-монахи после подготовки в новициате посещали университет. Однако этого добиться было трудно, пока школы были на содержании монашеских орденов. Например, посылают кандидатов в учителя на год в университет, а те в своем большинстве слушают курс теологии и только редкие - физику или иной предмет.

Возвращаясь к уставу Эдукационной комиссии, надо добавить несколько слов о его прогрессивных педагогических тенденциях: в уставе указывается, что целью деятельности учителя является воспитание человека и гражданина, подчеркивается значение разума и сердца, т.е. личности учителя в этом деле. Чтобы добиться хороших результатов в воспитании, от учителя требуется познание ученика - его характера, склонностей, способностей воспринимать в соответствии с возрастом. Обращается внимание на то, что ребенок тоже разумное существо, отношение к ученику должно быть отцовским и приятельским, телесных наказаний надо избегать. Учителю советуют чаще читать о воспитании и учебе, а еще больше думать. Такие указания и пожелания относятся к идеальной модели, в то время трудно осуществимой. Но в некоторой степени она внедрялась в жизнь: гуманизировались отношения между учителем и учеником /более в средней школе, чем в началь-

ной; углублялось понятие общественного долга, ибо подчеркивалась ответственность каждого за государство. В сельских же школах ответственность понималась как экономический результат крестьянского труда. Перед учителями ставились задачи сугубо светские, соответствующие сословной структуре общества.

Первое поколение, которое воспитывалось под знаменем реформы просвещения, оказалось после раздела Речи Посполитой в новых политических условиях, а социальные и культурные отношения становились более сложными. Обострялась классовая борьба. Росло социальное и вместе с тем национальное самосознание народных масс. Углублялась идеологическая дифференциация общества. В период первой половины XIX в. можно выделить две кульминационные точки социального и национального брожения: восстания 1831 и 1863 гг. Последнее вместе с отменой крепостного права, проводившейся в 1861-62 гг., завершает весь этот период крупным изменением в культурной жизни Литвы: были запрещены литовский язык в школах, а также печать латинским шрифтом.

В первой четверти XIX в., до 1831 г., система школ более или менее соответствовала уставу Эдукационной комиссии: это университетская структура школ. Вся школьная система, как и педагогические направления, резко изменяются после 1831 г.: упраздняется университетская структура школ. Во главе учебного округа назначается куратор, который подчинен генерал-губернатору / в русских областях куратор прямо подчинялся Министерству просвещения/. Начальные школы были в ведомстве трех министерств /просвещения, внутренних дел, государственных имуществ/. Преподавание во всех школах ведется на русском языке, воспитание - по уваровскому принципу: народность, самодержавие, православие, - цель которого - внедрять повиновение.

С ростом расслоения общества более четко формируются не только социальные, но и культурные потребности его низших слоев. Обучение на родном языке - одно из существенных условий демократизации просвещения, обеспечения его доступности массам. Переход от латинского языка к живому языку преподавания на всех ступенях школы не уничтожил в Литве языкового барьера для детей литовских крестьян, желавших учиться в сред-

ней школе: без знания польского языка это было невозможно. С усилением польского освободительного движения после раздела Речи Посполитой растет стремление к объединению бывшего государства. Польский язык наряду с польской национальной культурой для дворянского сословия являются главными интегрирующими средствами. Надо отметить, что польский язык и польская культура в XIX веке становятся на территории Литвы и Белоруссии одним из важнейших сословных отличительных черт дворянства. Школы, особенно средние, все более усиливают эти отличия. Вместе с тем рост социального сознания крестьянства и общее для всей Европы стремление к национальному самоопределению формируют в литовском народе потребность учиться на родном, т.е. литовском языке, а впоследствии — и потребность в национальной школе, принципами которой являются не только преподавание на родном языке, но и обучение, основанное на национальной культуре данного народа; задачей воспитания подрастающего поколения становится подготовка к продолжению созидательной деятельности на благо национальной культуры. В Литве формируется неофициальное течение в области народного просвещения, соответствующим образом формируется и модель учителя. Но это неофициальное течение не располагало никакими материальными средствами, не имело связи с административными органами школ, чтобы организовать надлежашую подготовку учителей.

Сеть приходских школ фактически остается почти прежней, однако число учащихся растет. Определяются основные типы школ. Преобладает одноклассная приходская школа, целью которой было привить навыки элементарного чтения и письма /и то не всегда/, счета /тоже не всегда/ и обучить основам катехизиса. Учеба продолжалась 2-3 зимы. Тому же обучали в неофициальной сельской школе или при так называемом домашнем обучении. Двуклассная школа с 4 годами обучения охватывает два первых класса средней школы с подготовительной ступенью. Существовал еще тип школы реального профиля /модель школы Эдукационной комиссии с практическим земледельческим уклоном/, но он не был распространен.

Подготовка учителей для приходских школ после закрытия се-

минарии в XVIII в. осуществлялась стихийно. Только в 1819 г. снова начала действовать такая семинария, готовящая учителей и органистов в течение четырех лет. Поступавшим достаточно было обладать самыми элементарными знаниями. Преподавание велось на польском языке; обучали русскому языку, чтению на латинском языке, церковнославянскому языку /по униатскому обряду/ литургии, арифметике, элементарной геометрии с практическим уклоном, началам гигиены и первой медицинской помощи, огородничеству и земледелию, черчению и хозяйственному строительству, чистописанию, морали / в течение всех 4-х лет/, закону божьему, церковному пению и игре на органе /в течение 4-х лет/ Из педагогических предметов преподавались обязанности учителя и метод Ланкастера. Обязанности учителя излагались по книге польского прогрессивного педагога, члена Эдукационной комиссии Г.Пирамовича. Большие затруднения вызывало то обстоятельство, что игре на органе успешно могли учиться только музыкально одаренные юности. Сочетание профессии органиста и учителя не всегда было удачным.

Уровень обучения в семинарии для того времени был довольно высоким, но так же, как и семинария XVIII в., семинария I-й половины XIX в. не пользовалась популярностью среди литовского населения. Она обслуживала области Вильнюсского учебного округа, заселенные в основном славянами. Учителями в школах с литовскими детьми работали в большинстве своем люди из тех же областей, и подготовка их была различной: работали бывшие воспитанники средних школ разных классов, лица, не окончившие духовных семинарий, выпускники приходских школ. Самую квалифицированную подготовку имели слушатели университета и воспитанники духовной семинарии. Типичную картину уровня квалификации учителей Западной Литвы дают отчеты 1821 г. Шауляйского, Рассейняйского и Упитского уездов: из 75 учителей приходских школ 24 учились в средних школах / в отчетах нет указаний, сколько классов они окончили/, 1 пришел из 2-го класса, 7 - из третьего, 13 - из четвертого, 7 - из духовной семинарии, 10 косендзов, 5 органистов, 7 - неизвестно, где учились, 1 - женщина / не указано, где училась/. Самую низкую подготовку имели учителя сель-

ских школ, находившихся на попечении крестьян. Это были главным образом люди, не умевшие читать на родном языке и не всегда умевшие писать, но нередко обладавшие жизненным опытом.

После подавления восстания 1831 г. учительская семинария, как и университет, была фактически закрыта, говоря официальным языком, "перенесена" в Витебск, где преподавание велось только на русском языке. Окончивающие ее кандидаты /1836 г./ сдавали экзамены по русскому, латинскому языкам, географии, русской и всеобщей истории, чистописанию, черчению и рисованию. Педагогические знания приобретались при посещении приходской школы с ланкастерским методом преподавания. Кроме того, изучались немецкий и французский языки, музыка, но учительская работа не сочеталась с профессией органиста. Жители литовских областей Витебскую семинарию не посещали. Окончившие семинарию должны были работать в казенных приходских школах, которые были учреждены вместо приходских при костелах. Выпускники Витебской семинарии не были популярны среди населения Литвы.

С 1843 г. во всех областях России стали открывать школы Министерства государственных имуществ: работать в них должны были учителя, подготовленные в православных духовных семинариях. Однако для Литвы было сделано исключение: эти школы посещали не только крестьянские дети, а учителями работали не православные священники, чтобы население не бойкотировало школ.

На литовский язык в казенных школах выделялось по 3 часа в неделю, но так как подавляющее большинство учителей не знало этого языка, эти три часа являлись чистой формальностью. Главной задачей школы было выучить детей русскому языку. Какие-либо связи обучения и воспитания с национальной литовской культурой отсутствовали.

В подобных условиях рост неофициальных школ был неизбежен. Чтобы ограничить число частных школ, обучение в которых велось вне контроля царской администрации, с 1834 г. был введен штраф до 250 рублей с учителей, не имевших разрешения заниматься преподаванием. Разрешение получали лица, сдавшие специальные экзамены при гимназии: большим препятствием при этом был русский

язык, которым плохо владели те учителя, которые учились до 1831 г. Так как сектор неофициальных школ был относительно велик, особенно в Западной Литве, то это распоряжение ставило под угрозу существование литовских школ. Духовные власти Демайтии обратились к правительству с просьбой о разрешении учить детей на родном языке главным образом в целях религиозного воспитания. Царское правительство дало такое разрешение в 1841 г., но распространялось только на Тельшяйский епископат, в состав которого входили Западная и Северная Литва, кроме Сувальской губернии. При этом выдвигалось требование, чтобы в школах преподавался русский язык, а епископат отчитывался за эти школы перед Министерством внутренних дел. Таким образом, царское правительство добилось некоторого контроля над неофициальными школами и преподавания в них русского языка, а католическое духовенство вновь получило в ведение школы; вместе с тем была юридически признана литовская школа нижней ступени. В 1850 г. епископом становится литовский писатель М.Валанчюс. Благодаря его деятельности количество школ достигло в 1854 г. 197 /5910 учащихся/, в то время как казенных школ в 1856 г. в Ковенской губернии насчитывалось 43 /1426 учащихся/. Часть школ содержалась на общественных началах, т.к. Валанчюс требовал от своих духовных подчиненных заботиться о них морально и материально. Средств на специальную подготовку учителей не было. Около 1860 г., в период подъема литовского культурного движения, были выдвинута идея о создании семинарии для учителей элементарных школ, но в период реакции, после подавления восстания 1863 г., осуществление этой идеи было немислимым. Уровень подготовки учителей для этих частных так называемых "валанчюсских" школ был весьма различен; так же, как уровень подготовки учителей, работавших в приходских и сельских школах до 1831 г.

Подготовка учителей для средней школы до 1831 г. осуществлялась в соответствии с уставом Эдукационной комиссии в семинарии, для кандидатов в учителя - при университете /см. выше/. Учителя-монахи стали прислушиваться к требованиям университета - совершенствовать свою учительскую подготовку в университете.

После 1831 года было сокращено число полных средних школ в

Литве, упразднена преемственность между дворянскими уездными /5-классными/ школами и гимназиями. В связи с закрытием Вильнюсского университета в Литве не было учреждения, готовящего учителей для средней школы. Положение пытались исправить назначением 14 стипендий в университетах России, хотя достаточное число юношей из Литвы обучалось в этих высших школах. Но и это число мест оставалось незаполненным. Секретным циркуляром / от 19.Ул. 1852 г. № 1832/ Министерство просвещения указало местным властям на то, что национальная смешанность учительских кадров не способствует "созданию единодушия". Усиливается тенденция не допускать в учителя представителей местного населения, а после подавления восстания 1863 года это положение возводится в ранг негласного закона.

Иначе велась подготовка учительниц. Эдукационная комиссия представила идеальную модель приходской школы - отдельное обучение девочек и мальчиков соответствующими учителями: женщиной и мужчиной. Тем не менее, приходские школы с таким разделением редки, о подготовке женщин-учительниц для начальной ступени обучения народных масс никто не заботился. Есть сведения об учительницах, обучавших даже мальчиков, но это были женщины-самоучки, как и матери, обучавшие дома детей по селам.

В 1808 г. в Литве насчитывалось 17 пансионатов для девочек /550 учениц/, где преподавал 51 учитель. В 1844-1860 гг. таких пансионатов было 19-20. Некоторые из них имели право готовить домашних и пансионных учительниц. Это звание можно было получить и после сдачи экзаменов при гимназии по языку, арифметике, истории, географии и закону божьему. Так как обучение в пансионатах было довольно дорогим, в них учились в большинстве девочки из дворянского и мещанского сословий. Среди квалифицированных учительниц не было представительниц народных масс.

Несколько иным был социальный состав учителей-мужчин. Здесь преобладали мелкие и безземельные дворяне, но немало было лиц и крестьянского происхождения, особенно в Западной Литве, где в некоторых средних школах учились около половины крестьянских детей. Они из-за своего материального положения в большинстве

случаев не имели возможности окончить школу, и часть их вынуждена была работать учителями разного типа начальных школ. Это дает возможность оценить подготовленность учительских кадров в другом аспекте: несколько учителей могли способствовать развитию социального и национального самосознания народных масс, а также активизировать их. Воспитание в данном направлении возможно в тесной связи с культурными традициями народа. На территории Литвы и Польши в эпоху феодализма не сформировалась более крепкая своеобразная культура третьего сословия — мещанства. Поэтому в период кризиса феодализма большинство лиц из низших сословий, получивших в какой-то степени образование, отчуждались от своего сословия и стремились применить к культуре феодального сословия, а эта последняя находилась под сильным влиянием польской национальной культуры. Тем не менее различия в культуре Польши и Великого княжества Литовского ощущали еще феодалы, а образованные крестьяне или мелкие и даже средние дворяне из Западной Литвы эту разницу ощущали достаточно ясно. В XIX в., веке буржуазных национальных движений, все более распространяется идея, что им ино народные массы являются носителями самых своеобразных национальных черт.

Все эти новые веяния мало отразились в школьной программе, а в подготовке учителей начальных школ и совсем не ощутили. В XIX в. под влиянием не столько школьного образования, а иных факторов часть интеллигенции из низших сословий и учителя преодолевают классовую и культурную отчужденность от народных масс и становятся на позиции, более близкие народу, включаются в созидательную интеллектуальную и общественную работу в этом направлении. Некоторые учителя средней школы, а иногда и начальной /Д.Ивинскис/ пишут учебники и книги для народных масс на родном языке, борются за права литовского языка, а также с социальной и национальной отчужденностью интеллигенции от народных масс. Но в этом движении учителя все-таки еще участвуют неорганизованно.

Литература

Статья написана на основе монографии Lukšienė M.

Lietuvos švietimo istorijos bruožai XIX a. pirmojoje pusėje, - K., 1970.

1. Забулис Г., Вильнюсский университет и история Литвы. - Вильнюс, 1979, с.14, 2.
2. Vilniaus universiteto istorija 1579-1803-V., 1976, p.50.
3. Lebedys J., Lituanistikos barai-V., 1972, t.1, p.203-204; Ulčinaitė Z. Necessaria est lingua lituanica.- Kultūros barai, 1978, Nr.7, p.56.
Lukšaitė I., lietuvių kalba reformaciniam judėjimui
4. XVII a.-Acta historica lituanica, V.V., 1970, p.45.
5. Ленин В.И. Полн.собр.соч., изд.5-е, 1969, т.26, с.143.

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ В ЭСТОНИИ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА / до 1917 г./

Э.Лаул, В.Сирк

Подготовка учителей с начала XIX века до 1860-х годов

Вторжение капиталистических отношений в разрушающееся феодальное общество в первой половине XIX века потребовало перестройки системы просвещения и быстрее ее развития для обеспечения возросших потребностей в образованных людях. В связи с этим возникает необходимость организации учебных заведений, готовящих учителей.

В начале XIX века в России приступили к созданию новой государственной школьной системы, компонентами которой в Прибалтийских губерниях стали элементарные школы, уездные училища, гимназии и открытый вновь в 1802 году Тартуский университет.

В 1804 году при Тартуском университете был основан учительский /педагогический/ институт с 2-годовалным сроком обучения, в 1821 году реорганизованный в педагогически-филологическую семинарию, которая действовала до 1855 года. В педагогический институт и педагогически-филологическую семинарию принимались лица, интересующиеся профессией учителя, которые под руководством университетских профессоров совершенствовали свои познания в преподаваемых в школах дисциплинах, изучали методику преподавания этих дисциплин и проходили педагогическую практику в тартуских школах. Центральное место отводилось изучению античных языков и греко-римского культурного наследия, но лишь часть семинаристов готовилась к преподаванию математики и природоведения.

Всего учительский институт и педагогически-филологическая семинария дали для уездных училищ и гимназий Эстонии и Латвии примерно 100 учителей, что не могло обеспечить потребности в преподавателях.² Учительский институт и педагогически-филологическая семинария Тартуского университета были высшей ступенью педагогического образования в Прибалтийских губерниях. Среди окончивших эти учебные заведения - известный эстонский лингвист, академик Петербургской академии наук Ф.И. Вийдеманн /1805-1887/, работавший учителем гимназии в Елгаве /в 1830 - 1837 гг./ и Таллине /в 1837-1857 гг./, и деятель латгшского национального движения К. Еиезбардис /1806-1886/, бывший преподавателем, а затем инспектором Вильяндиского уездного училища в 1833-1853 годах.

В 1828 году в Тарту по предложению университетской школьной комиссии открыли учительскую семинарию с немецким языком обучения, которая должна была готовить учителей для всех городских начальных /элементарных/ школ Прибалтийских губерний, в которых, за редким исключением, преподавание велось на немецком языке. В семинарии основательнее всего изучались закон божий, музыка, немецкий язык и другие соответствующие дисциплины, входившие в учебный план элементарных школ. Кроме того, преподавались всеобщая история, география, природоведение, начала геометрии и русский язык. В качестве специаль-

них предметов изучались методика начального обучения вместе с общей и специальной дидактикой. Семинаристы проходили практику в начальных школах.

Семинария представляла собой закрытое учебное заведение, где усиленно проводилось религиозное воспитание. Воспитанники, числом 10, а с 1840 года - 14 человек, содержались и обучались на казенный счет. В период с 1828 по 1860 годы семинарию окончили 137 человек, которые работали главным образом в школах Эстонии и Латвии.³ Все эти учебные заведения готовили городских учителей.

В начале XIX века возможности получения школьного образования среди эстонских крестьян были очень ограниченными. Учебных заведений, которые готовили бы учителей для сельских народных школ, не было. Попытки их создания, особенно после освобождения крестьян в первые десятилетия XIX века, показали, что ни местное дворянство, ни царское правительство не желают нести связанные с этим расходы. Попечитель Тартуского учебного округа К.Ливен придерживался того мнения, что пасторы сами могут выучить учителей в своих приходах, т.е. мнение попечителя поддерживало и правительство, всячески препятствовавшее открытию семинарий с эстонским языком обучения в частном порядке: ничем окончились попытки пастора О.В.Мазинга в Южной Эстонии и директора училищ Эстляндской губернии Кр.Штакельберга в Северной Эстонии.

Учителя с более основательной подготовкой выходили из школ, основанных некоторыми пасторами по собственной инициативе, давших большее образование, чем обычные деревенские школы. Среди таких школ Эстонская школа учителей, основанная в 1814 году пярнуским пастором И.Х.Розенплентером / получившим педагогическую подготовку в учительском институте Тартуского университета /, была первым известным учебным заведением в Эстонии, готовившим учителей для эстонских крестьянских народных школ, где систематическое преподавание основ педагогики велось на эстонском языке. К сожалению, школа просуществовала лишь около пяти лет.

Основным местом подготовки учителей для народных школ низшей ступени в эстонской части Лифляндской губернии стали осно-

ванные в 1820-х годах приходские школы, где необходимая педагогическая и методическая подготовка давалась в весьма малом объеме. Поскольку в Эстляндской губернии приходские школы стали открываться позже, в Северной Эстонии условия для подготовки учителей для крестьянских народных школ были намного хуже. Положение несколько изменилось, когда в 1837 году в уезде Ирвмаа в имении Атасте по инициативе нескольких помещиков была открыта учительская семинария, которая была подчинена государственным органам просвещения, но материальной поддержки от государства она не получала. С 1848 года семинарию субсидирует эстляндское рыцарство.⁴

В семинарии преподавались закон божий, чтение, письмо, пение, нотная грамота, арифметика, достаточно нерегулярно — география и история, причем преподавание велось на эстонском языке. Педагогическая практика проводилась в семинарской школе, наряду с обучением семинаристы занимались хозяйственными работами. Семинаристы должны были быть покорными, носить крестьянскую одежду и довольствоваться той пищей, которую им давали в семинарии. Атастеская семинария просуществовала 18 лет, до 1854 года, и во многом способствовала развитию народной школы в Северной Эстонии.⁵

Для улучшения школьного дела в западной части Северной Эстонии /в Ляэнеском и Хярьюском уездах/ в 1845 году была основана образцовая приходская школа /учительская семинария/ в Ядивере Вигялаского прихода. Большую часть затрат на содержание семинарии было возложено на эстляндское рыцарство. Семинария проработала до 1863 года, ее окончили примерно 70 человек.

В 1854 году при поддержке эстляндского рыцарства была открыта 3-годовалная семинария в Кууда Марьямааского прихода Ляэнеского уезда /работала до 1887 года/, выпускники которой отвечали требованиям, предъявлявшимся к учителям деревенских школ. В результате деятельности семинарий в Атасте и Кууда в 60-х годах XIX в. учителя с семинарским образованием составляли в западной части Северной Эстонии, по крайней мере, половину всего контингента учителей деревенских школ. В восточной части Северной Эстонии, где семинарий не было, в деревенских школах

работало много учителей, получивших образование в приходских школах.

С 50-х годов XIX в. в приходские школы Эстонии приходит большое число учителей с семинарским образованием. Это были выпускники Валкской семинарии, руководимой выдающимся латышским педагогом и музыкантом Я. Цимзе /1818-1881/, просуществовавшей с 1849 до 1887 года. Некоторые из ее выпускников стали известными педагогами и деятелями культуры /например, Й. Капп и И. Эглон/. Годы учения в Валкской семинарии у Я. Цимзе /с 1856 по 1859 год/ оказали большое влияние на формирование мировоззрения одного из наиболее видных вождей эстонского национального движения К. Р. Якобсона.

К концу рассматриваемого периода в Эстонии начала складываться сеть педагогических учебных заведений, стражавшая трехступенчатую сословную школьную систему.

На самой низшей ступени /в семинариях, готовивших учителей деревенских школ/ языком преподавания был эстонский, средней /в семинариях, готовивших учителей приходских и элементарных школ/ и высшей /подготовка учителей для уездных училищ и гимназий при Тартуском университете/ языком обучения был немецкий. Соответственно отличались и материальное положение учебных заведений, условия жизни и учебы учеников, и содержание учебной работы. Педагогические учебные заведения содержались частично на казенный счет, частично - за счет дворянства, в отдельных случаях - за счет частных лиц. Эстонские педагогические учебные заведения способствовали возникновению эстонской, отчасти и латышской интеллигенции, но они так и не смогли удовлетворить потребности школьной системы в нужном количестве учителей. По приблизительным подсчетам, работавшие в рассматриваемый период в Эстонии учебные заведения по подготовке учителей дали школам Прибалтийских губерний примерно 350 учителей.

Тем не менее, Эстония по сравнению с соседними губерниями /за исключением Петербурга/ находилась в привилегированном положении. Здесь был университет, дававший возможность молодежи

получить высшее образование, а до 1855 года - и педагогическую подготовку, здесь была одна из первых в России семинарий, готовившая учителей для государственных начальных школ.

Несмотря на многочисленные трудности и недостатки в работе педагогических учебных заведений, их учреждение в первой половине XIX века заложило основу для профессиональной подготовки учителей для школ всех ступеней в Эстонии.

Педагогическое образование в 1860-1880 годах

Победа капиталистических отношений в сельском хозяйстве, ускоряющееся развитие фабрично-заводской промышленности, транспорта, торговли и связи сопровождалось в рассматриваемый период заметными изменениями во всей культурной жизни, в том числе и в просвещении.

Расширяется сеть народных школ, для крестьянских детей было введено обязательное обучение. Учеников обучали теперь также письму и счету, началам географии и даже истории. В связи с ростом числа школ, углублением и интенсификацией учебной работы растет и необходимость в специально подготовленных учителях для всех типов школ.

Подготовке учителей для гимназий и уездных училищ продолжалась на основанных в 1861 году при Тартуском университете педагогических курсах. Согласно уставу, на курсы принимали выпускников университета, а также сдавших экзамен на старшего учителя гимназии или прогимназии. Для подготовки учителей уездных училищ на курсы принимались лица, сдавшие профессиональный экзамен на звание учителя уездного училища, или наиболее способные выпускники Тартуской учительской семинарии. Срок обучения 10 государственных стипендиатов был назначен в два года.⁶ Тартуские педагогические курсы просуществовали всего шесть лет / до 1867 г./ и подготовили, по меньшей мере, 23 выпускника. На курсах готовили преподавателей языков /латинского, греческого, русского и немецкого/, математики, истории и т.н. учителей наук как для гимназий, так и для уездных училищ. Выпускники Тартуских педагогических курсов работали в

школах всех Прибалтийских губерний. В 1865-1867 годах на этих курсах учился известный деятель латышского национального движения А.Кронвалдс. С закрытием Тартуских педагогических курсов в Эстонии вновь прекратилась подготовка учителей средних школ. Но продолжала действовать Тартуская учительская семинария, финансируемая государством учебное заведение с 10-14 содержащимися на казенный счет семинаристами, в 1865 году было преобразовано в трехклассное, куда было разрешено принимать семинаристов, обучавшихся за свой счет.⁷ Число учащихся возрастает до 40-50: это были выходцы из Прибалтийских губерний. В период с 1861 г. по 1889 г. семинарию окончили 244 человека.⁸

Учебная и воспитательная работа в семинарии была построена, чтобы внедрить в сознание семинаристов культурные влияния. Характерно, что семинаристов, по преимуществу эстонцев и латышей, вообще не обучали эстонскому и латышскому языкам, часть семинаристов онемечивалась, однако полностью изолировать учащихся от проникновения в их среду идей национального движения все же не удавалось. В 1889 году, когда в результате школьных реформ 1880-х годов в школах Прибалтийских губерний было введено преподавание на русском языке, Тартуская семинария о преподаванием на немецком языке была закрыта.

Для эстонских приходских школ учителей готовила Валкская учительская семинария. Из стен этой школы вышли многие известные впоследствии музыкальные деятели, руководители хоров и оркестров, немало способствовавших развитию музыкальной культуры Эстонии. Воспитанниками Валкской семинарии, учениками Я.Цимзе, были первые эстонские композиторы А.Сябельманн-Кундлейд /1845-1875/, А.Томсон /1845-1917/, Ф.Сябельманн /1851-1911/ и А.Ляте /1860-1948/. В Валкской семинарии до закрытия ее в 1887 году получили подготовку около 100 эстонских учителей.⁹

С целью подготовки учителей со знанием русского языка и в противовес немецкоязычным семинариям царским правительством в 1870 г. в Риге была открыта Прибалтийская семинария с русским языком обучения. Но поскольку туда поступало сравнительно мало эстонцев, в 1878 году подобная семинария была открыта в Тарту.

В соответствии с уставом Тартуская семинария была трехгодичным учебным заведением, финансируемым государством и готовящим учителей для народных школ. В семинарии обучались 50 казеннокоштных семинаристов, помимо них были семинаристы, обучавшиеся за свой счет. Программа семинарии включала общеобразовательную подготовку, превышавшую программу 4-классного городского училища и приближавшуюся к гимназии. Преподавались там и необходимые педагогические дисциплины, была открыта специальная школа для проведения педагогической практики. Семинария давала хорошо подготовленных учителей.

В Тартуской семинарии учились в основном выходцы из Южной и Восточной Эстонии, были учащиеся из Латвии и других губерний России. В течение 1881-1890 годов семинарию окончил 151 человек.¹⁰ Выпускники семинарии работали в православных школах, лютеранских приходских школах и городских начальных школах, реже - в волостных школах.

В первые годы работы семинарии семинаристам разрешалось участвовать в некоторых мероприятиях эстонского национального движения, не было препятствий в преподавании эстонского языка и литературы. Положение существенно изменилось в 1883 году, когда в связи с усилением политики русификации первому директору семинарии Л. Эдновичу пришлось оставить свой пост. С этого времени директорами семинарии назначались почти исключительно убежденные монархисты и рьяные русофилы. Многие учителя семинарии получали образование в России, в учительских институтах, а пополняли свои знания путем самообразования. Преподаватели закона божьего /священники/ старались внушить ученикам идеи православия и верноподданничества. Идеи национального возрождения внес в семинарию недолго работавший там /1878-1881гг./ преподавателем эстонского языка языковед М. Веске /1843-1890/. Семинаристам казалось, будто "дух" М. Веске продолжал еще ряд лет витать в стенах семинарии, передавался от одного поколения семинаристов к другому".¹¹

Воспитанники семинарии хорошо овладевали русским языком и знакомились с русской литературой. Но, несмотря на усилия царского правительства, семинария становится питомником эстонской

национальной интеллигенции. Выпускники семинарии сделали много для поднятия уровня начального образования в Эстонии. Они значительно пополнили ряды демократической эстонской народной интеллигенции первого поколения.

Учителей для волостных школ эстонской части Лифляндской губернии по-прежнему готовили, в первую очередь, приходские школы. Поскольку уровень обучения в сааремааских лютеранских приходских школах значительно уступал уровню приходских школ материковой части Лифляндии, подготовка учителей для волостных школ на Сааремаа была особенно слабой. Для исправления положения в 1871 году при материальной поддержке сааремааского ринцарства была открыта учительская семинария в Каарма с трехлетним курсом обучения, чтобы "готовить учителей, волостных чиновников и учителей для приходских школ".¹² Хотя Каармаская семинария должна была готовить учителей и для крестьянских школ второй ступени /приходских школ/, по уровню преподавания она отставала от упомянутых выше семинарий. В семинарии бесплатно обучались 12 учащихся /по одному от каждого сааремааского прихода/. Принимались в нее и желавшие учиться за свой счет. Каармаская семинария существенно повысила уровень подготовки учителей сааремааских народных школ.

С начала 70-х годов XIX в. учителей для многочисленных православных народных школ Сааремаа готовила Курессаарская Николаевская образцовая приходская школа.

В середине 1870-х годов волостные школы Южной Эстонии стали получать учителей из открывавшейся в 1873 году Тартуской семинарии учителей волостных школ /иногда по имени директора Ф.Хольманна называемой семинарией Хольманна/. Это было двухклассное учебное заведение, куда принимались выпускники приходских школ. Самообразование в семинарии не поощрялось, поскольку из ее воспитанников не готовили "научно образованных педагогов и просветителей народа", им следовало лишь усвоить то, что "требует от учителей волостных школ учебные планы 1874 года".¹³

В 1887 году в знак протеста против проведенной царским правительством школьной реформы дворянство закрыло Тартускую семинарию. За 14 лет ее окончили примерно 170 человек.¹⁴

В начале 1860-х годов в Эстляндской губернии действовали

две учительские семинарии, готовившие учителей для волостных школ. Из них Ядиверескую семинарию рыцарство закрыло в 1863 году.

Содержащаяся рыцарством и руководимая директорами-богословами Куудаская семинария до 1876 года была одноклассной. В 1876 году дворянство увеличило субсидии семинарии, она была преобразована в трехклассную.¹⁵ В соответствии с требованиями времени была изменена и учебная программа: все больше внимания уделяется изучению русского языка. По поводу языка обучения в учебном плане 1878 года отмечалось: "Дисциплины преподаются на немецком, русском и эстонском языках".¹⁶ Куудаская семинария была закрыта в 1887 году. За 33 года деятельности из ее стен вышли 264 учителя 16 выпусков.¹⁷

Потребность в учителях, владеющих шведским языком, для некоторых прибрежных и островных районов Эстонии со шведским населением вызвала необходимость открыть в 1873 году семинарию на севере Ляэнемааского уезда в имени Пасслепа Ноароотсиского прихода, работа в которой была организована по примеру Куудаской семинарии. К 1879 году семинарию окончили 19 учителей: предполагалось, что такого количества учителей для шведских школ достаточно. До 1882 года семинарию окончили еще 9 семинаристов - эстонцев, затем это учебное заведение было закрыто. В 1887 году деятельность семинарии была возобновлена, но вскоре семинария была закрыта уже окончательно.¹⁸

И все же учителей со специальной подготовкой для всех школ не хватало. Педагогические учебные заведения готовили главным образом учителей для сельских народных школ. Учредителями их были как царское правительство, так и местное дворянство. Положение семинарий, учрежденных рыцарством, было неопределенным, к концу рассматриваемого периода они /за исключением Каармаской семинарии/ были ликвидированы.

Закрытие Тартуских педагогических курсов в 1867 году означало ликвидацию педагогического образования высшей ступени в Прибалтийских губерниях тогда, когда необходимость в подготовленных учителях в связи с расширением сети средних школ

постоянно возрастает.

Подготовка учителей в период с 1890 года до
революции 1905-1907 годов

Политика царского правительства и прибалтийского дворянства в деле подготовки учителей привела к тому, что к концу 1890-х годов начальным школам Прибалтийских губерний угрожает опасность остаться без специально подготовленных учителей. В Эстонии после школьных реформ 1880-х годов работали лишь две учительские семинарии в Тарту и Каарма.

В Тартуской государственной учительской семинарии /основана в 1878 году/ с 4-летним курсом обучения /подготовительный класс и три основных класса/ преподавание велось на русском языке. Учениками и теперь здесь были главным образом эстонцы, учились там лишь немного русских и латышей. В семинарию поступали в основном выходцы из середняцких и бедняцких крестьянских семей, поскольку эта семинария была одним из немногих учебных заведений, где семинаристы находились частично или полностью на государственном обеспечении. В результате большого конкурса в семинарию попадали наиболее развитые, подготовленные и физически здоровые юноши. В период с 1891 по 1904 годы Тартускую семинарию окончил 231 человек.¹⁹

В Каармаской учительской семинарии, находившейся на попечении дворянства, с 1900 года все предметы, кроме педагогики и общей истории, стали вести на русском языке.²⁰ В 1903 году срок обучения в семинарии был продлен с трех лет до четырех. Каармаская семинария готовила учителей для волостных и приходских школ, большая часть которых оставалась работать на Сааремаа, некоторые учителя устраивались в Ляэнемааском уезде.

Эстонцы учились в Валкской /Валлиерской/ семинарии /открыта в 1894 году/, немногие из них - в Прибалтийской, Гатчинской, Псковской, Петербургской и других учительских семинариях, а также в Петербургском учительском институте.

На эстонских территориях новые учительские семинарии не

создавались: царские власти пытались в подготовке учителей обойтись здесь временными мерами. Так, в соответствии с царским указом от 20 декабря 1894 года в Рижском учебном округе для подготовки учителей волостных школ при министерских училищах стали открывать педагогические классы, куда с 16-летнего возраста принимались лучшие выпускники двухклассных министерских училищ и лютеранских приходских школ. Учеба в педагогических классах длилась один год.

С осени 1895 года педагогические классы действуют при пяти министерских училищах Рижского учебного округа, два из которых находились на территории Латвии и три — на территории Эстонии: в Йихви, Аспере /Лийгусте/ и Синди. Осенью 1900 года были ликвидированы все педагогические классы при министерских училищах на территории Латвии, а освободившиеся суммы были переданы министерским училищам в Эстонии. С этого времени педагогические классы появились также при Колгаском /Ууриском/ и Лохусууском министерских училищах.²¹ Обучение в педагогических классах министерских училищ было бесплатным, в конце срока обучения по всем дисциплинам проводился экзамен, который принимала комиссия, составленная из учителей, а председателем ее был инспектор народных школ. Выпускники педагогических классов имели право преподавания в волостных и прочих школах той же ступени, например, в православных вспомогательных школах, но не приравнивались в правах к выпускникам казенных семинарий.²²

Другой мерой царских властей при подготовке учителей начальных школ были педагогические курсы при городских училищах. Целью этих курсов было теоретическое и практическое ознакомление слушателей с работой в начальной школе и подготовке их к сдаче профессионального экзамена.²³ Согласно положению, на курсы принимались без экзаменов 16-летние юноши и девушки, успешно окончившие городское училище или какую-нибудь другую школу той же ступени; учеба продолжалась один год.

На курсах повторялись дисциплины по программе городского училища, т.е. примерно в пределах шестилетнего общеобразовательного курса, кроме того, слушателей обучали основам дидактики и методики. Учебная практика, как и в педагогических классах

сах министерских училищ, заключалась сначала в посещениях и прослушивании уроков, а затем — проведении пробных уроков. Выпускники курсов получали диплом учителя начальной школы.

Осенью 1900 года педагогические курсы начали работать при Тартуском, Вильяндиском, Таллинском и Пайдеском городских училищах. В следующем году / 1901/1902/ курсы продолжали действовать лишь при Таллинском четырехклассном городском училище, поскольку средства, выделенные Тартускому городскому училищу, были переданы Валтаскому городскому училищу. В 1902 году в дополнение к уже существующим были открыты педагогические курсы при Раковерском и Хаапсалуском городских училищах. В 1903 году были закрыты педагогические курсы при Вильяндиском городском училище, и высвободившиеся суммы переданы Пайдескому городскому училищу.

Таким образом, начиная с 1903/1904 учебного года, учителей для начальных школ Эстонии готовят на педагогических курсах при Валтаском, Пайдеском, Хаапсалуском и Раковерском городских училищах и Таллинском четырехклассном городском училище.²⁴ Так в Эстонии была сформирована сеть педагогических курсов при городских училищах.

Выпускники педагогических курсов при городских училищах работали по преимуществу в крестьянских народных школах низшей ступени /волостных и низших школах и православных вспомогательных училищах или приходских школах, некоторые становились во главе таких школ. Хотя подготовка учителей — выпускников педагогических классов и курсов /особенно педагогических классов при министерских училищах/ была недостаточной, царское правительство надеялось с их помощью проводить в жизнь шовинистическую политику в области просвещения в школах Прибалтики. Параллельно представители органов просвещения регулярно организуют курсы усовершенствования русского языка, к занятиям на которых многие уже работающие учителя принуждаются насильно.

Подготовка учителей в период между двумя
буржуазно-демократическими революциями
(1905-1917 г.г.).

После революции 1905-1907 годов в развитии начального среднего образования в Эстонии наблюдается некоторое оживление. Увеличивается общее число начальных школ прежде всего за счет частных школ с обучением на родном языке, государственных начальных училищ. Такие школы, однако, требовали более подготовленных учителей, чем волостные или православные вспомогательные школы, учителя которых, в свою очередь, в большинстве своем имели недостаточную подготовку. Таким образом, растущие потребности просвещения требовали дальнейшего развития системы педагогического образования.

В начале рассматриваемого периода педагогическим учебным заведениям, дающим наиболее солидную подготовку, в Эстонии по-прежнему оставалась Тартуская учительская семинария. В семинарии преподавание велось в основном в том же объеме, что и в мужских гимназиях (за исключением новых иностранных языков, латинского и греческого).

Среди учебных предметов на первом месте был русский язык.

Учителя-предметники обучали и методике преподавания своих дисциплин, педагогика читалась в II классе два и в III классе три часа в неделю, показательные уроки семинаристы посещали во II классе два раза в неделю, на учебную практику в последнем классе отводилось семь часов в неделю. Таким образом, будущие учителя получали достаточно основательную практическую подготовку, и их общеобразовательный уровень был довольно высок.

Число учащихся семинарии колебалось в пределах 80-100 человек в год. С 1905 по 1917 год Тартускую учительскую семинарию посещало 26

В Эстляндской губернии, где после школьных реформ 1880-х годов не осталось ни одной учительской семинарии, в 1912 году в Раквере была открыта государственная 4-классная учительская семинария, которая имела большую библиотеку и была снабжена учебными пособиями. Уже через несколько лет Ракверская семи-

нария по своим материальным возможностям превосходит любую учительскую семинарию в Рижском учебном округе.²⁷

Это объясняется тем, что, учреждая Ракверескую семинарию, правительство намеревалось привлечь сюда как можно больше учеников из внутренних губерний: половину воспитанников семинарии составляли эстонцы.

В учебной работе основной упор делался, естественно, на обучение русскому языку и литературе, которые преподавались даже в большем объеме, чем в гимназии. Основательно и всесторонне читал курсы географии и истории В.Н.Бернадский (позднее профессор Ленинградского педагогического института им. А.И.Герцена). Он прививал семинаристам навыки самостоятельной работы с литературой, углубляя и расширяя тем самым их знания. Вне занятий В.Н.Бернадский читал семинаристам историю Прибалтики, возбуждая таким образом интерес к истории Эстонии. Эстонский язык значился в учебном плане семинарии в качестве маловажного "побочного предмета", что было вполне закономерно для тогдашней казенной семинарии, руководимой к тому же директором-швиннистом.²⁸

Семинария давала своим воспитанникам достаточно основательные знания для работы в начальной школе: много внимания уделялось эстетическому воспитанию, особенно музыке и рисованию. Педагогическая практика вместе с методикой закладывали основы педагогической деятельности.²⁹ Всего Раквереская семинария в рассматриваемый период подготовила 68 учителей, среди них 40 эстонцев и 27 русских.³⁰

Каармамская семинария существовала до 1910 года. За время своей деятельности (с 1871 года) она подготовила 189 учителей.³¹

В 1903 году в Тарту открыли трехлетнюю женскую семинарию с немецким языком обучения, в 1915 году это учебное заведение царскими властями было закрыто.

Всероссийская школьная перепись 1911 года показала, что в начальных школах Эстонии работали в то время 460 учителей

с семинарским образованием, что составляло всего 20,5% общего числа учителей начальных школ.³²

Поскольку учительские семинарии не удовлетворяли потребности в учителях, продолжали работать педагогические классы при министерских школах и педагогические курсы при высших начальных (бывших городских) училищах.

Так, с 1905 года педагогические классы более или менее регулярно работали в Лохусууском, Колгаском, Синдиском, Йыхвиском и Ааспереском министерских училищах и некоторое время (от года до двух) - при Саадярвеском, Муствезском и Вана-Лывеском министерских училищах. Деятельность педагогических классов при министерских училищах была прекращена не позднее 1913 года. Во время школьной переписи 1911 года в начальных школах Эстонии преподавали 247 учителей, получивших образование в педагогических классах при министерских училищах.³³

Осенью 1912 года все действовавшие в Эстонии годовые педагогические курсы при высших начальных училищах были реорганизованы в 2-годовые, были открыты 2-годовые педагогические курсы при Курессаареском высшем 4-классном начальном училище, которые в 1915 году были приданы Тартускому высшему начальному училищу. Педагогические курсы при Раквереском высшем начальном училище в 1916 году были приданы Муствезскому высшему начальному училищу.

Реорганизация годовых курсов в 2-годовые заметно приблизила уровень подготовки учителей в них к уровню семинарий. Поэтому в подготовке учителей начальных школ в Эстонии они сыграли более заметную роль, чем педагогические классы при министерских училищах. Уже в начале 1911 года в Эстонии работала 112 учителей, получивших образование на педагогических курсах при городских училищах, т.е. 4,9% всех учителей начальных школ.³⁴ Позднее их число, несомненно, возросло. Вообще за 1905-1917 годы на курсах при городских училищах (и высших начальных училищах) были подготовлены примерно 440 учителей.

Девушки получали специальность учительниц главным образом в женских гимназиях и высших женских училищах, некоторые

на педагогических курсах при городских училищах и в педагогических классах при министерских училищах.

Для подготовки учителей высших начальных училищ, число которых постоянно росло, в 1914 году был основан 3-годовалый Тартуский учительский институт с русским языком обучения, единственное такого рода учебное заведение в Прибалтийских губерниях. В учительском институте обучались многие выпускники Прибалтийской и Валкской-Валмиерской семинарии. Так, осенью 1915 года (после второго приема) из 40 студентов института было 30 латышей, 6 эстонцев и 4 русских.³⁵

В Тартуском учительском институте состоялся лишь один выпуск - весной 1917 года: выпускников должно было быть примерно 20. Осенью того же года институт был эвакуирован в Херсон.

С осени 1911 года подготовка учителей средних школ ведется при Тартуском университете, когда там были открыты годичные курсы подготовки учителей средних школ. На курсах работало 4 отделения: 1) отделение русского языка и литературы, 2) отделение математики, физики и космографии, 3) отделение русской и всеобщей истории, 4) отделение природоведения и географии.

Контингент слушателей (примерно 140 человек) по своему происхождению был достаточно пестрым. Многие слушатели получили среднее образование во внутренних губерниях, были учащиеся из Белоруссии, Украины, Литвы и Кавказа. Курсы прекратили работу в 1915 году. Их окончили 133 человека, в том числе 21 женщина.

Всего в 1905-1917 годах в системе педагогического образования Эстонии подготовлены приблизительно 1000 учителей начальных школ и 133 учителя средних школ. В этот же период начальные и средние школы получили значительно больше учителей, чем когда-либо раньше.

По данным школьной переписи 1911 года, в начальных школах Эстонии было 2249 учителей (не учтены учителя городских училищ), из них с педагогическим образованием - 1732 (77%).

Но не все учителя, имевшие учительское образование, получили подготовку в педагогических учебных заведениях: их окончили примерно 50% учительского контингента.

Система подготовки учителей начальных школ привнесла в предоктябрьское десятилетие существенное пополнение эстонской интеллигенции, прежде всего ее демократического крыла. Эти учителя работали в школах Эстонии в 1920-1930-е годы, многие - в школах Советской Эстонии.

Литература

1. ЦГИА ЭССР, ф.402, оп.4, ед.хр.26.
2. Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802-1902). - Юрьев, 1902, т.1, с.482.
3. Tartu Õpetajate Seminar 1828-1928-Tartu, 1929, lk.44-51.
4. Speer H. Das Bauernschulwesen im Gouvernement Estland vom Ende des achtzehnten Jahrhunderts bis zur Russifizierung. Tartu, 1936, S.199-200.
5. Andresen L. Ataste koolmeistrite kool- Noikogude Kool , 1968, Nr.1, lk.79.
6. Положение о педагогических курсах в Дерпте. - Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XXXV. Отделение первое. 1861. - Санкт-Петербург, 1863, с.21-25.
7. Lange H. Das Erste Dorpat'sche Lehrer-Seminar von 1828 bis 1889. Dorpat, 1890, S.42.
8. Tartu Õpetajate Seminar 1828-1928, lk.51-67.
9. Андрезен Л. Эстонские народные школы в XVII-XIX веках. - Таллин, 1980, с.230.
10. Tartu Õpetajate Seminar 1828-1928, lk.215-251.
11. Kürats M. Tartu 11 opetajate seminar (vene oppikeelaga)- Rmt.:Tartu Õpetajate Seminar 1828-1928, lk.110.
12. Kirotar J. Kaarma seminar kui Eesti kultura tegur.1871-1910.-Eesti kultura 1.Koostanud V.Reiman-Tartu, 1911, lk.44.
13. Lehrplan für das Estnische Gemeindenschullehrer-Seminar zu Dorpat.-Riga, 1879, S.13.
14. Kivisaar J. Tartu Eesti vallakooliõpetajate (Hollmanni) seminar 1873-1887.-Tartu, 1932, lk.20.

15. Neumann M. Kuude seminar ja tema kasvandikud.-Tallin, 1928, lk.24.
16. Lehrplan für das Estländische Lehrer-Seminar in Kuda.-Reval, 1876, S.5.
17. Андрезен Л. Эстонские народные школы в XVII-XIX веках, - Таллин, 1980, с.229.
18. Altoa V., Ariste P. Ühest varjujäänud opeastusest.- Eesti Kirjandus , 1936, Nr.5. lk.224-229.
19. Tartu Õpetajate Seminar 1828-1928, lk.253-316.
20. Kirotar J. Kaarma seminar kui Eesti kultura tegur.1871-1910.-Eesti kultura l.Koostanud W.Reiman, lk.64.
21. Laul E.Eesti alghariduskoolide õpetajate ettevalmistusost tsaariaja lopul.- Nõukogude Kool ,1974, Nr.2,lk.174.
22. Там же.
23. Правила о педагогических курсах для приготовления учителей и учительниц (утв.Мин.нар.просв.31 марта 1900 г.) - Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1900 год, № 5, с. 249-252.
24. Laul E. Eesti alghariduskoolide õpetajate ettevalmistusost tsaariaja lopul.- Nõukogude Kool , 1974, Nr.3,lk.256.
25. Kürats M.Tartu 11 õpetajate seminar (vene opekeelega)- Rmt.:Tartu Õpetajate Seminar 1828-1928.lk.120.
26. Там же, с.316-368.
27. Nurk A.Rakvere Õpetajate Seminar 1912-1932.- Tartu, 1967, lk. 16.
28. Nurk A. Rakvere Õpetajate Seminar 1912-1932.-Tartu, 1967, lk. 25.
29. Там же, с.22.
30. Там же, с.35
31. Kirotar J. Kaarma seminar kui Eesti kultura tegur.1871-1910.-Eesti Kultura l. Koostanud W.Reiman, lk.73.
32. Laul E. Eesti alghariduskoolide õpetajate ettevalmistusost tsaariaja lopul.- Nõukogude Kool , 1974, Nr.2, lk.172.
33. Там же, с.174-175.
34. Там же, с.257.

- Einasto E. Ühest omapärasest õppeasutusest Tartus.-
35. Edasi, 12. jaan., 1968.
- Sirk V. Üheaastased keskkooliõpetajate ettevalmistuskur-
36. sused Tartu ülikoolijuures. - Nõukogude Kool, 1972, Nr. 1,
lk. 73-74.

ПОЛОЖЕНИЕ И ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНОЙ
ШКОЛЫ В ЛИТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX -
НАЧАЛЕ XX в.в.

М. Карчяускене

Рассматриваемый период в развитии школы и педагогической мысли Литвы довольно сложен и специфичен.

Жестокая царская реакция после подавления восстания 1863 г. разрушила систему народного образования, наносила большой урон местной интеллигенции, в том числе и учителям. Новое поколение литовской интеллигенции, основная масса которой была крестьянского происхождения, появилось только в начале 90-х годов XIX века. Немалая часть представителей этой интеллигенции приобрели так называемые свободные профессии (врача, юриста) или закончили Вейярайскую учительскую семинарию. Интеллигенты нового поколения распространяют просветительские идеи, более радикальная часть интеллигенции интересуется идеями народничества, а позже - марксизма-ленинизма.

При этом не следует забывать, что новое поколение интеллигенции зародилось и развивалось в условиях роста национально-освободительного движения в Литве.

Все это и определило взгляды нового поколения на народное просвещение и основное его звено - учителей.

В ходе революции 1905-1907 гг. литовский народ заставил царям пойти на некоторые уступки в деле народного просвещения.

Как известно, со второй половины XIX века во многих капиталистических странах проводились реформы народного просвещения. Эти реформы, хотя и с опозданием, коснулись и Рос-

сии.

Так как в Литве в этот период не было ни одной высшей школы, а любые прогрессивные начинания жестоко преследовались царскими властями, то немалая часть представителей литовской интеллигенции для получения образования отправлялись за границу или в учебные заведения других российских губерний: в последних в конце XIX в. были особенно популярны прогрессивные общественно-педагогические идеи.

За границей нелегально выходили книги на литовском языке.

В педагогике того времени в связи с реформами народного образования много внимания уделяется народному учителю: возникает потребность в оценке учителя как личности, более точно определять те профессионально-педагогические качества, которыми он должен обладать, появляется необходимость в пересмотре системы подготовки народных учителей.

Педагогическая наука предъявляет следующие требования к учителю: научный подход к учебному процессу, умение направлять умственную деятельность учащихся, формировать их способности.

Поэтому при подготовке будущих учителей обращается внимание на: а) изучение психологии, без которой невозможно познание учащегося; б) овладение учебным предметом (предметная подготовка); в) понимание сущности учебного предмета, т.е. осознание того, каким образом ребенок усваивает изучаемый материал (педагогико-психологическая сторона) и как учитель должен преподавать этот предмет (дидактико-методическая сторона).

В конце XIX - начале XX в.в. под влиянием новых педагогических течений (педоцентризм, свободное воспитание, педагогика личности и т.п.) много внимания уделяется личности учителя, подчеркиваются его творческо-дидактические способности, умение общаться с детьми, поддерживать теплые отношения с ними и т.п.

Такие тенденции характерны и для прогрессивной русской

педагогике (выработка определения модели деятельности учителя, определение структуры его подготовки - К.Д.Ушинский, Л.Н.Толстой и др.).

Но после временного революционного подъема 60-х годов в России наступает жестокая реакция, проводятся контрреформы в системе народного образования.

Царские власти небескорыстно заботятся о педагогической подготовке народного учителя, стремясь использовать учителя как орудие для достижения своих политических целей. Не случайно при подготовке проектов учительских семинарий Министерство народного просвещения заинтересовалось деятельностью прусских учительских семинарий, опыт которых в деле воспитания учительских кадров был достоин применения в условиях России.

Правительство, с одной стороны, видело в учителе педагога, с другой - миссионера, основного проповедника идей царизма в широких народных массах.

Но несмотря на это, видные педагоги России того времени разработали всесторонне обоснованную прогрессивную модель народного учителя и глубоко продуманную систему его подготовки. Так, например, К.Д.Ушинский главным элементом личности учителя считал народность, всестороннюю подготовку для познания ребенка, способность творчески применять педагогические знания на практике; для Л.Н.Толстого главным в личности педагога были любовь к ребенку как представителю народа, умение творчески решать педагогические проблемы, желание бороться с рутинной.

Как К.Д.Ушинский, так и Л.Н.Толстой в конце XIX - начале XX вв. были популярны в Литве и, несомненно, оказали существенное влияние на развитие педагогической мысли и школьной практики.

Напрашивается вопрос, как в Литве велись разработка модели народного учителя и система его подготовки в тогдашних условиях?

В этой связи следует обратить внимание на следующее:

а) какой учитель должен был соответствовать требованиям царских властей для литовской школы, и какую подготовку он должен был пройти;

б) как воспринимали различные слои литовского населения учителя - ставленника царизма, и какой тип учителя был необходим народу.

Царям считалось начальной школой в Литве одной из опор укрепления самодержавия в крае. Поэтому на личность, политические убеждения учителя обращалось здесь особое внимание. После восстания 1863 г. власти не доверяли коренному населению. Все учителя, происходившие из местного населения, были отстранены от работы. Общественная инициатива в деле народного просвещения подавлялась. Только в Сувалкской губернии, которая входила в состав Королевства Польского, могли работать политически благонадежные местные учителя, так как указом 1864 г. здесь разрешалось открывать национальные школы, но даже в этих школах действовали определенные ограничения: не разрешалось преподавать представителям католического духовенства и монахам. Поэтому было трудно найти грамотного местного учителя.

Проблема народного учителя оставалась острой на всей территории Литвы. Например, в отчетах Ковенской губернии за 1866 год подчеркивается, что трудно обучать арифметике там, где учителя полуграмотны.¹ Аналогичным положение было и в Сувалкской губернии, пока Вейварийская учительская семинария не выпустила своих первых воспитанников.²

Царские органы просвещения стремились послать в Литву политически надежных учителей. В этом особую роль были призваны сыграть воспитанники православных духовных семинарий. Попечитель Виленского учебного округа И. Корнилов указывал, что православное духовенство имеет все те особенности, которые нужны для воспитания народных масс. По словам И. Корнилова, православное духовенство отличается терпением и усердием, близко к народу, знакомо с его бытом и т.п.

И. Корнилов считал, что, пока учительские семинарии не подготовили учителей, "православные семинарии служат единственными рассадниками народных наставников".³

Но и воспитанники духовных семинарий, направляемые в Литву, должны были отвечать определенным требованиям. Так, И. Корнилов в 1864 г. писал Ярославскому архиепископу, что в Литву надо посылать будущих учителей, способных "на борьбу с латинством, на защиту и восстановление православия и народности".⁴ Общим и педагогическим уровнем кандидатов в учителя школьное начальство мало интересовалось. Высокообразованные учителя могли только беспокоить: так, попечитель Виленского учебного округа И. Корнилов в циркуляре от 6 февраля 1865 г. писал: "... наука, в особенности элементарная школа, есть только средство, наука обогащает человека знаниями, расширяет умственный его кругозор, но она есть меч обоюдоострый". Он же замечает, что "не элементарная наука собственно, а человек воспитывает человека".⁵

Поэтому нередко названные семинаристы приступали к работе без какой-либо подготовки, как общей, так и педагогической. Это принесло большой вред школьному делу. Пришлось организовывать постоянные краткосрочные курсы при школьных дирекциях для кандидатов на учительские должности. Программа этих курсов была ограничена: они действовали около одного месяца. На курсах директор народных училищ или инспектор объяснял слушателям их общественные обязанности, давал некоторые педагогические советы — общие черты методики начального обучения, знакомил с учебниками начальной школы, основными инструкциями органов просвещения, с организацией учебно-воспитательной работы в начальной школе и т.п. Кроме того, слушатели курсов получали возможность наблюдать и проанализировать несколько уроков, проведенных в школах Каунаса или Вильнюса.

Так как, по словам И. Корнилова, одних принудительных мер в Северо-Западном крае было уже недостаточно, нужно было обратить внимание на образование. Очень важно было объяснить будущим учителям миссионерские обязанности, стоящие перед

тами.

Попечитель Виленского учебного округа А.Ширинский-Шихматов еще в циркуляре, изданном в 1863 г. в дополнение к инструкциям, указывал, какое большое влияние должен оказывать учитель на народные массы. Он предлагал учителям вести беседы с населением с целью "развить у крестьян чувства привязанности к своей вере, государю и к своей русской народности и сообщить им здоровые понятия о тех обязанностях, которые лежат на них как на верноподданных."⁶

Как известно, согласно "Временным правилам" (1863 г.), в Виленском учебном округе все предметы в школах должны были преподавать на русском языке (за исключением преподавания закона божьего, который "допускалось" преподавать на родном языке, но местное школьное начальство и эти уступки всячески игнорировало).

Несмотря на это, слушатели курсов, назначенные в Ковенскую губернию, должны были хотя бы минимально ознакомиться с литовским языком; дети и крестьяне этой губернии совершенно не владели русским языком. Конкретно говоря, слушатели должны были усвоить минимальное количество слов, которые усваивались детьми в первую очередь, к таковым относились названия частей человеческого тела, предметов окружающей действительности, школьных принадлежностей. Для этой цели употреблялись двуязычные буквари, предназначенные для начальной школы.

Незнание местного языка, миссионерская деятельность чуждых, присланных учителей раздражала еще возбужденные восстанием массы. Литовский народ бойкотировал чуждую ему царскую школу и учителей. Между народом и школой с её учителями стояли языковые и религиозные барьеры.

Несмотря на то, что приезжие учителя получали ряд льгот, большая их часть не выдерживала тяжелой атмосферы и бросала учительскую работу, а те, кто работал в школе, достигали очень низких результатов. Поэтому в Литве назрела настоятельная необходимость систематически готовить учителей. Для подготов-

ки учителей были открыты две учительские семинарии: Панявешская (1872 г.) для Ковенской губернии и Вейварийская (1866) для Сувалжской губернии.

Обе семинарии принадлежали министерству народного просвещения и поэтому работали в соответствии с инструкциями этого министерства.

Задачи учительской семинарии Северо-Западного края точно определялись уставом Молодечненской учительской семинарии от 25 июля 1864 г., где сказано: "Учительская семинария — одно из орудий противодействия влиянию польской национальности, и является учреждением, ничем не заменимым".⁷ Таким образом миссионерская деятельность будущего учителя ставилась на первое место. В специальных правилах для воспитанников учительских семинарий Виленского учебного округа указывалось, что семинарии наряду с педагогической подготовкой, должны не забывать о воспитании верноподданности, так как без этого в Северо-Западном крае невозможно формировать истинно русского человека.⁸

Вышеуказанные инструкции и циркуляры обусловили характер учебно-воспитательной работы в учительских семинариях края.

Так как в Ковенской губернии учителя местного происхождения не имели права работать, в Панявешскую учительскую семинарию принимались только русские семинаристы.

Коротко о Панявешской семинарии. План обучения не отличался от планов, действующих в других семинариях России: разница была лишь в том, что здесь преподавался литовский язык в качестве отдельного предмета. Как известно, Министерство народного просвещения того времени не разрабатывало подробных планов по отдельным предметам, т.е. ограничивалось указаниями общего характера. Конкретные программы разрабатывала сама учительская семинария, эти программы вступали в силу после утверждения учебным округом.

Существенных изменений в учебных планах учительских семинарий на протяжении всего периода не произошло. На содержа-

ше обучения влияли общие педагогические тенденции, политика царизма вообще и в Северо-Западном крае в частности.

Например, с усилением реакции после событий 1886 года в учительских семинариях Виленского учебного округа возросло количество часов по закону божьему и церковнославянскому письму за счет естествознания, чистописания и педагогики.⁹ Как указывается в отчетах Виленского учебного округа, окончившие семинарию хорошо знали Библию и другие религиозные книги.¹⁰

Вместо школьной гимнастики согласно наставлению Министерства народного просвещения от 18.IV.1889 г. № 1036 в целях военного воспитания была введена военная гимнастика.

С другой стороны, под влиянием новых педагогических тенденций большое значение придается трудовому и художественному обучению и воспитанию. От обучения ремеслу и садоводству делается попытка перейти к трудовому обучению, хотя предметам сельскохозяйственного цикла и в дальнейшем уделяется много внимания. Это акцентировалось и в программах начальной школы.

Обучение пению и музыке решало три основные задачи: эстетическое воспитание, подготовка к преподаванию данных предметов в школе, привитие религиозно-патриотических чувств.

Большое значение придавалось и рисованию, которое практически имело уклон к черчению.

Уместно хотя бы коротко охарактеризовать обучение литовскому языку в Панявешской учительской семинарии.

Абсолютное большинство поступающих в семинарию литовского языка совсем не знало и не только потому, что много русских, живущих в Ковенской губернии, не владели литовским языком, а и потому, что молодые люди из Ковенской губернии составляли только около 25% всех поступающих в семинарию. Основной контингент был из Минской губернии.

Семинария не имела ни хорошо продуманной программы по литовскому языку, ни учителей, достаточно знавших этот пред-

мет. На литовский язык отводится только один урок в неделю. Учитель литовского языка не считался равным с другими учителями. Небезынтересная деталь - экзамен по литовскому языку следовал последним по графику.

Такое положение с преподаванием литовского языка сохранялось до прихода в семинарию Я. Яблонского (1906-1907 гг.), который подготовил последовательную и научно обоснованную программу литовского языка и добился увеличения числа уроков литовского языка. Но с наступлением столыпинской реакции и в силу других причин Яблонскому пришлось покинуть семинарию.

Уровень преподавания литовского языка в этом учебном заведении опять резко понизился: работали неподготовленные учителя, количество уроков по предмету составляло не больше двух часов в неделю.

Вопросы преподавания родного языка в школе и учительской семинарии в дальнейшем остро ставились не только на страницах литовской печати, но даже в Государственной думе.

Недостаточное владение родным языком обучаемых затрудняло процесс воспитания и обучения: учителя не могли поддерживать нужные контакты ни с учениками, ни с их родителями. Коротче говоря, государственная школа в Литве все еще не удовлетворяла потребностей общества, о чем писал даже "Журнал министерства народного образования".

Педагогическая подготовка в Панявехской учительской семинарии мало отличалась от подготовки в тех семинариях России, которые находились в ведении Министерства народного просвещения.

Теоретический курс педагогики отличался некоторыми особенностями, обусловленными положением русского учителя в Ковенской губернии. Однако это не способствовало решению наиболее важных вопросов педагогических кадров. Отношения между учителями оставались антипедагогическими: школа не имела связи с окружающей жизнью, с традициями края. Кроме того, сельские учителя как в быту, так и на работе не всегда вели себя

достойно (взяточничество, пьянство, грубое обращение с детьми и их родителями, конфликты с католическим духовенством, которое в то время пользовалось большим авторитетом среди народных масс). Все это беспокоило даже руководителей Виленского учебного округа. В частности, был предупрежден директор Панявезской учительской семинарии в связи с тем, что некоторые воспитанники вверенной ему семинарии характеризуются низкими моральными качествами: ковенская дирекция народных училищ получила указание обсудить факты недостойного поведения учителей губернии и принять соответствующие меры.¹¹

Архивные материалы содержат некоторые рассуждения местного школьного начальства относительно того, какой тип учителей желателен для Ковенской губернии.¹²

Там перечисляются те трудности, с которыми сталкивается русский учитель в начальной школе в Литве, а именно: общество настроено против школы и учителя, католическое духовенство проводит подрывную работу и т.д.

Подчеркивается, что учитель здесь, на жмуди, должен работать особенно энергично, последовательно осуществлять задачи, выдвинутые школой.

Отмечается, что успех учителя будет во многом зависеть от того, насколько он сумеет добиться добрых отношений с народом и учениками. Важны нравственные качества учителя, особенно любовь к ученикам.

Выделяется такое качество литовцев-жмудинов, как любознательность, их интерес к тому, что и как дети усваивают в школе, они знают каждый шаг учителя. Отмечается, что если учитель любит детей, умеет с ними обращаться, если дети в школе хорошо усваивают учебные предметы, то такого учителя и такую школу жмудины уважают. Учителя предупреждается, что в Ковенской губернии общество строго следит за ними, им предписывается избегать ненужных конфликтов с учениками и их родителями.

Уместно остановиться на соответствующих указаниях и требованиях органов пресвящения. Так, в инструкции для инспекто-

ров народных школ Виленского округа (1871 г.) указывается, чтобы во время проверки обращалось внимание на следующие моменты: а) обладает ли учитель соответствующими нравственными качествами и способностями для исполнения своих обязанностей; б) пользуется ли доверием местных жителей; в) каковы взаимоотношения между учителем, преподавателем вероисповедования и волостным представителем. Среди нравственных качеств учителя выделяется и его религиозность. Инспектор должен обращать внимание на то, посещает ли учитель с учениками церковь, служит ли его личная жизнь примером для учеников. Вместе с тем, всякие попытки пропаганды православия отдаляли учителя от литовского народа, который исповедовал католическую веру, тем более, что ненависть к православию всячески поощрялась католическим духовенством.

В Виленском и Варшавском учебных округах время от времени акцентировалась миссионерско-разведывательная деятельность учителя. Учителям вменяется в обязанность следить за тайным обучением, собирать соответствующие данные для местной администрации.¹³ Исполнение данных обязанностей особенно обостряли взаимоотношения между учителем и общественностью, что неизбежно вело к срывам в воспитательной работе.

Проблема учителя более успешно решалась в литовской части земель Занямунья. Подбор педагогических кадров здесь осуществляется на основе указа о начальных училищах в Королевстве Польском от 18(30) августа 1864 г.¹⁴ Указ разрешал учреждение школ с учетом национальности населения и преподавание в них на родном языке. Это значит, что работать в этих школах могли и местные учителя соответствующей национальности. Учителя также могли назначаться или избираться местными органами самоуправления и утверждаться школьной дирекцией. От избираемого или назначаемого учителя требовались политическая благонадежность и обязательные для элементарного обучения знания. За благонадежность учителя нес ответственность войт или староста. В связи с особым положением края начальники школьных дирекций имели право при посещении школы проверять благонадеж-

ность учителя и в случае необходимости увольнять его с работы. Возможности при выборе учителя были невелики: монахам и католическому духовенству работать в должности учителя не разрешалось, а более или менее образованных светских людей было немного. Поэтому 17 (5) января 1866 г. был издан указ об открытии педагогических курсов для учителей начальных училищ в Царстве Польском.¹⁵

В 1866 г. в Вейварий открываются педагогические курсы для молодых людей "исключительно литовского происхождения". Курсы были трехгодичными. Предусматривалось преподавать три языка: литовский (10 недельных часов), русский (14 н.ч.) и польский (4 н.ч.). Музыку и пение (20 н.ч.), математику (11 н.ч.), чистописание и черчение (10 н.ч.), акцентируются природоведение, география и практические занятия в школьном саду. Для педагогической теории выделяется всего 5 часов в неделю. На педагогических курсах в Вейварий могли преподавать учителя из местного населения.

В начале работы курсов для преподавания родного языка выделялось сравнительно немало часов, а в педагогическом аспекте подчеркивалась его роль в процессе обучения. Так, в программе педагогики на 1867/68 г. родной (литовский) язык определяется как средство, при помощи которого дети впервые естественно выражают свои духовные особенности.¹⁶ Это было возможным, пока царское правительство шло на некоторые уступки народам в Царстве Польском и пока на Вейварийских курсах педагогику преподавал передовой педагог, соратник и единомышленник К.Д.Ушинского И.Шарловский.

В условиях усиления царской реакции и в связи с началом контрреформ просвещения в Царстве Польском отношение к литовскому языку, к составу учащихся на педагогических курсах в Вейварий изменилось.¹⁷ Началось гонение литовского языка сначала на курсах, а затем в учительской семинарии, созданной на базе этих курсов (1872 г.), и даже в начальных школах. С переходом на русский язык обучения в начальных школах учителя должны были хорошо владеть этим языком: на литовский язык отводилось

лишь по I часу в неделю. В семинарию принимались молодые люди разных национальностей. Литовский язык считался необязательным для тех, кто его не знал до поступления в семинарию. Семинаристам запрещалось общаться на литовском языке в стенах семинарии и за ее пределами. Вейварийская, как и Панявежская, учительские семинарии должны были соблюдать устав Молодечненской учительской семинарии, поэтому особых различий в учебно-воспитательной работе этих учреждений не было. Существенным отличительным признаком Вейварийской учительской семинарии является литовский контингент учащихся. Однако недостаточно благонадежные выпускники семинарии литовской национальности назначались в литовские местности Сувалкской губернии.

Несмотря на реакцию, в конце XIX в. среди учащихся Вейварийской учительской семинарии усиливался дух национально-освободительного движения, распространялась нелегальная литовская печать. Учащиеся этой семинарии принимали активное участие в революционном движении 1905-1907 г.г.: часть учащихся за это была исключена из семинарии, брошена в тюрьмы. Однако Вейварийская учительская семинария воспитала и преданных царских подданных. В 1899 г. газета "Укининкас" писала, что хотя положение с учителями в Сувалкской губернии лучше, чем в Ковенской, но и здесь Вейварийская учительская семинария часть из них делает царскими слугами. Другая часть выпускников этой семинарии не отличается серьезными идеями, в жизни теряется, избегает борьбы с произволом, не принимает участия в национальном движении, попадаются даже и донощики. Остро критиковал таких учителей-предателей В.Капсукас. В 1903 г. он пишет воззвание к литовским учителям, в котором, осудив преданных царизму, призывал честных учителей бороться за лучшую школу. В.Капсукас также призывал учителей не поддаваться влиянию буржуазии. Он указал на идеологическое направление учительского труда в школе, подчеркивал, что необходимо объяснять ученикам причины человеческих страданий, указывать пути, как истреблять это зло, а не распространять ту гадкую закваску, которую просядет царские власти. Однако

в данном случае, указывал В.Капсукас, учитель не может ограничиться лишь школой. Он должен руководствоваться всем окружением; должен поднимать весь рабочий народ на борьбу с эксплуататорами, так как приближается открытое сражение с врагами народа.¹⁹

Первым с острой критикой учителя царской школы выступил епископ М.Валанчюс. Он видел в учителе православной веры прежде всего врага католичества и распространителя православия. Его не удовлетворял учитель, не владеющий родным языком, не знающий местных обычаев, не любящий литовских детей и работающий как наёмник. Беспощадно обличал епископ пороки, встречающиеся среди учителей, в частности пьянство и нравственное разложение. От влияния морально разложившихся учителей он наказывал особенно оберегать девочек.

Эта оценка почти не отличалась от оценки учителя Ковенской губернии в тайной клерикальной печати того времени. Клерикальная печать старалась абсолютизировать пороки учительства, такие, как низкий нравственный уровень народных учителей, пьянство, грубость во взаимоотношениях с детьми. Не вдаваясь в подробности особенностей учителя в педагогическом аспекте, она стремилась дать как можно больше местной информации, разоблачающей учителя царской школы как личность.

Учитель царской школы не удовлетворял и литовских просветителей молодого поколения конца XIX в. Просветители и педагоги, говоря об учителе, выдвигали три основных требования: 1) он должен быть местным, 2) должен обладать соответствующими нравственными качествами, которые гарантировали бы как успех учебно-воспитательного процесса, так и положительное влияние на родителей и общественность, 3) должен иметь соответствующую подготовку.

Вопрос об учителе - литовце в Ковенской губернии в том или другом аспекте освещала вся тайная, а позднее и официальная печать Литвы. Вопрос особенно обострился под воздействием революционных событий 1905-1907 гг. Этому вопросу много места

уделяли партия ДПД и партия СДПД. Уже в программе ДПД указывалось, что в начальных школах Литвы литовским детям все предметы должны преподавать на литовском языке и что учителя должны быть литовцы и избираться литовцами.²⁰ Такие же требования выдвигали СДПД, а также литовский народ на собраниях и съездах.²¹

Потребность в местных учителях связана с целым рядом причин: необходимо было создавать национальную школу. Считалось, что только местный учитель способен обеспечить учебный процесс, так как он владеет языком детей, знает жизненные условия, обычаи и традиции края. Лишь такой учитель способен поддержать тесную связь с общественностью и гарантировать свободное беспрепятственное просвещение. Газета "Укининкас" по этому поводу писала, что лишь свободное просвещение принесет пользу, указывала, что такое просвещение должны распространять не чуждые нам люди, а свои, т.е. "чтобы дело просвещения держали в своих руках жители, дети которых обучаются".²²

Вопрос об учителях местного происхождения поднимали представители трудового народа в Государственной думе (А.Булта, П.Кейнис, М.Янушкявичюс).

Однако, несмотря на некоторые завоевания литовского народа, учителям-литовцам не разрешалось работать на территории всей Литвы, а молодежь литовского происхождения принималась только в Панявешскую учительскую семинарию (не более 330 всех учащихся).

Так, представитель IV Думы М.Янушкявичюс, выступая от имени СДПД, указывал, что прогрессивным русским учителям совместно в литовских школах из-за незнания родного языка детей, что Министерство просвещения народного учителя поставило в положение нищего и забытого человека. Выдвигалось требование расширить права учителей, улучшить их быт, привлекать к школьной работе только местных учителей, повысить уровень преподавания литовского языка в Панявешской и Вейвярайской учительских семинариях.

Известный общественный деятель того времени И.Ширвидас, анализируя проблему народности в области просвещения, отметил, что требуются не только местные учителя, но и соответствующая их подготовка. Учителя должны знать национальную психологию: данный предмет необходимо включать в программу подготовки учителя. И.Ширвидас даже требует наметить общее направление такой программы.²³

Не менее важным было требование, чтобы учитель обладал соответствующими нравственными и педагогическими качествами. Это требование относилось как к учителю тайной школы (дарактору), так и к учителям официальных школ. Педагогико-нравственные качества учителя, или дарактора, обсуждали католическое духовенство и клерикальная печать, по-своему - просветители либерального и демократического направлений.

Характеристику дарактора тайной школы первым дал М.Валанчюс в "Рассказах Антанаса Трятиникаса" (1872 г.). Изображенный в нем дарактор Антанас отличается набожностью, любит детей и заботится о них, не применяет физических наказаний, лишь ленивых и провинившихся ставит в угол. Он сам усердно трудится и поощряет учебу детей. Так как Антанасас детей любил и никому да от них не отходил, то и дети усердно учились.²⁴ Валанчюс также подчеркивал тесную взаимосвязь дарактора с родителями: он с ними обсуждает всю организацию учебной работы.

Подобные особенности дарактора подчеркивались и в тайной печати клерикального направления в конце XIX - начале XX вв. Газета "Тавинес саргас" писала, что нанимаемый родителями для тайного обучения учитель должен быть "...религиозным и нравственным: чтобы сам мог быть хорошим примером для детей, ибо страх перед Богом и нравственность в обхождении являются основой жизни человека".²⁵ Когда речь идет об образованности дарактора и его педагогических качествах, то имеются в виду его умение разбираться в школьном деле, желание обучать детей, более высокую в сравнении с другими образованность. Учитель должен прививать детям любовь к вере и Литве. Таким образом,

клерикальная печать особо выделяет религиозность учителя и его влияние на детей. Клерикальная печать, в частности газета "Вильтис", нападала на тех учителей, которые не придерживались религиозных догматов. По этому поводу разгорелась дискуссия в печати клерикального и либерального направлений. Газета "Вильняус жинёс" указывала, что хорошими учителями могут быть и те, кто не соблюдает поста. Важно, чтобы они добросовестно выполняли свои педагогические обязанности.²⁶

Вопрос о взаимоотношениях учителя и учащихся в клерикальной печати освещался неодинаково. Например, М. Валенчюс подчеркивал любовь к детям, теплые взаимоотношения с ними, высказывался против физических наказаний. Были и сторонники наказаний, сторонники взаимоотношений между учителем и учащимися, основанных на страхе перед богом и учителем. Подобные взаимоотношения критиковались передовыми просветителями и педагогами Литвы. Так, В. Кудирка указывал, что нет такой педагогики, которая злобу считала бы инструментом для наказания учащихся.²⁷ Он требовал, чтобы учитель уважал родную речь учащихся, во взаимоотношениях с детьми проявлял бы как можно больше нежности и терпения, не был мстительным.

В начале XX в. возрос интерес к классической педагогике и новым педагогическим течениям (особенно к разновидностям педоцентризма), усиливается борьба за демократизацию школы. Все большее значение придается взаимоотношениям учителя с учащимися как одному из важных условий повышения эффективности учебно-воспитательного процесса: требуется, чтобы учитель любил детей, чтобы с детьми обходился ласково, чтобы дети его не боялись, не считали чужим и в случае надобности могли обратиться за помощью. Подчеркивалось, что педагогический успех во многом зависит от способностей учителя,²⁸ а развитие этих способностей возможно лишь на основе глубокой заинтересованности в педагогических знаниях и знании детей. Еще в 1886 г. в газете "Аушра" И. Андзямлайтис-Келлиненас писал, что учитель не может быть лишь пассивным исполнителем указаний. Он должен стать мыслящей личностью и учить мыслить других.²⁹ А для таких учи-

такой нужен соответствующая подготовка. Уже И.Шлипас указывал, что учителям должны готовить высшие учебные заведения.³⁰

Вопросы усовершенствования подготовки и повышения квалификации учителей печатью акцентировались и по другим причинам. В начале XX в. возросло число разных курсов по повышению квалификации учителей. Особо актуальной была подготовка учителей, преподавателей литовского языка, преподавание которого, как уже отмечалось, в результате революционных завоеваний разрешалось в начальных школах и в низших классах гимназии. Однако на курсах, организуемых руководителями системы просвещения, этому предмету внимание не уделялось. О подготовке учителей - преподавателей литовского языка (организация курсов, выпуск соответствующей литературы, улучшение преподавания предмета в учительских семинариях) пришлось заботиться литовскому обществу и педагогам. В этой области особую роль сыграл знаменитый литовский лингвист Йонас Яблонскис.

Поощряется самообразование учителей. Учителя нацеливаются на более глубокое изучение психологической, педагогической и методической литературы, исследованию ученика и педагогического процесса, педагогического просвещения взрослых. Формируется отрицательное отношение к учителям, равнодушно относящихся к своим обязанностям, уваливающим от общественного труда.

С другой стороны, выдвигается предложение: для учителей необходимо создавать соответствующие условия труда. Известный литовский педагог А.Якучёнис в педагогическом журнале "Мокикля" пытается проанализировать причины, почему учителя порой бывают пассивными, не принимают активного участия как в общественной, так и в педагогической деятельности.³¹

Соглашаясь с тем, что встречаются разные учителя, он, тем не менее, выдвигает целый ряд серьезных причин, мешающих учителю успешно работать. А.Якучёнис указывает, что учительский труд осложняет: недостаточное материальное обеспечение учителей. Поэтому женатые учителя часто вынуждены добывать дополнительные средства для жизни. В силу этого нередко им не

хватает времени для самообразования и денег на покупку книг. Данное утверждение А.Якучёниса вполне обоснованно, если иметь в виду Ковенскую губернию, где под влиянием революции 1905 г. было разрешено работать учителям-литовцам, а также преподавать литовский язык как предмет обучения. Во многих школах этой губернии работали два учителя - русский и литовец. Поэтому число учителей возросло, а средства остались прежними. Бесправно положение учителя: он зависел от инспектора, урядника и жандарма, любая активность учителя могла вызвать подозрение. Учителям не всегда легко удавалось договориться с крестьянами по разным хозяйственным и финансовым вопросам. Неблагоприятными были условия труда, слаба материальная база школы, антигигиеничны (темные, холодные и т.п.) помещения: в таких условиях учитель с детьми занимался 6-7 часов, работая с 4-мя отделениями.

Наконец, пишет А.Якучёнис, учитель после 6-7-часовой работы в школе еще должен трудиться дома: проверять тетради учеников, готовиться к урокам. Поэтому, по мнению автора, вряд ли можно обзывать учителей неряхами и лентяями. Как указывает А.Якучёнис, многие учителя разочаровывались в своей деятельности. Положение учителя-литовца оставалось самым бедственным.

А.Якучёнис своей публикацией доказывал: положение учителя начальной школы (именно о нем автор и вел речь) в Литве было тяжелым как в экономическом, правовом, так и в педагогическом отношении. Бывали случаи, когда одному учителю приходилось работать со 100 и более учениками.

Не случайно вопрос о положении учителей начальной школы в правовом и экономическом смысле, нормализации их педагогического труда поднимался в печати и Государственной думе, в нелегальных и легальных просветительных организациях. Представители передовой литовской общественности понимали, что успех в деле народного просвещения прежде всего зависит от личности учителя, его нравственных качеств и педагогических способностей, от подготовки и, наконец, от правовых и материальных условий педагогического труда.

Взгляды представителей литовской прогрессивной общественности на назначение учителя в литовской школе или вразрез с мнением представителей правящих классов; проблема народного учителя и народного просвещения оставалась актуальной в Литве вплоть до Октябрьской социалистической революции.

Литература

1. Отчет по управлению приходскими, народными и сельскими училищами в Ковенской губернии за 1866 гражданский год. - Ковно, 1867.
2. Общая записка об осмотре учебных заведений Сувалкской дирекции за январь и февраль 1872 года. - Циркуляр по Варшавскому учебному округу за 1872 г., № 6, с.321-347.
3. Корнилов И.Л.Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. К истории Виленского учебного округа за 1863-1868 г.г. - СПб, 1898, с.51.
4. Корнилов И.Л.Русское дело в Северо-Западном крае. - С Пб., 1801, с.35.
5. Кириллов М.К. Начальная школа Белоруссии во второй половине XIX - начале XX вв. (1860-1907). - М., 1964, с.52-53.
6. Настольная книга по народному образованию /Сост. и ред. Г.Фольборк и В.Чернолуцкий. СПб., 1904, т.3, с.1897.
7. Кириллов М.К.Начальная школа Белоруссии во второй половине XIX - начале XX вв. (1860-1907). - В кн.: Из истории школы Белоруссии и Литвы /Под ред.В.З.Смирнова. - М.,1964,с.55.
8. Правила для воспитанников учительской семинарии Виленского учебного округа. - Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1877 г., № 6, с.387-388.
9. Извлечение из всеподданнейшего отчета Министерства народного просвещения за 1887 г. - СПб., 1892, с.188.
10. Отчет по управлению Виленским учебным округом за 1889 г. - Вильно, 1890, с.40-41.
11. ЦИНА ЛССР, ф.567, д.195, оп.   лл 1-95. О ревизии делопроизводства Ковенской дирекции народных училищ окружным инспектором Виленского учебного округа Поповым.
12. ЦИНА ЛССР, ф.567, д.349, оп.1, - Тип учителя русской начальной школы на муди.

13. Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных училищах и учительских семинариях /Сост. П. Аннин. - С.-Петербург, 1886, часть II, с.58-59.
14. Высочайший указ о начальных училищах в Царстве Польском. - Виленский вестник, 1864, 15 сентября, № 105.
15. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Дополнение к четвертому тому. - СПб, 1871, т.4, с.85-116.
16. Циркуляр Варшавского учебного округа за 1868 г. № 12, с.480.
17. Kudirkas J. Veiverių mokytojų seminarija. V., 1970.
18. V.Kietis /Bendoraitis/. Mūsų mokintojai. - Ukininkas, 1899, Nr. 10, p.145-147.
19. V.Karsukas. Raštai, t. 1, V., 1960, p.118-120.
20. Programos Lietuvių Demokratų Partijos (Projektas), komisijos paruoštas 15.XI.1902. - Varpas, 1902, № 12.
21. Постановление съезда сельскохозяиственных рабочих и крестьян Литвы о ликвидации царских учреждений и создании органов народной власти. - В кн.: Революция 1905-1907 гг. с.358-408.
22. Svarbūs atsitikimai. Mūsų spauda. - Ukininkas, 1905, № 3, p.59.
Aitvaras /J.Širvydas/. Rytojui bešifrint. Visuomeniniai
23. pedagoginiai straipsniai. Brooklyn, New York, 1913.
24. M.Valančius. Raštai, t. 1, 1972, p. 322.
Žiogas / / . Jei negali leisti vaikų į "narodnas", tai
25. kaip duoti jiems pradžia, - Tėvynės vargas, 1902, № 9, p. 16-17.
26. Mokytojas B. Kame kunigai mato mokytojų blogumą. - Vilniaus žinios, 1908, Nr.81.
27. K.Simaška, Lietuviškų elementorių pedagoginiai ir metodiniai pagrindai (XIX a. pabaiga ir XX a. pradžia), ped. m. k.dis. (rankraštis)-V., 1964.

- . T.B. /K.Žalys/ Mūsų mokyklos, - Vilniaus žinios, , 1905.
28. V.18 (31), Nr. 122.
29. Andziulaitis-Kalnenas. Raštai.-V., 1971, p.83.
30. Keli žodžiai apie auginimą, parašyti Kokszcchio.-Naujorkas, 1886.
31. Juokų Senis /A.Jakušionis/ Kodėl mokytojai tokie apsilėidėliai ir tinginiai.- Mokykla, 1910, Nr. 11, p.12.

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ В БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ
/ 1919-1940/

К.Котсар

В соответствии с принципами закона о начальных школах 1920 года и закона о средних школах 1922 г., а также с планами развития начальных, средних и профессиональных школ к началу 1920-х годов в буржуазной Эстонии сложилась новая система педагогического образования и была сформирована сеть соответствующих учебных заведений. Их задачей была подготовка таких педагогических кадров, которые были бы в состоянии решать задачи, поставленные буржуазией перед школой: "... Школьное дело свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных прислужников..."¹

В качестве образца служил, прежде всего, опыт германоязычных стран /Германия, Австрия, Швейцария/ и Скандинавии. Чтобы приспособить подобные системы к условиям Эстонии, в начале 1920-х годов была создана удовлетворявшая господствующий класс система педагогического образования.

Право работать учителем имели лица, получившие звание учителя.

Для допуска к профессиональному экзамену необходимо общее образование в объеме полной средней школы /гимназии/², профессиональное образование, соответствующее специальности, или специальная педагогическая подготовка в соответствующих учебных заведениях. Сдавший экзамен становился кандидатом в учителя, профессиональное свидетельство учителя он получал только после ряда лет практики, признанных удовлетворительными школьным советником, защиты отчета о практике и окончания трехдневных повторных курсов, организованных при педагогическом учебном заведении. Тем, кто был заподозрен в оппозиции государственному устройству буржуазной Эстонии, было запрещено выдавать профессиональное свидетельство.³

Для подготовки лиц с необходимым общим образованием к сдаче профессиональных экзаменов была создана сеть педагогических учебных заведений, готовившая учителей для начальных, средних, профессиональных школ и школ усовершенствования, а также отчасти и повышение их квалификации. Дисциплины, изучаемые в общих и профессиональных учебных заведениях, были разделены на предметы начальной школы /преподавались в начальной школе/, научные /общеобразовательные/, торговые, сельскохозяйственные, технические дисциплины и дисциплины по профессиональной подготовке /напр., бухгалтерский учет, машинопись и т.п./, Из предметов художественного воспитания сюда входили пение, музыка и рисование, из дисциплин физического воспитания - гимнастика. Подобному делению соответствовала система педагогического образования и сеть соответствующих учебных заведений.

Организация педагогического образования в буржуазной Эстонии осложнялась проявлениям классовых противоречий. Ее формирование и развитие отражали экономическое положение и сдвиги в отношении классовых сил. Эти противоречия конкретно проявлялись, в первую очередь, в разрешении проблем, связанных с подготовкой учителей начальных школ:

Минимальным требованием для получения звания учителя начальной школы было необходимо общее образование в объеме средней школы, к нему прибавлялось обязательное педагогическое образование. Необходимость срочно заполнить вакантные учительские места, возникшие в результате первой мировой войны, расширения школьной сети и введения обязательного обучения обусловила, наряду с основной системой подготовки учителей, временную их подготовку в ускоренном порядке с некоторыми отклонениями от существующих минимальных требований.

Так, в 1919, 1920 и 1921 гг. в 9 уездах были проведены летние курсы усовершенствования для учителей начальных школ без звания, не имевших законченного среднего образования, в результате чего примерно около 500 слушателей получили звание учителя с правом преподавания во всех шести классах начальной школы, "хотя на экзаменах их знания не отвечали всем требованиям".⁴

В те же годы на двухгодичных курсах подготовки учителей, организованных для выпускников средних школ при Таллинской и Тартуской семинариях, к профессиональному экзамену на звание учителя начальной школы были подготовлены 279 человек.⁵ Кроме того, в 1919/20 учебном году при Таллинской и Тартуской учительских семинариях, а в 1922-1927 гг. в Таллине и поочередно в нескольких уездах /Валга, Вильянди, Вуру, Пярну, Хаапсалу/ действовали одногодичные курсы подготовки учителей начальных школ, на которых к профессиональным экзаменам подготовились 450 человек со средним образованием.⁶

Основным типом учреждения для подготовки учителей начальных школ была учительская семинария, потому что в Германии, Австрии, Финляндии и других скандинавских странах учителей также готовили в семинариях. К тому же до Октябрьской революции на территории Эстонии, в Тарту /1878-1932/ и Риквере /1912-1932/, уже работали учительские семинарии.

Основным недостатком бывших царских семинарий был низкий общеобразовательный уровень. В учебных планах отсутствовал иностранный язык, семинария не открывала доступа в высшее учебное заведение, женщин в семинарии не принимали.

Собрание директоров семинарий совместно с представителями Министерства просвещения в июле 1919 г. определило основные направления реформы существующих семинарий.⁷ В основной части эти направления были зафиксированы также в Законе об учительских семинариях 1923 года.⁸

Реформированная семинария была по своему характеру школой средней ступени с шестилетним сроком обучения, базирующаяся на 6-классной начальной школе, учащиеся принимались в нее независимо от возраста, вероисповедания и пола. Возможность бесплатного обучения в высшем учебном заведении, бесплатное преподавание родного языка, отсутствие закона божьего в учебном плане, выплата пособий, по крайней мере, половине учащихся семинарий, бесплатное пользование общежитиями и их оборудованием - вот принципы, обусловленные в начале 1920 года исторически сложившимися требованиями политического развития

мвос.

Чтобы в течение десятилетия довести сеть начальных школ до уровня, предусмотренного принятым 7 мая 1920 года Законом о публичных начальных школах, ежегодно дополнительно требовались 250-300 учителей, а для их подготовки - 10 учительских семинарий.⁹

Министерство просвещения считало целесообразным открывать ежегодно по две семинарии. Дополнительно к семинариям в Тарту и Раковере были открыты аналогичные учебные заведения в Таллине /1919-1928/, Вьру /1921-1930/ и Хаансалу /1921-1932/. По настоятельному требованию жителей о.Сааремаа в 1923 году в Курессаре было открыто /1923-1930/ педагогическое отделение Сааремааской общей гимназии,¹⁰ которое работало по программе учительских семинарий. Контингент учащихся вновь открытых учительских семинарий состоял в подавляющем большинстве из представителей женского пола /56,7%/.

По своему социальному происхождению это были дети из бедных и средних слоев крестьянства, ремесленников, учителей, служащих и др., воспитывавшихся в материально стесненных условиях. Дети бедняков, сельских и городских рабочих составляли в семинариях всего 36,2% против 18,6% учащихся пятной средней школы.¹²

Дальнейшее развитие сети учительских семинарий приостановила полемика о подготовке учителей начальных школ, начавшаяся при обсуждении законопроекта об учительских семинариях в комиссии просвещения Государственного собрания в апреле 1921 г.

Прогрессивные принципы /бесплатное обучение, материальная поддержка учащихся из беднейших слоев, прием в семинарию сразу после начальной школы, право окончившего семинарию поступать в высшее учебное заведение/, принятые под влиянием идей эпохи Великого Октября за основу при выработке законопроекта об учительских семинариях под руководством передовых деятелей просвещения Э.Мартинсона и Ф.В.Миккельсаара, стали объектом нападков представителей правых партий /христианская народная партия, союз земледельцев/. Из комиссии просвещения дискуссия перекинулась на страницы газет, в органы Союза эстонских учителей, на съезды учителей, собрания работников просвещения. Вопрос подготовки учителей вышел за пределы узкого круга, превратился в

педагогической проблемы в политическую и стал объектом ожесточенной полемики между представителями общественности и различными партиями. Выраженные в ходе полемики идеи, предложения, точки зрения и комментарии отразились в концентрированном виде в парламентских дискуссиях.¹³

На семинарию нападали реакционные круги и их печатные органы /газеты/, а их защитниками являлась наиболее прогрессивная часть учительства и левое крыло политиков. Противники шестиклассной учительской семинарии /директора таллинских гимназий, христианские демократы Н.Канн¹⁴, Х.Бауэр¹⁵ и Л.Рауд-кепп¹⁶, таллинские школьные советники А.Куус¹⁷ и Кр.Брюллер, пастор Я.Латтик¹⁸ и др./, базирующейся на 6-классной начальной школе /6+6=12/, предпочли ей двухгодичное учебное заведение: педагогийум, или педагогический институт, в который принимали бы выпускников гимназий /6+5+2=13/. Они видели следующие недостатки семинарии: туда поступали выпускники начальных школ в возрасте 14-15 лет, которые еще не в состоянии сознательно выбрать себе профессию. Таким образом, на педагогическую работу могли попасть лица, не чувствующие к ней никакого призвания. Семинария как бесплатное учебное заведение якобы вербовала себе учащихся прежде всего из рядов пролетариата, вследствие чего ее учащиеся были чрезвычайно восприимчивы к коммунистическим идеям. Высказывались также опасения, что семинаристы, ставшие учителями, не будут внушать учащимся буржуазные идеи, а станут воспитывать молодежь в пролетарском духе.

Противники семинарий надевались устранить эти недостатки с помощью двухгодичного педагогийума, который должен был давать более основательное педагогическое образование, позволяя направлять на работу выпускников гимназий и частично разрешив, таким образом, проблему занятости интеллигенции.

Идея двухгодичного педагогического учебного заведения была заимствована в Германии.¹⁹ В скандинавских странах²⁰, наряду о четырехклассными семинариями на базе неполной средней школы, действовали двухгодичные педагогические учебные заведения в качестве профессиональных школ средней ступени для выпускников средних учебных заведений.

В свою очередь, те, кто отстаивал систему подготовки учителей в учительских семинариях /директора семинарий И.Кайс²¹, И.Торк²², один из руководителей эстонского союза учителей, зав. начальной школой Э.Мартинсон /Мурдмаэ/, помощник министра просвещения Ф.В.Миккальсаар и др./, указывали на недостатки двухлетних педагогических и приводили контраргументы в пользу семинарий, т.к. более длительный срок обучения в семинариях помогает преодолеть недостатки, обусловленные ранним выбором профессии.

Реакция, учитывая социальный состав воспитанников семинарий, не зря указывала опасения об их особой восприимчивости к идеологии рабочего класса. Семинарии действительно становились очагами оппозиционного и революционного движения учащейся молодежи.²³ В Тартуской, Таллинской, Ляэнемааской и Ракверской семинариях действовали марксистские кружки, большинство преподавателей Вирусской семинарии отличалось своими демократическими и атеистическими взглядами. Ряд бывших воспитанников Таллинской и Тартуской семинарий участвовал в 1924 году в революционной борьбе за свержение буржуазной власти.

Пользуясь усилением в буржуазной Эстонии политической реакции после подавления вооруженного восстания 1 декабря 1924 года, противникам системы учительских семинарий постепенно удалось укрепить свои позиции. В марте 1925 года директором Таллинской семинарии был назначен известный сторонник системы педагогических, школьный советник Аугуст Кукс, которому было поручено реорганизовать семинарию в педагогический. Осенью того же года был прекращен прием учащихся в первый класс семинарии, а начиная с 1 августа 1928 года, это учебное заведение было реорганизовано в Таллинский педагогический институт по подготовке учителей для профессиональных и начальных школ и школ усовершенствования.²⁴

С осени 1927 года по указанию министра просвещения Я.Латтика /1925-1927/ был прекращен прием учащихся на педагогическое отделение Сааремааской общей гимназии. В связи с наступлением экономического кризиса и правительственной политикой "сокращений" в области просвещения 1 августа 1930 года были за-

крыты все классы Вырусской учительской семинарии. Тогда же приступили к постепенной ликвидации Тартуской, Раквереской и Ляэнемааской семинарий.

Таким образом, вопрос о подготовке учителей начальных школ был окончательно и всецело решен в пользу педагогичума, базирующегося на полной средней школе /гимназии/. Несмотря на то, что прогрессивные педагогические круги выступили за сосуществование учебных заведений обоих типов с тем, чтобы на практике выявить преимущества того или другого, ²⁶ буржуазное правительство отвергло это предложение. Ведь главной целью замысла семинарий педагогичумами было обеспечение изменений в настроениях и социальном составе учащихся педагогических учебных заведений. Социальное происхождение учащихся педагогичумов, базирующихся на системе платных гимназий, было призвано обеспечить подготовку учителей, способных более ревностно защищать интересы буржуазии, чем выпускники семинарий, которые были выходцами главным образом из трудящихся слоев.

1 августа 1932 года были закрыты Ляэнемааская и Раквереская учительские семинарии вместе с существующими при них школами для обучения практическому преподаванию, а Тартуская учительская семинария была переименована в Тартуский педагогичум. Учащиеся еще сохранившихся IV, V и VI классов Ляэнемааской и Раквереской семинарий /вместе с влившимися в их состав учащимися бывшей Вырусской семинарии/ были соответственно переведены в Таллинский и Тартуский педагогичумы, чтобы завершить их педагогическую подготовку в соответствии с законодательством 1923 года о семинариях. Действовавшие на основе этого законодательства эстонские педагогические учебные заведения, то есть пять вышеупомянутых педагогических семинарий, педагогическое отделение Сааремааской общей гимназии, семинарские классы Тартуского и Таллинского педагогичумов выпустили за это время 1767 учителей, прошедших шестилетний курс обучения ²⁷ и получивших довольно основательную в тех условиях подготовку для работы учителями начальной школы.

12 мая 1931 года Государственное собрание приняло закон, ²⁸

согласно которому подготовка учителей начальных школ оставалась обязанностью соответствующих отделений двухлетних педагогических техникумов. Начиная с 1934 года, учеба в педагогических техникумах стала платной.

Для предотвращения роста численности безработных учителей²⁹ было решено не открывать в педагогических техникумах отделений по подготовке учителей начальных школ впрямь до окончания учебы в последних семинарских классах. Весной 1935 года должен был состояться выпуск старших семинарских классов педагогических техникумов, и компетентным органам предстояло решить вопрос о путях дальнейшей подготовки учителей начальных школ.

В связи с подготовкой школьной реформы все больше сторонников как среди педагогической общественности,³⁰ так и в правительственных органах³¹ завоевала идея подготовки учителей начальных школ на базе 9-классной средней школы, так как с полным основанием можно было предположить, что из выпускников гимназий, проработавших 12 лет /4+5+3/ в реформированной средней школе /из них восемь лет платных/, лишь немногие пожелают затратить еще два года на учебу в педагогическом техникуме с целью получения специальности учителя начальной школы.

Вступивший в силу 1 августа 1937 года новый закон об учительских семинариях³² восстановил название семинарий. Новые семинарии представляли собой 4-летние профессиональные школы высшей ступени, куда принимались выпускники девятиклассной средней школы. Для увеличения выбора поступающих в семинарии разрешалось принимать также выпускников профессиональных учебных заведений, соответствующих средней школе. Предполагалось, что приобретенные выпускниками профессиональные специальные знания в области торговли, сельского хозяйства, промышленности и т.п. принесут большую пользу в их дальнейшей преподавательской деятельности. Окончившие курс семинарии получали наряду со званием учителя начальной школы также права выпускников гимназии.

Вновь организованные семинарии открылись осенью 1937 года в Таллине и Тарту на базе действовавших там педагогических техникумов. К

этому времени Тартуский педагогический институт, осуществивший первый и последний выпуск учителей начальных школ / обучение в 1935/36 и 1936/37 учебных годах / подлежал закрытию. Отделение учителей начальных школ Таллинского педагогического института, открытое осенью 1934 года, продолжало свою деятельность на основе закона о педагогических институтах, принятого в 1931 году.

В действительности же возврат к семинариям означал восстановление демократических принципов подготовки учителей начальной школы. Реформа в системе подготовки учителей начальных школ явилась лишь составной частью реакционной школьной реформы 1930-х годов, целью которой было ограничение доступа на учительские должности представителей молодежи беднейших слоев населения. Так, поступающие в семинарию должны были окончить курс средней школы, по-прежнему нужно было платить по 40 крон в год за учебу в семинарии.

Семинарии, действовавшие на основе законодательства 1937 года, не успели дать ни одного выпуска учителей до восстановления советской власти в 1940 году, однако двухгодичные отделения учителей начальных школ Тартуского и Таллинского педагогических институтов выпустили в 1936-1940 годах в общей сложности 268 учителей.³³

Для приобретения специальности преподавателя средней и профессиональной школы требовалось высшее образование и соответствующая педагогическая подготовка: однако и здесь приходилось идти на определенные уступки. Быстрый рост числа средних школ в первые годы буржуазной республики привел к острой нехватке учителей средних школ. Министерство просвещения видело выход в том, чтобы из учителей младших классов средних школ и учителей начальных школ готовить заместителей учителя средней школы.³⁴ Соответствующие курсы работали в 1919 и 1920 годах при Тартуском университете, имея четыре отделения /эстонского языка, естествознания, математики и истории/. Лицам, выдержавшим необходимые экзамены /104 человека/, было предоставлено право работать заместителем учителя средней школы. До того как в 1925 году были разработаны и введены в действие основы системы подготовки учителей средней школы, в буржуазной Эстонии в 1921-1925 годах допускались некоторые уступки в приобретении этой

специальности, причем они были, в первую очередь, для лиц, готовящихся стать учителями средних школ.³⁵ Указанную профессию можно было получить, выдержав при Тартуском университете соответствующие экзамены по следующим учебным дисциплинам средней школы: эстонский язык и литература, история вместе с началами философии и обществоведением, английский язык, немецкий язык, русский язык, латынь, математика вместе с физикой и космографией, естествознание вместе с химией и географией.

Можно было сдавать экзамены двух типов: на учителя средней школы первого или второго разряда. Если к экзаменам на получение специальности учителя первого разряда допускались лица обоего пола лишь с высшим образованием, то на второй разряд экзамены могли сдавать лица, имевшие среднее образование, которое давало право поступления в вуз. По торговым дисциплинам экзамены сдавались лишь на звание учителя первого разряда. Экзамены на получение специальности учителя рисования проводились при художественном училище "Паллас".

После того, как осенью 1923 года при Тартуском университете начал действовать дидактико-методический семинар как учреждение Министерства просвещения /1923-1940/, все лица, сдавшие экзамен на специальность учителя первого разряда, должны были пройти указанный семинар.³⁶ В дидактико-методический семинар принимали выпускников университета / в исключительных случаях и студентов/, успешно сдавших в Тартуском университете экзамены по логике, психологии, истории педагогики, истории эстонской школы, педагогике, дидактике и школьному здравоохранению и, таким образом, получившие теоретическое педагогическое образование.

Поступавшие в семинар сдавали коллоквиум, в ходе которого выяснялась степень их владения школьными учебными дисциплинами. Они должны были также написать общую письменную работу и пройти устное собеседование.

Учеба в семинаре продолжалась два семестра. Его программа включала выработку методики преподавания соответствующих учебных предметов при помощи обсуждений, а иногда и лекций. Студенты посещали уроки в средних школах, проводили кри-

тический разбор учебников, давали пробные уроки и совместно оценивали их. Для оказания помощи лицам, сдавшим экзамены по специальности учителя средней школы второго разряда, летом 1921 года при Тартуском университете были организованы временные педагогико-методические курсы с 221 учеником. Однако из-за недостаточной специальной и общеобразовательной подготовки экзамены выдержали лишь немногие курсанты. В связи с острой нехваткой учителей средних школ еще до 1925 года к экзаменам для получения этой профессии допускались лица с незаконченным высшим образованием, в том числе студенты, пожелавшие до окончания университета стать учителями средней школы.

В 1925 году Министерство просвещения установило новый порядок приобретения специальности учителя средней школы³⁷, который с некоторыми изменениями и уточнениями³⁸ действовал до июньской победы 1940 года и который, в основных чертах, сводился к следующему: профессию учителя средней и профессиональной школ по так называемым научным /общеобразовательным/ дисциплинам могли получить лица, окончившие соответствующий факультет Тартуского университета /или заграничного вуза/ и получившие на дидактико-методическом семинаре Тартуского университета педагогическую подготовку.³⁹ Окончившие философский факультет могли приобрести специальность учителя эстонского языка и литературы, иностранных языков, философии, педагогики, окончившие факультет математики и естествознания - специальность учителя математики, физики, космографии, естествознания, химии, географии.

Обучавшиеся на курсах учителей гимнастики при отделении физкультуры медицинского факультета пользовались правом приобретения специальности учителя гимнастики средней школы,⁴⁰ теологи становились учителями закона божьего, агрономы - учителями сельскохозяйственных дисциплин или естествознания, экономисты - учителями торговых дисциплин.

Всего за 1922-1940 годы при Тартуском университете из 1251 обучавшихся лишь 870 человек /539 женщин и 331 мужчина/ получили профессию учителя средней и профессиональной школ. Самую большую группу составляли учителя английского языка и связанных с ним предметов /194 человека/. Затем следовали учителя эстонского

/160/, немецкого языков /151/, философии /137/, истории /91/, естествознания и географии /91/, математики /83/. Число учителей других дисциплин не превышало 60 человек по каждой дисциплине.⁴¹

Как признавал уже в 1929 г. руководитель семинара профессор педагогики П. Пильд/позднее это место занимали профессора К. Ра-муть и Г. Раго/, основной причиной отсева являлось то обстоятельство, что довольно большая часть выпускников университета не подходила для профессии учителя из-за отсутствия призвания к педагогической деятельности или низкой теоретической и практической подготовки, не соответствующей требованиям, предъявляемым учителям средних школ.

Университет не готовил для средних и профессиональных школ учителей по таким дисциплинам, как рисование и черчение, пение и музыка, техническим и специальным дисциплинам. Учителей этих специальностей готовили различные специальные и профессиональные учебные заведения, в частности, художественное училище "Паллас", Таллинская консерватория, Таллинский техникум /устав 1920 г./, Кехтнаская школа доводства и, в первую очередь, Таллинский педагогический институт. В указанных учебных заведениях специальность учителя средней и профессиональной школы получили свыше 600 человек, в том числе в художественном училище "Паллас" 50 учителей рисования, в Таллинском педагогическом училище 449 учителей других профессий.⁴²

Повышение квалификации учителей осуществлялось в основном под руководством эстонского союза учителей при финансовой поддержке Министерства просвещения. Для учителей общеобразовательных школ организовывались в летний период различные краткосрочные курсы при Тартуском университете, а также при местных школьных управлениях. Хуже обстояло дело с организацией курсов для учителей технических и специальных дисциплин.

В буржуазной Эстонии научно-педагогические кадры учебных заведений, готовящих учителей начальных, средних школ и профессиональных училищ, отличались по своим политическим взглядам. Рядом с представителями буржуазно-клерикального и

консервативного направлений в педагогике работали и педагоги с демократическим взглядами, живущие интересами трудового народа.

В педагогических учебных заведениях вели преподавательскую работу многие известные представители эстонской демократической культуры: ученые Ханс Круус, Ян Сарв, Артур Луха, Иохан Аул, Иоханнес Волдемар Вески и др., деятели искусства Аугуст Янсен, Николай Трийк, Ян Вахтра и др., музыканты Густав Эрнесакс, Аугуст Топман, Юхан Аавик и многие другие, педагоги Иоханнес Кяйс, Ээрик Яанвярк, Александр Эланго, которые внесли заметный вклад в подготовку будущих учителей. Эти и близкие к ним по мировоззрению преподаватели давали будущим педагогам глубокие научные знания и воспитывали в них научное мировоззрение.

Многие из получивших в этот период профессию учителя стали впоследствии выдающимися государственными деятелями (Фердинанд Эйсен, занимавший пост министра просвещения ЭССР в течение 20 лет - 1960-1980), музыкантами (композитор Эльс Аарне, хоровой дирижер и композитор, народный артист СССР Густав Эрнесакс), художниками (график и жив. писец народный художник СССР Эвальд Окас, народный художник ЭССР Пауль Лухтейн), учеными (селекционер Александр Сиймон), авторами учебников (заслуженные учителя ЭССР Иоханнес Валгма, Николай Реммель и др.), преподавателями высшей школы (проф. Эдуард Лаугасте, Яан Конко, Арнольд Касък и многие другие), имеющими большие заслуги в деле воспитания новых поколений эстонских педагогов, ученых и художников.

В целом эстонская интеллигенция, получившая образование в период 1919-1940 гг., не была монолитной в своих взглядах и устремлениях. В состав интеллигенции тех лет входили представители имущих слоев, но большая ее часть - особенно учителя начальной школы - из среды рабочего класса, мелкой городской буржуазии и трудового крестьянства, преодолевшая многочисленные препятствия, чинимые буржуазией на пути получения

педагогического образования (система платы за учебу, отсутствие общежитий, трудности трудоустройства и много других), учителя подвергались такой же материальной дискриминации (зарплата, жилищные условия), как и остальные трудящиеся, так же страдали от экономических кризисов и безработицы.

Вот почему эстонская буржуазия не смогла полностью подчинить своим интересам педагогические учебные заведения и их выпускников.

Общественно-критическая позиция наиболее прогрессивных представителей учительства, их стремление к политической и духовной свободе вызывали ненависть у буржуазии, постоянную реорганизацию системы педагогического образования и усиление идеологического давления.

Сближение прогрессивного ядра учителей с революционным рабочим классом имело большое положительное значение в социалистической революции 1940 г. Большая часть учителей, получивших образование в 1920-1930 гг., хорошо зарекомендовали себя в эстонской советской школе.

Л и т е р а т у р а.

1. Ленин В.И. полн. собр.соч., т.28; с. 386.
2. От претендентов на звание преподавателя ремесла требовалось общее образование выше 6-летнего курса начальной школы на два года.
3. Haridusministeeriumi 1922. a. 16.martsi ringkiri nr. 21193 õppejõude ettevalmistavate asutuste ülesannete asja- ja õppejõudude ettevalmistamise alal.
4. J Riigikogu protokollid.5.istungjärg 1922.a.,vg.1929.
5. Kotsar K. Pedagoogilise kaadri ettevalmistamise olukord ja korraldus Eesti 1920. aastate algul.- Nõukogude Kool. 1973. nr. 6, lk.522.
6. Подсчитано по данным сводных таблиц Государственного центрального бюро статистики (ЦГАОР ЭССР, ф.1831,оп.1, д. 1059).
7. ЦГАОР ЭССР, ф. 1108, оп.4, д.412, с.11-13.
8. Riigi Teataja 1923, nr.123, lk.866-868.
9. ЦГАОР ЭССР, ф.1108, оп.4, д.416, I, 2, 3.

10. ЦГАОР ЭССР, ф. 2013, оп. I, д. 766, с. 576.
11. Eesti Statistika, 1928, nr. 78(5), lk. 299.
12. Elango Õ. Hariduspoliitika ja õpetajaskond kodanlikus Eestis 1919-1940. - Tallinn, 1972, lk. 68.
13. I Riigikogu protokollid. 9. istungjärg 1923. a.; II Riigikogu protokollid. 1. istungjärg 1923. a.
14. Kann, N. Meie õpetajaskonna ettevalmistamisest. - Päevaleht, 1920, 13. jauni.
15. B/auer/, H. Kas meil on kooliõpetajate seminari vaja. - Päevaleht, 1922, 5. dete.
16. I Riigikogu protokollid. 9. istungjärg 1923. a., vg. 362-363.
17. Kuks, A. Algkooliõpetaja kutseline ettevalmistus. - Kasvatus, 1922, nr. 16, lk. 261-262; 277-281; 294-301.
18. Ajakirjanikud haridusministri jutul. - Postimees, 1926, 26. jaan.
19. Võru õpetajateseminar. Tegevus ja uuenuspüüded. /Tartu, 1936/, lk. 92.
20. Kuks, A. Muljeid välismaa haridusoludest. Rahvakooliõpetaja ettevalmistus. - Kasvatus, 1929, nr. 9, lk. 418-419.
21. Käis, J. Õpetajate ettevalmistamisest. Rohkem asjalikkust ja järjekindlust selles küsimuses! - Postimees, 1925, 18. aprill.
22. Tork, J. Seminaride kaitseks. - Kasvatus, 1925, nr. 6, lk. 184-188.
23. Eesti NSV ajalugu. 3. kd. Tallinn, 1971, lk. 401.
24. Tallina pedagoogiumi seadus. - Riigi Teataja, 1928, nr. 48, lk. 544.
25. ЦГАОР ЭССР, ф. 80, оп. 4, д. 380, л. 72.
26. Riigikogu IV koosseis. 1938.-1969. koosseisu tüülikkude protokollide liid, lk. 534.
27. Подсчитано по источникам фондов И108 и И830 ЦГАОР ЭССР.
28. Riigi Teataja, 1931, nr. 43, lk. 561-563.
29. 10 марта 1932 года в Эстонии было зарегистрировано 278 безработных учителей, имевших звание учителя (ЦГАОР ЭССР, ф. И108, оп. 3, д. 206, с. 12).

30. Murk, A. Algkooliõpetajate ettevalmistamisasutustest. - Õpetajate Leht, 1933, 31. märts.
31. Riigikogu hariduskomisjonist. - Õpetajate Leht 1934, 9. veebruar.
32. Riigi Teataja, 1937, nr. 46, lk. 953-956.
33. Вычислено по источникам фонда ИЮВ ЦГАОР ЭССР.
34. Üleskutse õpetajatele. - "Kasvatusteadusline ajakiri Kasvatus. Ametlik osa" 1919, 4. vihik, lk. 56.
35. Haridusministeeriumi määrus keskkooliõpetajate kutse omandamise kohta 21. mail 1921. a. - Riigi Teataja, 1921, nr. 45, lk. 266-267.
36. Haridusministeeriumi täiendav määrus keskkooliõpetaja kutse omandamise kohta 19. nov. 1923. a. - Riigi Teataja, 1923, nr. 138, lk. 926.
37. Haridusministeeriumi määrus keskkooliõpetaja kutse omandamise kohta 9. juulist 1925. a. - Riigi Teataja, 1925, nr. 124/125, lk. 866-867.
38. Kes- ja kutsekooliõpetajate pedagoogilise ettevalmistamise määrus 24. mail 1932. a. - Riigi Teataja, 1932, nr. 48, lk. 645-647.
39. Реорганизован с 1 апреля 1940 года в педагогический институт Тартуского университета.
40. Riigi Teataja, 1930, nr. 44, lk. 461-462.
41. Подсчитано по источникам фонда 2100 ЦГИА ЭССР.
42. Подсчитано по источникам фонда ИЮВ ЦГАОР ЭССР.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИКИ ПОДГОТОВКИ
УЧИТЕЛЕЙ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ В БУРЖУАЗНОЙ
ЛАТВИИ (1920-1940)

Л. Жуков

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эпоху в жизни народов России. Уже в ноябре 1917 года в неоккупированной части Латвии установилась советская власть. Несмотря на трудные экономические условия, острую классовую борьбу, начались социалистические преобразования, которые затронули и область народного образования.

Преобразования были приостановлены в феврале 1918 года, когда немецкие войска возобновили свое наступление.

Латышский народ под руководством партии большевиков принял активное участие в борьбе против оккупантов. Вскоре немецкие войска были изгнаны почти из всех областей Латвии. 13 января 1919 года первый съезд Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов провозгласил Латвию Советской республикой.

Советская Латвия находилась в очень трудных условиях: В.И. Ленин, выступая 3 апреля 1919 г. о докладом о внешнем и внутреннем положении Советской республики, охарактеризовал положение так: "Большая часть страны переживала такие бедствия, о которых московские рабочие не имеют представления, - бедствия нашествия и многократного опустошения деревень движущимися толпами войск."¹

Несмотря на разруху, председатель правительства Советской Латвии П.Стучка высказал² убеждение, что латвийский пролетариат в тесном содружестве с русскими товарищами и коммунистами всего мира сумеет построить из старой рабской Латвии свободную республику труда.

Наряду с политическими и экономическими преобразованиями началась реорганизация системы народного образования, 16 января 1919 года П.Стучка подписал декрет "О воспитательных и образовательных учреждениях Латвии". По образцу Советской Рос-

ски различные типы школ были преобразованы в единую трудовую школу, подчиненную комиссариату просвещения.³ Таким образом создана единая школьная система, состоящая из школы I ступени с 6-тилетним сроком обучения и школы II ступени с 4-х-летним сроком обучения. Декретом установлена светская школа с родным языком обучения, бесплатное обязательное общее и политехническое образование. Перед школой ставилась задача - воспитать всесторонне развитых строителей коммунистического общества и подготовить молодое поколение к физическому и умственному труду.

В Риге школы открылись уже в середине января и на I марта в городе работало 95 школ, т.е. на 14 школ больше, чем в предыдущем учебном году: количество учеников повисилось на 5000 человек.⁴ Несомненно, это явилось большим достижением.

Блоплодение в жизнь нового содержания обучения и воспитания требовало преданных социалистическим идеям учителей. Проходили переизборы учителей, что давало возможность улучшить их качественный состав. Отдел трудовой школы (заведующий А. Вецгайлс) организовал в Риге курсы для учителей, работников отделов народного образования, учителей опытных школ и инструкторов-организаторов. На курсах обучались 78 человек. Лекции курсантам читали П. Стучка, Я. Вэрзиньш-Зиемелис (нарком просвещения), З. Эвертс-Клусаис (зам. наркома просвещения), Л. Паэгле (писатель) и др.⁵

В Добеле и Резекне предусматривалось открыть школы передового опыта, которые должны были стать методическими центрами для учителей. Предусматривалось также открыть специальные учебные заведения для подготовки учителей. По возможности при школах организовывались интернаты и горячее питание учащихся, наименее обеспеченным ученикам выдавались материальные пособия.

Началась разработка новых учебных программ. В эту работу активно включились прогрессивные учителя (Я. Лиекнис, Л. Паэгле и др.).

Итак, несмотря на все трудности, в 1919 году советское правительство создало основы демократической школьной системы.

В мае 1919 года советское правительство было вынуждено оставить Ригу и переехать в Резекне. В 1920 году националистами

ческой буржуазии удалось установить свое господство на всей территории Латвии. Оно длилось двадцать лет.

Важным условием укрепления власти буржуазия считала воспитание молодого поколения. Решение этой проблемы тесно связано с системой народного образования и подготовкой учителей, преданных буржуазии. Два последних вопроса взаимосвязаны. Поэтому прежде чем перейти к рассмотрению системы подготовки учителей, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать борьбу между правыми и левыми силами за свою систему народного образования, за правовое и материальное положение учителей.

Несмотря на ненависть к советской власти, буржуазия была вынуждена, создавая свою систему народного образования, считаться, во-первых, с теми демократическими преобразованиями, которые осуществлялись в Латвии в советский период. Во-вторых, нельзя было не учитывать настроение широких слоев населения, существование среди работников народного образования и учителей сильной прослойки демократически настроенных людей. Союз учителей Латвии, созданный во время второго съезда латвийских учителей в Тарту (июнь 1917 г.) объединял прогрессивные силы народного просвещения.

В 1927 г. союз учителей Латвии объединял в своих рядах 3700 прогрессивно настроенных учителей.

Отмечая десятилетие деятельности Союза, народный поэт Я. Райнис напоминал о 1905 годе, когда зародились в Латвии лучшие для того времени педагогические идеи, проводимые в жизнь передовыми учителями. Он призывал учителей взять в свои руки дело образования народа.⁶

Живой дух только в учителях, взявших на себя обязанности руководства общественной жизнью и воспитания молодежи.⁷

Активными деятелями Союза учителей Латвии были П. Кула, К. Депен, Я. Райнис, Аспазия, Я. Гресте, П. Биркерт и др.

Союз учителей издавал свои журналы "Mūsu Nakotne" (наше будущее) и "Nākotnes vārks" (сила будущего).

Союз учителей Латвии боролся против стремления местных буржуазных властей расправиться с прогрессивными учителями.⁸
В 1928 году Союзом была организована экскурсия учителей в

Ленинград с целью ознакомления с работой советской школы.⁹

Итак, Союз учителей Латвии во многом способствовал сохранению демократических принципов в системе народного образования. Учительство призывалось нести культуру в широкие слои населения.¹⁰ Это пугало правящую буржуазную партию.

Правящие круги, опираясь на своих единомышленников среди учительства, которые стремились уменьшить влияние Союза учителей в системе народного образования, создали в 1923 году свою организацию - Центр национальных учителей Латвии. Руководителями являлись А. Вич, Л. Аусейс, Л. Адамович и др.

Центр национальных учителей Латвии издавал свой журнал "Audzinātājs" (воспитатель).

Между этими организациями учителей шла острая борьба. Правых учителей не устраивала ни демократическая система народного образования, ни активная творческая педагогическая деятельность народных учителей.

Объектом борьбы между Союзом учителей Латвии и Центром национальных учителей стала 6-тиклассная основная школа. Демократическая часть учителей рассматривала единую 6-тиклассную основную школу как необходимую предпосылку для повышения уровня духовной культуры народных масс.

Реакционная буржуазия и примыкавшая к ней Центр национальных учителей отрицали необходимость единой 6-тиклассной основной школы. Они предлагали после четвертого класса ввести дифференцированное обучение. Часть учеников из 5-х и 6-х классов, желающая продолжать обучение в гимназиях, поступали бы в подготовительные классы при гимназиях, другие - продолжали бы учебу.

В чем смысл этого предложения правых сил? Они не делали допускать к среднему образованию представителей широких народных масс. Дело в том, что в подготовительных классах при гимназиях взималась плата за обучение в размере, установленном для гимназий. В подготовительных классах при гимназиях также изучался латинский язык.

В 5-х и 6-х классах основной школы предусматривалось усилить сельскохозяйственное направление.¹¹

При существовании такой системы обучения ученикам не

обычных 5-6 классов основной школы путь в гимназию практически был закрыт.

Если некоторые правые работники народного образования (А. Дауге, П. Дрейманис и др.) требование дифференциации обучения после IV класса обосновывали неравными способностями учеников, то А. Вич уже не скрывал истинных своих взглядов. Он писал, что народ, который желает жить, не имеет права принять эту социалистическую школьную систему, ибо "эта система ведет к социализации народного образования: всем поровну - это то же самое требование, которое выдвигается социал-демократии в области собственности." ¹²

Борьба между прогрессивными и реакционными учителями проходила и на местах. В статье о деятельности основных школ в Рижском уезде за 1922/23 учебный год инспектор Ю. Бебрис отмечал, что "учителя гоняют друг друга, как рыба в воде". Причиной ненависти является, главным образом, принадлежность учителей к различным партиям. На этой почве возникало множество конфликтов и с представителями местного управления. ¹³

Демократические взгляды широких слоев населения, существование оппозиционных левых партий и организаций и слабость господствующей буржуазной партии в первые годы буржуазной Латвии повлияли и на обсуждение Закона об образовательных учреждениях Латвии, принятого Народным Советом Латвии 8 декабря 1919 года.

В ходе обсуждения Закона представители господствующей партии (Крестьянский Союз) стремились затянуть его принятие. Представители оппозиции требовали не жалеть денег на образование и настаивали на немедленном обсуждении школьного закона, ибо он со временем становится все более недемократичным. ¹⁴

Длительные споры вызвало обсуждение вопроса о преподавании закона божьего в школе: левые силы требовали исключения этого предмета из учебного плана. ¹⁵

Обсуждение закончилось компромиссом - закон божий в учебном плане школы оставался, но от него освобождались дети, родители которых подавали на имя заведующего школы письменное заявление об этом. ¹⁶

Духовенство имело большое влияние на население, (особен-

но в восточной части Латвии, и поэтому не каждый осмеливался письменно требовать освобождения своего ребенка от изучения закона божьего в школе. Вопрос о преподавании религии в школе оставался объектом борьбы представителей различных партий и в последующие годы. Так, на заседании Учредительного собрания в 1920 году левые силы опять требовали исключения религии из учебного плана школ, которые находились на содержании государства и местных органов самоуправления.¹⁷

К. Дежен доказывал, что религия не может быть основой нравственности: школа должна быть отделена от церкви, поэтому и религия в школах не может оставаться предметом обучения.¹⁸ Развернулась острая полемика. Хотя в результате голосования вопрос о преподавании религии в школах остался в старой формулировке, но распределение голосов (61 голос за старую формулировку, 58 - против при 7 воздержавшихся)¹⁹ свидетельствовало об остроте борьбы в Учредительном собрании.

Благодаря активной деятельности левых сил Законом об образовательных учреждениях Латвии устанавливалось обязательное обучение граждан с 6 до 16 лет, включающее домашнее, или дошкольное обучение (с 7 до 8 лет), 6-летнюю основную школу (с 9 до 14 лет) и дополнительную школу (с 15 до 16 лет).

Провозглашение обязательного обучения на практике осталось формальным актом. Это подтверждают факты. Так, домашнее, или дошкольное обучение в 1927/28 уч. году не получило 89,2% детей соответствующего возраста в Латгале, 46,9% - в Земгале, 42,6% - в Курземе и 29,4% - в Видземе.²⁰ В 1922/23 уч. году из-за необходимого ремонта с опозданием начали работу 170 школ (из них 88 в Латгале), из-за отсутствия учеников, нехватки учителей - 25 школ и т.д.²¹ В 1921/22 уч. году из всех детей школьного возраста школу не посещали 33%, в 1923/24 уч. году - 27% детей. Из числа не посещавших школу (39,211 чел.) в 1927/28 уч. году 35,6% детей оставались вне школы из-за недостаточной обеспеченности (из них 72% в Латгалии).²²

Принятый 8 декабря 1919 года Закон об образовательных учреждениях Латвии оставался объектом борьбы между прогрессивными и реакционными силами. Дало в тон, что Законом не ре-

гулировались такие важные вопросы, как подготовка учителей, их заработная плата и пенсии. Часть учителей не получала заработную плату от 3 до 5 месяцев. Многие учителя находились в безвыходном положении.²³ По размеру заработной платы правительство приравнивало труд учителя к труду швейцара, техника или курьера.²⁴

Представители господствующей партии стремились частично возложить выплату заработной платы учителям на учреждения местных органов самоуправления.²⁵

Я Райнис (социал-демократическая партия) в своем выступлении отмечал, что "в Учредительном собрании идет борьба.

Вчера правые боролись, чтобы баронам было хорошо, сегодня эта борьба — в ущерб учителям. Наблюдается в этой борьбе одна тенденция: мы будем платить баронам, так уйдут деньги, и учителям ничего не останется... Борьба против учителей есть борьба против культуры."²⁶

После продолжительных дискуссий Учредительное собрание приняло Закон об оплате учительского труда в обязательных школах. Различие в денежном и натуральном виде учителя получали в размерах, установленных для государственных служащих. Заработную плату учителям выплачивали государство и уездные или городские органы самоуправления поровну. В законе оговаривалось, что в разоренных войной районах и в местах, указанных Министерством просвещения, заработная плата учителям выплачивается государством.²⁷ Закон вступил в силу с 1 апреля 1921 года.

В упорной борьбе между правыми и левыми силами проходила разработка и принятие закона о пенсиях учителей.

Хотя закон о пенсиях государственных служащих был принят уже в 1919 году, для учителей этот вопрос начал обсуждаться только в 1923 году. Во "Временных правилах о пособиях учителям" говорилось, что "пособие получает тот, кто является бедным и нетрудоспособным".²⁸ Эти понятия были слишком субъективны, потому учителя старшего поколения (с педагогическим стажем 30-50 лет и более) продолжали работать. Это отражалось на качестве работы школы. Закон о пенсиях учителей был принят сеймом только 13 марта 1925 года.²⁹

Подготовка учителей в буржуазно-демократический период (1919-1934 гг.)

Закон об образовательных учреждениях Латвии, принятый 8 декабря 1919 года, предусматривал открытие обязательных школ как для латышей, так и для национальных меньшинств. Учитывая настроение народа, латышская буржуазия стремилась этим актом расположить к себе буржуазную интеллигенцию меньшинств, заручиться поддержкой их депутатов в законодательном органе и продемонстрировать миру "демократизм" буржуазного строя в Латвии.

Благодаря усилиям демократически настроенных работников просвещения количество школ в буржуазной Латвии быстро росло. В первые годы существования буржуазной Латвии народные школы испытывали большую нехватку в учительских кадрах.

В 1919-20 учебном году в народных школах (включая детские сады) буржуазной Латвии работали 3773 учителя, из них в латышских школах - 2580, в русских школах - 360, в немецких школах - 469, в еврейских школах - 180, в польских школах - 120, в литовских школах - 34 и в эстонских школах - 3 учителя.³⁰

В начале организации школьной системы из необходимого числа учителей только 25% имели права учителя.³¹

В Латгалии положение с учителями было еще тревожнее. В начале 1920 года здесь было только 211 школ с 297 учителями, а в начале 1922 года количество школ и учителей повисилось соответственно до 527 (из них только 65 6-классных школ) и 1100. Имевшиеся школы могли принять 50% детей школьного возраста.

В начале 20-х годов учителя в Латгалии были в основном без педагогического образования. В одном только Лудзенском уезде работали 100 учителей-практикантов без права занимать учительскую должность.³²

Отменив принципы единой трудовой школы, созданной в советский период, и узаконив классовую школу, господствующая национальная буржуазия приступила к подготовке учителей.

Чтобы быстрее преодолеть нехватку учителей для народных

школ, Министерство просвещения использовало два пути:

- а) подготовку учителей с помощью курсов (как принудительную меру);
- б) подготовку учителей в учебных заведениях.

Департамент школ при Министерстве просвещения уже в 1919 году организовал учительские краткосрочные курсы, которые длились только семь дней. Курсы были информативного характера. В некоторых уездных городах были организованы 3-4- недельные курсы учителей. В программу курсов были включены 16 учебных предметов, что привело к поверхностному усвоению материала.

Основными видами подготовки учителей с 1919 года являлись 3-4-месячные, годовые курсы и обучение на 2- годичном педагогическом отделении при Латвиском университете.³³

С 1923 года на 3-4-месячные курсы начали принимать только работающих в школах учителей без педагогического образования, учителей, возобновивших педагогическую деятельность, и некоторых выпускников средних школ, студентов, желающих работать учителями.³⁴ Курсы завершались экзаменами, что давало возможность получить права учителя 4- летней или 6- летней основной школы. В 1922/23 уч. году годовичные курсы учителей были преобразованы в педагогические классы, которые работали при Рижском учительском институте, Цесвайской и Резекненской средних школах.³⁵ В педагогические классы принимались выпускники средних школ.

Ежедневно по 2 воспитанника посещали уроки учителей, вели наблюдения за учениками в основной школе, писали на них характеристики.

С октября каждый из находящихся на практике давал по одному уроку в день в основном в 5 и 6 классах. Тему урока воспитанник педагогического класса получал за два дня до урока. Подробные конспекты уроков не требовались. Таким образом работа продолжалась до мая. С ноября воспитанники давали уже уроки на оценку: для этих уроков требовались подробно разработанные конспекты.

Последний урок воспитанника педагогического класса считался экзаменом. В конце учебного года воспитанники экзаменовались по педагогике, дидактике, школоведению, латышскому языку, методике преподавания математики; по педагогике, пси-

хологии, этике, истории, естествознанию, географии, методике преподавания природоведения были еще и письменные экзамены.

После сдачи экзаменов выпускникам присваивались права учителя или практиканта 6-летней основной школы.³⁶

Для подготовки учителей дошкольных учреждений также организовывали курсы с 1919 года по 1922 год.³⁷ В 1922 году соответствующие курсы действовали в Риге. На курсах читали лекции по педагогическим дисциплинам, общеобразовательным предметам и по методике работы в дошкольных учреждениях.

Всего с 1919 года по 1923 год на годичных, 4-месячных курсах и курсах по подготовке учителей дошкольных учреждений было подготовлено 2448 учителей.³⁹

Учительские права выдавались квалификационной (цензовой) комиссией при департаменте школ. Педагогические курсы, педагогические учебные заведения давали только удостоверения об уровне педагогической квалификации.

С 1924 года курсы по подготовке учителей в основном прекратили свою деятельность, продолжали работать предметные курсы с целью повышения профессиональной квалификации учителей.

Определенный вклад в подготовку учителей внес и Латвийский университет. Уже в 1919 году при филологическом факультете начало работать педагогическое отделение с двухгодичным сроком обучения. Подготовка здесь велась в теоретическом плане, возможности практиковаться у студентов не было. Не гарантировалось и место работы после окончания педагогического отделения. Это вело к уменьшению количества студентов. В 1925 году оно прекратило свое существование, подготовив всего 77 учителей.

С 1924/25 уч. года педагогическое отделение выделялось в самостоятельную единицу при Латвийском университете. Его выпускники получали право преподавать педагогические и общеобразовательные дисциплины в средних школах. Учебный курс делился на две части: общеобразовательная часть включала в себя введение в философию, общую психологию, логику, историю Латвии, общий и специальный курсы латышской литературы, истории всемирной литературы, историю искусства, практику по

латышскому языку, социологию, введение в биологию, иностранные языки.

В специальную часть входили история философии, этика, эстетика, общая педагогика, педагогическая психология, патопсихология, экспериментальная психология, детская физиология, школоведение, методики преподавания закона божьего, естествознания, математики, истории, латышского языка, иностранных языков, рисования, пения (пять методик надо было изучать обязательно), семинары по педагогике.

Студенты других факультетов, желающие получить права учителей средней школы, должны были сдавать экзамены при педагогическом отделении по логике, общей педагогике, истории педагогики, педагогической психологии, экспериментальной психологии, дидактике и методике своего предмета.³⁹

На съезде учителей буржуазной Латвии в 1920 году обсуждался вопрос об организации учительских семинарий. Используя опыт остзейских (Валкская и Ирлавская), правительственных (Прибалтийская и Валмиерская) учительских семинарий, а также опыт подготовки учителей в Западной Европе, секция по подготовке учителей разработала тезисы по созданию семинарии. Тезисы гласили:

1. Учителей (юношей и девушек совместно) готовят учительские семинарии.
2. Объем знания по общеобразовательным предметам приравнивается к средней школе.
3. Кроме общеобразовательных предметов, в семинарии особое внимание обращается на психологию, педагогику, методики, латышский язык и литературу, историю и географию Латвии, естествознание, музыку и пение, труд в мастерских.
4. При семинарии открывается 6-летняя основная школа.
5. Обучение в семинариях бесплатное.
6. При семинариях существует бесплатный интернат, Государство помогает продуктами.
7. Для каждого класса устанавливается стипендия.
8. В семинариях соблюдается трудовой принцип, приобретение учебных пособий за счет государства.

9. Выпускники семинарии получают права учителя 6-летней основной школы.

10. Выпускники имеют право поступать в вуз.⁴⁰

Из иностранных языков в учительских семинариях должны были изучать только русский и немецкий языки. Срок обучения в семинариях - 4 года.

В выступлениях делегатов съезда указывалось, что учительскую профессию выбирают дети неимущих родителей. Дети богатых поступают в дорогие частные школы, гимназии, чтобы потом занять хорошо оплачиваемые должности.⁴¹ Тяжелое положение учителя отпугивало детей буржуазии от этой профессии. Учитывая все это, учителя требовали, чтобы государство проявляло большую заботу об учительских семинариях.

В 1920 году Министерством просвещения были открыты учительские семинарии с 4-годовалым курсом обучения в Елгаве, в Бергайне (около Цесиса), Даугавпилсе, а в 1921 году - в Резекне.

В очень трудных условиях находилась Даугавпилсская учительская семинария. Учебное заведение размещалось в арендованном помещении. Департамент школ предлагал Даугавпилскому, Резекненскому и Лудзенскому уездам обеспечить семинарию дровами (по 10 м³ от каждого уезда). Лудзенский уезд и в такой просьбе отказал.⁴²

Первым заведующим Даугавпилсской учительской семинарии был Я. Бурге.⁴³ В 1921/22 учебном году в семинарии учились 36 учеников (I кл. - 28 чел., 2 кл. - 8 чел.). Количество учащихся быстро увеличивалось. Не хватало мест в области. Министерством просвещения была предпринята попытка перевести семинарию из Даугавпилса в Краславу,⁴⁴ но из этого ничего не вышло.

С июля 1923 года руководство Даугавпилсской учительской семинарией передается Валерии Сейаль, одной из инициаторов создания Союза учителей Латгалии.

В начале 20-х годов школы упрекали в том, что они недостаточно готовят учащихся к жизни на селе. Причина этого недостатка усматривалась в том, что сами учителя не чувствуют тяги к селу. Исходя из указанного и учитывая опыт под-

готовки учителей в дореволюционный период, высказывались предложения разместить учебные заведения по подготовке учителей в сельской местности.⁴⁵ Так, уже в 1921/22 уч. году предусматривалось их открытие в Диклях (Валмиерский район), в Рундале (Баусский район) и в Краславе. Несмотря на проделанную предварительную работу, Министерство просвещения задуманный проект не реализовало.

С 1 июля 1922 года начал работу первый учительский институт с 5-годовалым сроком обучения в Риге.

На основании договора в содержании института участвовало Министерство просвещения и Рижское городское правление. Обучение в институте - платное. Стипендии предусматривались только 10% студентов из нуждающихся, но не более 20 стипендий.⁴⁶

С целью усиления практической подготовки учителей при институте создавались сад, теплица, парники и мастерская. Министр просвещения писал: "Будущим учителям необходимо давать не только знания, но и умения... Только тот учитель, который сам воспитывался в трудовой атмосфере, сможет такую атмосферу создать и в народной школе, в этом заключается вопрос жизни нашего государства."⁴⁷

В усилении практической подготовки учителей проявлялся утилитарный подход к школьному обучению вообще. Правящим кругам было невыгодно давать учителям широкую теоретическую подготовку. Это вело бы к формированию всесторонне развитой личности учителя, что неблагоприятно для буржуазии отразилось бы в практике школьного образования.

Так как обучение в основной школе для подавляющего большинства молодежи запершало образование, большое внимание уделялось привитию трудовых навыков девочкам. С 1923 года началась подготовка учителей по домоводству в Кауцминдской семинарии, которая свою работу начала в Риге. В семинарии принимали девушек со средним образованием, достигших 18-летнего возраста. Плата за обучение - 120 лат. Срок обучения - 1 год. Занятия проходили в Риге и Кауцминде. Пансионат в Кауцминде обходился учащимся 24 лата в месяц. Обучение делалось на теоретическую и практическую части. В теоретическую часть обучения входили: латышский язык и литература с элементами

история искусств, общественные науки, физиология растений и овощеводство, химия, гигиена, животноводство, птицеводство, садоводство, бухгалтерия, психология, педагогика, этика, пение, музыка, методика изучаемых предметов.

Практическая часть обучения состояла из приготовления пищи, способов сохранения продуктов, консервирования, уборки помещения, стирки, утюжки, отбеливания белья, чистки одежды, шитья, крашения, рукоделия, практических занятий по животноводству, птицеводству, пчеловодству, садоводству, овощеводству и практических занятий по педагогике.

С открытием учительского института в Риге прекратила работу Берзайнская учительская семинария. Ее учащимся было предложено поступить в соответствующий класс Рижского учительского института, Елгавской или Даугавпилсской учительских семинарий.⁴⁸

В дальнейшем предполагалось преобразовать все учительские семинарии в 5-летние учительские институты. Так, в 1923 году в учительские институты были преобразованы Елгавская и Даугавпилсская учительские семинарии, а в 1925 году - Резекненская учительская семинария.

Используя опыт подготовки учителей в Германии, Союз учителей Латвии выдвинул идею о создании 2-годичного педагогического института на базе средней школы. Такой вариант был более приемлем с точки зрения профессиональной ориентации молодежи. При 2-годичном педагогическом институте предполагалось открыть гуманитарные и естественно-математические отделения, что дало бы возможность специализировать подготовку учителей. Институт готовил бы учителей для 5 и 6 классов основной школы. Упомянутое учебное заведение должно было обеспечиваться хорошими преподавателями и таким образом выполняло бы и функции методического центра.

Эта идея и стала предметом споров о необходимости 5-летних учительских институтов.

Высказывалось мнение, что вновь создаваемые 5-летние учительские институты на базе 6-летней основной школы могут дать учителям только "пол-образования": учебные программы учительских институтов примерно такие, какими пользо-

вались в учительских семинариях до 1917 года. Далее указывалось, что в учительские институты России принимались выпускники учительских семинарий или гимназий. Таким образом, эти институты (3-4-годичные) являлись продолжением среднего образования. Учительские институты буржуазной Латвии давали только среднее образование.⁴⁹ Итак, создаваемые учительские институты являлись завуалированными учительскими семинариями царской России.

Стремясь повысить уровень подготовки учителей, но не учитывая реальных возможностей детей широких слоев населения обучаться в платной средней школе, руководство Союза учителей Латвии, отдавая предпочтение 2-годовалым институтам, требовало закрытия 5-летних учительских институтов, работающих на базе 6-классной основной школы.⁵⁰

В 1925 году вопрос об учительских институтах обсуждался в сейме: бюджетная комиссия сейма внесла предложение прекратить финансирование младших классов 5-летних учительских институтов.⁵¹

Министерство просвещения не отрицало значения 2-годовалого педагогического института, но и не поддерживало мнение о ликвидации существующих 5-летних учительских институтов. Начальник отдела основных школ школьного Департамента К. Мелиалкович считал, что существующие учительские институты создают условия для "вращения" воспитанников в педагогическую профессию, утверждая, что большая часть лучших учителей - это питомцы учительских семинарий. К. Мелиалкович напоминал, что 5-летние институты дают возможность получить образование выходцам из низших слоев населения. Через среднюю школу и 2-годовалый педагогический институт они "не пробьются".⁵² Поэтому предлагалось не закрывать, а устранять недостатки в существующих учительских институтах.

В конечном счете 5-летние учительские институты продолжали свою деятельность, а на основании решения Министерства просвещения от 6 июля 1925 года⁵³ начал работу Центральный государственный педагогический институт (ЦГПИ) с 2-годовалым курсом обучения.

Из-за отсутствия в Риге материальной базы для ЦГПИ Министерство просвещения предложило директору Г. Одишу открыть

учебное заведение в Елгаве.

Деятельность института определялась уставом: В ЦПИ принимались выпускники средних учебных заведений на основании конкурса аттестатов, а также учителя основных школ с 3-летним педагогическим стажем без полного среднего образования (в период обучения они должны были сдать экзамены за среднюю школу). Плата за обучение взималась в размере 40 лат в год. Стоимость пансиона в интернате - 300 лат в год, принимали в интернат только тех, кто мог платить за пансион.⁵⁴ Получавшие стипендию должны были после окончания института в течение 4-х лет вернуть полученную сумму институту. При институте находилась базовая школа.

ЦПИ начал свою деятельность 22 сентября 1925 г. в Елгаве⁵⁵ с 3 отделениями - математическим, гуманитарным и домоводства. В 1926 году открылись еще 2 отделения - естествознания и физвоспитания. В институте была создана кабинетная система. В обязанности института входила организация курсов для учителей. Такие курсы проводились в 1926 и 1927 годах. Общими предметами для всех отделений были этика, эстетика, латышский язык, иностранный язык, психология, логика и введение в философию, педагогика и история педагогики, школоведение, обществоведение, гигиена, пение, рисование, физвоспитание, методики предметов, которые входили в учебный план 6-летней основной школы.⁵⁶

Учебные планы отделений ЦПИ были довольно обширны: воспитанники слушали лекции, выступали с докладами, выполняли практические задания, летом работали в хозяйстве института, проходили педагогическую практику. Изучение каждого учебного предмета заканчивалось сдачей экзамена.⁵⁷

Выпускники ЦПИ получали диплом, на основании которого им присваивались права учителя, давшие возможность претендовать на место учителя в основной и дополнительной школах, а также - на место учителя физвоспитания, домоводства и ручного труда в средних школах (выпускники соответствующих отделений).

Полный курс ЦПИ закончили всего 396 человек из 445 поступивших в институт. 42% воспитанников были детьми мало-земельных крестьян, батраков и ремесленников.

Расцвета деятельность ЦПТИ достигает в 1927 году, когда министром просвещения был Я. Райнис. Он всячески поддерживал начинания Союза учителей Латвии, такие как совещания кустовых методических объединений учителей, деятельность Педагогического бюро при Союзе учителей Латвии по организации проверки и внедрению передового педагогического опыта в школах лучшими учителями. Будучи министром просвещения, Я. Райнис способствовал работе комиссии по разработке проекта реформы существующей школы, являлся почетным членом организации юных пионеров.⁵⁸ За свои демократические взгляды Я. Райнис подвергся острой критике в сейме со стороны правых партий.⁵⁹

В 1927 году в ЦПТИ обсуждался вопрос о введении комплексного обучения в первых двух классах основной базовой школы. Для этой цели директор института Г. Одиныш просит Министерство просвещения разрешить открыть в базовой школе специальный класс, в котором воспитанники института могли бы наблюдать работу по комплексной программе. Я. Райнис обещал свою поддержку этому начинанию.⁶⁰ Обсуждался вопрос о превращении института в учреждение, где проверялись бы практически применялись новые активные педагогические методы.

Положение ЦПТИ ухудшалось, когда в январе 1928 года министром просвещения стал А. Тентелис. Он поддерживал реакционные круги, выступавшие против деятельности комиссии по проведению школьных реформ и новых методов обучения, которые применялись в работе и преподавателями ЦПТИ. А. Тентелис сократил прием в институт, пытался уволить Г. Одиныш с должности директора ЦПТИ. Институт обвинялся в том, что в нем "господствовало левое направление", будущие учителя воспитывались "людьми левых взглядов" и т.д.⁶¹ Шла речь о ликвидации ЦПТИ. Против такого решения протестовал педагогический совет института.⁶²

В Латвии усиливалась реакция. Касаясь вопросов народного образования, новый глава правительства Г. Целминьш в своей программной речи подчеркивал, что его правительство обратит серьезное внимание на преподавание закона божьего в школах.⁶³ Такое заявление необходимо расценить как шаг назад в народном образовании, усиление клерикализма в

вкс ах

Бюджетная комиссия Сейма прекратила финансировать первые классы института. В 1930 году ЦПИ был закрыт.

Как уже было указано, спор о пригодности учительских институтов на базе 6-классной основной школы в первой половине 20-х годов не повлек за собой закрытия этих учебных заведений. Учительские институты продолжали свою деятельность. Первыми директорами учительских институтов работали: в Даугавпилсе - В.Сейль, в Риге - Л. Петерсон, в Резекне - К. Давис и в Елгаве - Э. Петерсон.

В 1924/25 учебном году 5-летние учительские институты работали по следующему учебному плану: ⁶⁵

Предметы	I	II	III	IV	V	Всего часов в неделю
	кл.	кл.	кл.	кл.	кл.	
I	2	3	4	5	6	7
Религия и этика	2	2	1	2	2	9
Латвийский язык и его диалекты	5	4	4	5	5	23
Иностранский язык	4	4	4	3	4	19
Второй иностр. язык (необяз.)	(3)	(3)	(3)	(3)	(3)	(15)
Математика	6	5	5	5	2	23
Естествознание	2	2	2	2	2	10
Физика	3	2	2	2	1	10
География и геология	-	3	2	2	2	9
Космография	-	-	-	2	-	2
Химия	3	2	-	-	-	5
История	3	3	2	2	1	11
Введение в обществоведение (гражд. воспитание)	-	-	-	-	1	1
Педагогическая психология	-	2	2	-	-	4
Педагогика (дидактика, история педагогики, школоведение)	-	-	3	3	4	10
Методика ручного труда	-	-	-	-	2	2
Гигиена	-	-	2	-	-	2
История искусств, рисование, лепка	2	2	2	2	2	10
Каллиграфия	1	-	-	-	-	1
Пение	2	2	2	2	2	10
Музыка	2	2	2	1	1	8

I	!	2 !	3 !	4 !	5 !	6 !	7
Физическое и военное воспитание	2	2	2	3	3	12	
Ручной труд	2	2	2	2	-	8	
Хор (по группам)	-	-	-	-	-	(4)	
Оркестр (по группам)	-	-	-	-	-	(2)	
В с е г о:	39	39	39	38	34	189	
	+	+	+	+	+	+	
	(3)	(3)	(3)	(3)	(3)	(21)	

При учительских институтах существовали базовые школы, а при некоторых - еще и детский сад (при Даугавпилсском учительском институте с 1928/29 уч. года) для прохождения педагогической практики воспитанников. Особое внимание уделялось методикам преподавания предметов, изучаемых в основной школе, формированию практических умений и навыков, необходимых в педагогической деятельности. Так, воспитанники Даугавпилсского учительского института работали в мастерских, проходили сельскохозяйственную практику, изготавливали учебные пособия, дежурили в столовой института, принимая участие в составлении калькуляций и закладке продуктов, активно участвовали в ученическом кооперативе. Члены кооператива сами изготавливали контурные карты, тетради для самостоятельной работы по истории и географии, обеспечивая этими изделиями многие школы.⁶⁶ Серьезное внимание уделялось художественной самодеятельности.

Достиженные результаты в педагогической подготовке воспитанники института демонстрировали на рабочих утренниках. В присутствии представителей института, школ, общественных организаций воспитанники давали уроки, на которых применялись новые методы обучения, дидактические принципы.⁶⁷

В учительских институтах изучались два новых языка. В институтах Латгалии одним из них был русский язык.

Изучение русского языка в учительских институтах Латгалии (Даугавпилсский и Резекненский) допускалось из нескольких соображений: во-первых, большая часть местных жителей говорила на русском языке, и учителя должны были знать этот язык. Во-вторых, это давало правящим кругам возможность проводить националистическую политику, заменяя учителей, не вла-

деющих или слабо владеющих государственным языком в русских школах выпускниками учительских институтов. В-третьих, не ограничивая резко распространение русского языка, латышская буржуазия стремилась обеспечить себе поддержку в сейме со стороны депутатов русской буржуазии в ущерб народным массам как русской, так и латышской национальностей.

Тот же самое необходимо сказать и об изучении местного диалекта в учительских институтах Латгалии. В сохранении латгальского диалекта особенно было заинтересовано католическое духовенство, церковная служба частично велась по-латгальски. Учитывая большое влияние духовенства на жителей Латгалии того времени, латышская буржуазия была вынуждена считаться с этим требованием в целях сохранения голосов депутатов буржуазии Латгалии в правительственной коалиции.

В Елгавском и Рижском (с 1927/28 уч. года) учительских институтах воспитанники обучались на двух отделениях - гуманитарном и реальном - с различной сеткой часов при сохранении примерно одинаковой учебной нагрузки.

Большинство воспитанников учительских институтов проживали в общежитиях. За все надо было платить. Так, в Даугавпилском учительском институте за проживание в общежитии взимался разовый взнос в размере 4-х лат и 22 лата за питание ежемесячно. Воспитанники, которые питались сами, платили за проживание в общежитии 3 лата в месяц. Постельные принадлежности по установленной номенклатуре воспитанники привозили из дома.⁶⁸ Все это создавало большие материальные трудности. Поэтому около 70% воспитанников Даугавпилского учительского института были вынуждены в период летних каникул работать по найму⁶⁹ в целях получения средств на образование.

Воспитанники учительских институтов были в основном детьми неимущих слоев населения. Так, В. Сейль в своем письме Отделу средних школ сообщала в октябре 1923 года, что в Даугавпилском учительском институте не взимается плата за обучение, ибо воспитанники "чрезвычайно бедны". Она указывала на то, что введение платы за обучение повлекло бы за собой уход большей части воспитанников из института. В. Сейль также указывала, что из 182 воспитанников 126 не в состоянии платить за обед в размере 10 лат в месяц. Эти молодым людям угрожает истощение и

потеря здоровья.

Несмотря на бедственное положение учащихся, с 1924/25 уч.года в институтах вводится плата за обучение в размере 20 лат в год.⁷⁰

Примерно таким же было материальное положение большинства воспитанников и в других учительских институтах.

Социальное происхождение, материальные условия воспитанников определяли и их общественно-политические взгляды. Часть воспитанников придерживалась левых взглядов, имела связи с "политически ненадежными людьми" и демократическими организациями. Так, воспитанница Рижского учительского института Э.Вирс 18 декабря 1922 года была задержана работниками политуправления у Рижской центральной тюрьмы потому, что она пришла провожать коммунистов, высылаемых в Советскую Россию, и при проверке документов воспитанница презрительно выражалась о буржуазной Латвии.⁷¹

В письме от 28 мая 1928 года директору Рижского учительского института политуправление сообщало, что воспитанники А.Зибенс, А.Салениекс, А.Дониньш, Ф.Бергс "состоят в антигосударственной (коммунистической) организации "Спортивное и культурное общество демократической молодежи Латвии."⁷²

В учительских институтах ведется борьба между конфессиями, в результате которой искусственно разобщалась молодежь. Так, в Даугавпилсском учительском институте директор В.Сейль не разрешала организовывать для всего института общую елку. Эти вечера организовывались отдельно для учащихся католического и лютеранского вероисповеданий и посещать их ученикам другого вероисповедания можно было только с разрешением священника своей конфессии. Учащиеся такое разделение принимали с иронией и протестовали против этого.⁷³

Таким образом буржуазия, несмотря на декларацию о единстве нации, единых ее целях, проводила и в народном образовании политику раскола, используя в этих целях различные приемы.

В январе 1929 года было разработано новое положение об учительских институтах,⁷⁴ которым отменялось положение, принятое в 1923 году.⁷⁵

В новом Положении отмечалось, что учительские институ-

ти являются специальными педагогическими учебными заведениями, цель которых - готовить учителей для основных школ, детских садов, различных курсов и для преподавания общеобразовательных предметов в дополнительных школах и ремесленных училищах низшего типа.

В буржуазной Латвии учительские институты содержались за счет государства, но учащиеся должны были платить за обучение. Размер платы устанавливался Министерством просвещения. Педагогическому совету института предоставлялось право освобождать от платы за учебу до 50% учеников. Получающие стипендию воспитанники обзывались, начиная с 4-го года после окончания учебного заведения, вернуть институту выплаченную сумму (в виде стипендии) в течение 5-ти лет.⁷⁶

С 1929/30 учебного года в учительских институтах был установлен 6-тилетний срок обучения. В связи с перепроизводством учителей в институтах уменьшили количество классов.⁷⁷

Количество безработных учителей увеличивалось. В Департаменте школ все больше появлялось просьб о предоставлении возможности работать учителем. Так, учитель А.Бриедис неоднократно просил работу, ибо находился в безвыходном положении. Необходимо было возвращать полученную стипендию учебному заведению, а работы не было.⁷⁸

В период мирового экономического кризиса в начале 30-х годов правительство намеревалось уменьшить заработную плату и уволить часть учителей. Указанные намерения правительства в какой-то мере объединили учителей. В декабре 1931 года представители учительских центральных организаций еженедельно собирались и обсуждали создавшееся положение.⁷⁹ Учителя требовали, чтобы оплату учительского труда полностью ваяло на себя государство.

Учителя также требовали улучшения условий труда. Особенно трудно было работать в школах с небольшим количеством учеников. По установленным нормам, в школах с 3-4 отделениями (классами) и количеством учащихся до 35 человек предусматривался один учитель.⁸⁰

Несомненно, что неблагоприятные условия работы в школе и тяжелое материальное положение большинства учеников влек-

ли за собой большой отсев. Так, в 1929/30 учебном году 6-ой класс окончили только 24,7% учащихся, поступивших шесть лет назад в I класс.⁸¹

Интересно отметить, что контингент учащихся, поступающих в учительские институты, отличался невысоким уровнем знаний. Так, например, в Даугавпилсском учительском институте абитуриенты в 1930/31 учебном году писали контрольные работы по латышскому, немецкому языкам и по арифметике. Оценки контрольных работ абитуриентов:⁸²

Предмет	!Отлично!	!Хорошо!	!удовлетв.!	!неудовл.!	!без !оценки
Латышский язык	-	3	22	16	I
Немецкий язык	2	6	10	24	-
Арифметика	I	I	8	30	2

Воспитанники и преподаватели институтов ориентировались на сотрудничество с западом и всячески ограждались от влияния СССР. Один пример: учитель Даугавпилсского учительского института К.Цирулис просил разрешения выписать журналы по физвоспитанию, издаваемые в СССР. Департамент школ в деликатной форме отверг просьбу учителя.⁸³

С 1928/29 уч.года в учительских институтах, начиная с I класса, постепенно вводились новые учебные программы.⁸⁴

Основные тенденции политики правящих кругов
в подготовке учителей в период фашистской диктатуры в Латвии (1934-1940).

Сокращалось количество занятых людей: это вызвало острый протест пролетариата. В создавшемся положении усиливается стремление правительства задумить рабочее движение с помощью репрессий и запретов (предусматривалось распустить революционные рабочие организации). Коммунистическая партия Латвии организовывала и вдохновляла рабочих на борьбу за свои права. 22 августа 1928 года 15 тысяч рабочих Риги объявляли забастовку, во время которой проходили демонстрации, столкновения с полицией: рабочие выдвигают политические требования.

С помощью террора и репрессий, используя демагогию лиде-

ров правых социал-демократов, буржуазии удалось подавить стачку рабочих. Но авторитет КП Латвии среди народных масс возрастает. На выборах в третий сейм в 1928 году за список левых депутатов голосовали 75 тысяч избирателей. Выборы в четвертый сейм в 1931 году также свидетельствовали о росте авторитета левых сил среди народных масс. Напуганные настроением народных масс, правые силы готовят фашистский переворот.

На 21-й конференции Союза учителей Латвии в 1931 году обсуждался вопрос о правовом положении учителей. Указывалось, что увольнение учителей по политическим мотивам больше не является редкостью. Союз призывал учителей продолжать борьбу за повышение заработной платы, несмотря на то, что в бюджетной комиссии Сейма проект о повышении заработной платы учителям был отклонен.⁸⁷ Впервые в журнале "Izglitiba Ministrijas Mēnešraksts" (Ежемесячник Министерства просвещения) появились статьи, открыто пропагандирующие расистские идеи.⁸⁸ Школа призывалась воспитывать молодое поколение в духе "национального единства", религиозности.⁸⁹ Замалчивая классовые и социальные различия, правящие круги стремились проводить свою политику воспитания. Как грозное обвинение идее "равных возможностей" и "национального единства" звучит письмо от 24 июля 1934 г. Алисы Полюновой, проживающей в Засской волости Екабпилсского уезда, Улманису. В письме говорится: "... если Вы желаете, чтобы я, дочь старых и нуждой загнанных батраков, могла бы получить образование, то обеспечьте меня питанием, учениками и бесплатной школой."⁹⁰ Департамент школ ответил на письмо А. Полюновой, что гарантировать девушке пособие невозможно, ибо пособие зависит от количества бедняков в классе и от их успеваемости. Обеспечить бесплатным питанием также нет возможности.

Уже 18 июля 1934 года вступил в силу новый Закон о народном образовании. В документе указывалось, что задачей государства и местных властей является воспитание народа в националистическом духе. Закон божий должен был изучаться в начальных и средних учебных заведениях. Детям представителей национального меньшинства предоставлялось право учиться в сво-

их школах, но если ребенок не мог свободно выражать мысли на языке своего народа, он должен был обучаться в школе с государственным языком обучения. В смешанных школах национальных меньшинств языком обучения устанавливался государственный язык.⁹¹

История и география Латвии в школах национальных меньшинств должны были преподаваться в 5 и 6 классах основной школы на государственном языке.

Участились случаи закрытия школ национальных меньшинств. Все это свидетельствует о националистической направленности Закона о народном образовании.

Законом о народном образовании устанавливалось, что полноправными учителями 6-летней основной школы могли быть, во-первых, лица, закончившие учительский институт или полный курс соответствующего учебного заведения после прохождения необходимой педагогической практики; во-вторых, лица со средним образованием, сдавшие соответствующие экзамены при Министерстве просвещения и прошедшие необходимую педагогическую практику; в-третьих, полноправный учитель средней школы по тем предметам, по которым он сдал экзамен по методике.

Право назначать заведующих обязательными и необязательными школами имело только Министерство просвещения. Учителей также принимало на работу Министерство просвещения на основании предложения заведующего школой.⁹² На заведующего школой, учителей и воспитателей возлагалась ответственность за свою работу, ее методы, приемы и результаты.

Приказами министра просвещения прекращалась деятельность школьных советов, городских и уездных школьных правлений в существующем составе. Вредь члены городских и уездных школьных правлений назначались министром просвещения. Им предоставлялось право изменять решения, принятые прежним составом правления.⁹³

Таким образом, правящие круги установили свой контроль над деятельностью учебных учреждений и над учебно-воспитательной работой.

Учебные программы в основной школе отаковались все более утилитарными, готовящими молодое поколение к сельской жизни. Воспитание в духе лозунгов "свой уголок, свой кусочек земли"

и "единая нация, единое государство" должно было занять ведущее место в школах.

Воспитание чувства долга перед государством и доброжелательных взаимоотношений между гражданами в большой мере возлагалось на такие учебные предметы, как история и закон божий.⁹⁴

Введение новых порядков в системе народного образования несомненно отразилось и на подготовке учителей.

Учительские институты остались 6-тилетними учебными заведениями, которые могли быть с гуманитарным, реальным и объединенным (общим) уклоном, какие существовали до утверждения нового учебного плана учительских институтов в 1936 году.⁹⁵ Для каждого уклона учебный план утверждался министерством просвещения. Нагрузка воспитанников во всех случаях оставалась примерно одинаковой. Все три учебных плана состояли из одних и тех же учебных предметов. Небольшие различия между учебными планами были только в количестве часов по некоторым предметам.

Учебный план учительского института с объединенным уклоном.⁹⁶

№ п/п	Наименование предмета	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	V кл.	VI кл.	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	Религия	2	2	2	2	2	2	12
2.	Латышский язык	4	4	4	3	3	4	22
3.	Английский язык	4	4	4	4	4	3	23
4.	Математика	6	4	4	4	3	2	23
5.	Естествознание	2	2	2	2	2	-	10
6.	Сельское хозяйство	-	-	-	-	-	3	3
7.	Домоводство (для девушек)	-	-	1	1	1	1	4
8.	Физика	2	2	2	2	-	-	8
9.	Химия	3	2	-	-	-	-	5
10.	География и геология	-	2	2	2	2	-	8
11.	Космография	-	-	-	-	2	-	2
12.	История и введение в обществоведение	2	3	2	2	2	1	12
13.	Кооперация	-	-	-	-	-	1	1
14.	Психология	-	-	2	2	-	-	4
15.	Педагогика	-	-	-	3	3	4	10

1	2	3	4	5	6	7	8	9
16. Практическая педагогика		-	-	-	-	-	8	8
17. Гигиена школьная		-	-	-	-	1	-	1
18. Рукоделие		-	-	2	2	2	2	8
19. Гимнастика		2	2	1	1	1	1	8
20. Военное дело		1	1	1	1	1	1	6
21. Рисование		2	2	2	2	2	-	10
22. Каллиграфия		-	-	-	-	1	-	1
23. Пение		2	2	2	1	2	1	10
24. Музыка		2	2	2	1	1	1	9
25. Хоровое пение	(4)							
26. Оркестр	(2)							
27. Второй ин.яз. по группам	(4)							
28. Гимнастика по группам	(2)							

Этим отменялся учебный план учительских институтов, утвержденный в 1929 году.

Из учебных планов исключался русский язык и латвийский диалект, которые до фашистского переворота изучались в Даугавпилском и Резекненском учительских институтах. С целью усиления сельскохозяйственной направленности в основной школе в учебный план учительских институтов вводится предмет сельское хозяйство, увеличивалось количество часов по домоводству. Общее количество часов по военному делу в новом учебном плане повысилось с 3 до 6.

Какого учителя сейчас должен был готовить учительский институт? На этот вопрос дает ответ министр просвещения Л. Адамович. На конференции инспекторов народных школ в сентябре 1934 года он подчеркивал, что "нам необходим такой учитель который с восторгом выполнял бы то, что наше национальное правительство положило в основу народного воспитания."⁹⁷ Министр признал, что произведено увольнение тех учителей, которые не подчинялись намерениям правительства. Таким образом, фашистский режим освободился от демократически настроенных работников просвещения, стремясь создать в школах благоприятную атмосферу для националистического и государственного воспитания: зарождается культ вождя "единой нации".

Все учителя школ национальных меньшинств подвергались

проверке знания латышского языка письменно и устно в объеме полного курса латышской 6-тилетней основной школы. Это давало возможности правительству чинить препятствия в работе школ национальных меньшинств, не давая возможности работать учителями тем, кто не знал в достаточной степени государственного языка.

В августе 1936 года Министерством просвещения был утвержден новый учебный план для учительских институтов. Проект этого учебного плана и программы обсуждались на совещании директоров учительских институтов.⁹⁸ Директора указывали на недостаточное количество часов по математике, естествознанию, домоводству, сельскому хозяйству, предлагали внести некоторые изменения в учебные программы. Так, например, по истории педагоги предлагалось вместо Фихте изучать Кронвальда, сократить курс тригонометрии, а также зарубежной литературы, ибо это может помешать усвоению латышской литературы. Программу по химии предлагалось дополнить разделом о полезных ископаемых Латвии.

В новом учебном плане сокращались часы по латышскому языку, математике, химии, истории (по одному часу на каждый предмет) и отменялась космография (2 часа). В то же самое время добавлялись 2 часа по домоводству, 1 час по гигиене, 1 час по рукоделию, 1 час по гимнастике, 1 час по каллиграфии и 6 часов по военному делу.⁹⁹ По разрешению Министерства просвещения количество учебных часов в отдельных учительских институтах имели некоторые различия.

Националистическое и религиозно-этическое воспитание в учительских институтах все более усиливается: в пример ставился вождь. В связи с перепроизводством учителей уменьшается прием в учительские институты.

Выпускники учительских институтов получали для того времени довольно хорошие знания по методике, имели навыки и умение применять их в школьной практике. В учительские институты рекомендовалось принимать молодых людей, имеющих музыкальный слух.

Перепроизводство учителей заставляет Министерство просвещения уменьшить не только прием, но и количество учительских институтов. Уже в мае 1936 г. было объявлено о ликви-

дации Даугавпилсского учительского института. Директор института В.Сейль доказывала необходимость педагогического учебного заведения в юго-восточной части Латвии, отмечая, что в Даугавпилсе уже в 1630 году была открыта иезуитская коллегия, в Краславе действовала духовная семинария, в начале XX века в Даугавпилсе находилась Илукстская учительская семинария. В.Сейль предлагала не закрывать учительский институт, а приступить к строительству собственного помещения для учебного заведения.¹⁰⁰

Трудные времена переживал в период фашистской диктатуры и Рижский учительский институт. Находясь в арендованных помещениях, он зависел от городского правления, которое требовало освободить помещения до 1 июля 1938 года.¹⁰¹

Распоряжением Министерства просвещения Рижский учительский институт был закрыт 1 августа 1938 года и одновременно открыт Цесисский государственный учительский институт. Директором вновь открытого учебного заведения был назначен К.Спманис.¹⁰² Елгавский, Цесисский, Резекненский и Даугавпилсский учительские институты просуществовали до 1940 года. После восстановления советской власти в Латвии приказом Министра просвещения от 15 июля 1940 года были ликвидированы все четыре учительских института и вместо них с 16 июля 1940 года учреждены два государственных педагогических института - в Резекне и Елгаве - на базе действующих там учительских институтов.¹⁰³ Инвентарь, документация и архив Даугавпилсского учительского института были переданы Резекненскому педагогическому институту,¹⁰⁴ а инвентарь и архив Цесисского учительского института - Елгавскому государственному педагогическому институту.

Двадцатилетнее существование буржуазной Латвии показало, что пути буржуазии и прогрессивного учительства шли раздельно. Учителя - в своем большинстве выходя из бедных слоев населения - сохранили свое классовое сознание, сумели его передать своим ученикам. В условиях буржуазного террора демократически настроенные учителя способствовали воспитанию нового поколения революционеров. Учителя Латвии внесли большой вклад в дело восстановления советской власти в 1940 году. За исключением горстки реакционеров, огромное большинство учи-

телей находились в одном строю с Коммунистической партией Латвии и правительством Советской Латвии, совершая социалистические преобразования общества.

Литература

- I. Ленин В.И. Полн.собр.соч., 5-е изд., т.38,с.246-247.
2. Stučka P. Par padomju varu Latvijā, 1918.-1920. Rakstu izlase. Rīga, 1958, 108.lpp.
3. Cīņa, 1919, 18.janvāri.
4. Rīga sociālisma laikmetā - Rīga, 1980, 49.lpp.
5. Ziemeļis S. Padomju Latvijas Izglītības komisariāts un tā vadītāji 1919.gadā. - Padomju Latvijas skola, 1959, Nr.1, 20.lpp.
6. Izglītības Ministrijas Mēnešraksts (Ежемесячник министерства просвещения), (далее ИМ), 1927 г., № 7/8, 101. lpp.
7. ИМ, 1928, Nr. 1, 64.lpp.
8. ИМ, 1926, Nr.1, 60.lpp.
9. ИМ, 1928., Nr. 12, 549.lpp.
10. Mūsu Nākotne (наше будущее), (далее МН), 1922, № 12, 378.lpp.
- II. Rīgas Ziņas, 1926, Nr. 213.
12. Audzinātājs (воспитатель), 1926, Nr.5/6.
13. ИМ, 1923, Nr.11, 1299.lpp.
14. Latvijas Tautas Padome, 1.sējums. - Rīga, 1920, 478.lpp.
15. Там же, с.474.
16. Latvijas skola / Sastādījis K.Ozolīns - Rīga, 1931, 5.lpp.
17. Satversmes sapulce, 1.burtnīca, 1920., 372.lpp.
18. Там же, с.378.
19. Там же, с.400.
20. ИМ, 1928, Nr. 12, 518.lpp.
21. ИМ, 1923, Nr.1, 72.lpp.
22. ИМ, 1928, Nr.9, 173.lpp.
23. Latvijas Satversmes Sapulces stenogrammas. 9.burtnīca. 1920., 883.lpp.
24. Там же, с.884, 897.
25. Там же, с.927.
26. Там же, с.923.

27. Latvijas skola / Sastādījis K.Ozoliņš.—Rīga, 160.lpp.
28. Latvijas Republikas 1 Saeimas stenogrammas. (9.10.-14.12. 1923).., 204.lpp.
29. Latvijas Republikas 1 Saeimas 7.sesijas stenogrammas, 692.lpp.
30. ИММ, 1923, Nr. 10, 1130.lpp.
31. МН, 1922, Nr. 15/16, 451 lpp.
32. МН, 1922, Nr.23., 683.lpp.
33. ИММ, 1927, Nr.7/8, 16.lpp.
34. ИММ, 1923, Nr.11, 1289.lpp.
35. ИММ, 1927, Nr.7/8, 16.lpp.
36. ИММ, 1923, Nr.12, 1412.lpp.
37. ИММ, 1923, Nr. 8, 964 lpp.
38. ИММ, 1928, Nr.4, 468.lpp.
39. ИММ, 1924, Nr.6, 718.lpp.
40. ИММ, 1920, Nr.3,235.lpp.
41. ИММ, 1920, Nr.6, 234.lpp.
42. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.473, л.6.
43. Там же, л.22.
44. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.474, л.55.
45. ИММ, 1925, Nr.4, 399.lpp.
46. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.І25, лл.І-4.
47. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.І24, л.2І.
48. ИММ, 1922, Nr.9, 1003.lpp.
49. МН, 1922, Nr,12, 361.lpp.
50. ИММ, 1927, Nr.7/8, 17.lpp.
51. ИММ, 1925, Nr.4, 398.lpp.
52. ИММ, 1925, Nr.4, 399.lpp.
53. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.45І, л.2.
54. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.452, лл.42-43.
55. Там же, л.46.
56. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.І92, л.9.
57. Там же, л.38.
58. Latvijas Republikas 11 Saeimas stenogrammas. 7.sesija. 1927.g., 404.lpp.
59. Там же, с.70.
60. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.452, л.І72.
61. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.94, л.І34.

62. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.453, л.168.
63. Latvijas Republikas 111 Saeimas stenogrammas. 1 sesija, 1928, 183.lpp.
64. Latviešu konversācijas vārdnīca. 20.sējuma, Rīga, 39125.lpp.
65. ИММ, 1924, Nr.7, 103.-104.lpp.
66. Daugavpils valsts skolotāju institūta darbības pārskats - Daugavpils, 1936., 102.lpp.
67. Там же, с.18.
68. Там же, с.108.
69. Там же, с.15.
70. Valdības vēstnesis (Nr.220), 1923.g.5.oktobris.
71. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.124, л.75.
72. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.458, л.38.
73. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.487, л.227.
74. ИММ, 1929, Nr.3, 310.-315.lpp.
75. ЦГИА Латв.ССР, ф.1632, оп.2, д.45, л.7.
76. ИММ, 1929, Nr.3, 311.lpp.
77. Latviešu konversācijas vārdnīca. 20.sējuma. Rīga, 3926.lpp.
78. ЦГИА Латв.ССР, ф.6641, оп.І, д.872, л.І-2.
79. ИММ, 1931, Nr.12, 577.lpp.
80. ИММ, 1931, Nr. 7/8, 159.lpp.
81. ИММ, 1931, Nr.7/8, 44.lpp.
82. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.460, л.62.
83. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.480, л.173.
84. ИММ, 1928, Nr. 11, 491.lpp.
85. Rīga sociālisma laikmetā 1917-1975 - Rīga, 1980, 107.lpp.
86. Там же, с.108.
87. ИММ. 1931, Nr.4, 426.lpp.
88. ИММ, 1934, Nr.7/8, 10.-13.lpp.
89. Там же, с.І.
90. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп.І, д.21.
91. Rīga sociālisma laikmetā 1917-1975 - Rīga, 1980, 104.lpp.
92. Izglītības un kultūras nolikums - Rīga, 1937, 69.lpp.
93. ИММ, 1934. Nr.9, 268.lpp.
94. ИММ, 1934. Nr.12, 551.lpp.

95. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп. I, д. 21, л. 175.
96. ГМЛ. 1934, № 9, 272.1pp.
97. ГМЛ, 1934, № 10, 387.1pp.
98. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп. I, д. 21, л.
99. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп. I, д. 202, л. 50.
100. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп. I, д. 484, лл. II3-II6.
101. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп. I, д. 124, л. 92.
102. ГМЛ, 1938, № 7/8, 137.1pp.
103. Latvijas skola, 1940, № 7.
104. ЦГИА Латв.ССР, ф.6648, оп. I, д. 488, л. II.

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В
ЛИТВЕ В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА БУРЖУАЗИИ

И.Лаужикас

Буржуазная Литва унаследовала от царизма очень низкий уровень просвещения. Царские власти мало интересовались просвещением народных масс, особенно на таких, как Литва, окраинах. Сеть школ была редкой, состав учителей как в количественном, так и в качественном отношении - неудовлетворительным. Большинство учителей были не местного происхождения.

Во время оккупации Литвы кайзеровскими войсками школьное дело пришло в еще больший упадок. Часть передовых учителей была арестована или уволена, часть - сами оставили школу. Кратковременные курсы по подготовке учителей и повышению их квалификации, организованные во время немецкой оккупации, из-за низкого уровня и малого охвата учителей не могли решить вопроса об учительских кадрах.

Попытки организовать подготовку и повышение квалификации учителей, получивших образование до установления господства буржуазии в Литве, не дали ощутимых результатов.

Советская власть в Литве в 1918-1919 гг. вынуждена была действовать в трудных условиях. Она не успела как следует укрепиться и продержалась недолго: в сложившихся обстоятельствах не было возможности решить проблему учителей. Пришедшее на смену советской власти буржуазное правительство не пожелало доверить воспитание молодого поколения учителям, которые активно проявили себя при советской власти. Народное просвещение, получив новое, прогрессивное направление, которое с приходом к власти буржуазии в результате контрреволюции было уничтожено, оставалось на прежнем уровне, школьная сеть сохранилась прежней, материальная основа школ — нищенской. Проблема расширения школьной сети и улучшения материальной базы сохраняла свою остроту.

Буржуазия больше заботилась об открытии начальных школ. Например, в 1919-1924 гг. были открыты 102 новые начальные школы.¹ (В последующие годы строительство школ уменьшилось). Для новых школ требовались учителя: подготовка же учителей длилась несколько лет. Кроме того, в период советской власти в Литве было узаконено обучение на родном языке. Учителя, не владевшие литовским языком, были вынуждены оставить школу. По данной причине значительно уменьшилось число квалифицированных школьных работников.

В первые годы господства буржуазии состав учительских кадров Литвы был очень пестрым. Почти половина учителей имели только начальное образование или же были самоучками. Часть учителей либо имели полное педагогическое образование, либо же их образование ограничивалось, например, двумя курсами учительской семинарии; четырьмя классами мужской или пятью классами женской гимназии, полным курсом городской школы и т.д.

Как в период немецкой оккупации, так и в первые годы господства буржуазии на учительскую работу шли люди, желающие помочь развитию народного образования или не имевшие другой работы.

Учителя, желающие дать образование широким массам народа, старались привлечь к учению и взрослых, вели среди них разъяснительную работу. Анализ состояния педагогических кадров

начальной школы Литвы в первые годы господства буржуазии подтверждает, что учительский состав как по уровню педагогического, так и общего образования, общественно-политическим взглядам был весьма пестрым. Многие оказались на учительском месте случайно, в силу обстоятельств.

Буржуазные же власти стремились к тому, чтобы учителя были верными их сторонниками, однако многие из них прониклись демократическими идеями.

Перед буржуазным правительством Литвы стояла неотложная задача - заняться как педагогической, так и идеологической подготовкой учительских кадров.

Подготовка педагогических кадров велась на разного рода педагогических курсах и в учительских семинариях.

Большинство курсов организовывались во время летних каникул.

Единой организации курсов не было, они не имели ни определенной программы, ни методики. По квалификации и мировоззрению преподавательский состав курсов был неодинаков. Это не могло не сказаться на уровне общей и педагогической подготовки будущих учителей.

Жизнь заставила регулировать направление обучения и повышать общий педагогический уровень курсов.

В 1920 году были изданы временные правила для получения звания младшего учителя начальной школы. Предусматривались полные и сокращенные экзамены. Полные - для тех, кто имел образование ниже 4-х классов гимназии (нужно было сдать экзамены по программе четырех классов средней школы, а также экзамены по педагогике и провести пробные уроки по арифметике и литовскому языку в начальной школе).

Сокращенные экзамены сдавали учителя, которые до 1919 г. окончили два курса учительской семинарии или учительские курсы "Сауле" и "Ритас", а также те, кто имел общее образование не ниже 4 кл. мужской или 5 кл. женской гимназии.

В зависимости от подготовки слушателей варьировалась методика проведения курсов, содержания обучения, экзамены.

Ряд учителей не могли сдать экзамены на звание младшего учителя, что, несомненно, отразилось как на качестве их работы, так и на материальном положении.

Поэтому в 1922 г. Министерство просвещения выдвинуло требование, согласно которому все учителя, начавшие работать в 1919 г., обязаны получить звание младшего учителя до 1 июня 1923 г., а начавшие работать позже - в течение четырех лет.

По разным причинам некоторая часть учителей экзаменов не сдавала и еще несколько лет работала без звания учителя. Не получали звания младшего учителя и те, кто обучался на летних курсах. В связи с этим началась длительная дискуссия (на страницах печати, на учительских конференциях и т.д.), в результате которой направление, продолжительность и содержание педагогических курсов в некоторой степени изменились в лучшую сторону.

Учительские курсы улучшили свою работу с 1923 г., когда был издан устав о двухгодичных учительских курсах. Окончившие эти курсы были равны в правах с окончившими два курса учительской семинарии и после двух лет практики получали звание младшего учителя.

1 сентября 1923 г. было открыто 13 таких курсов при гимназиях, прогимназиях или учительских семинариях. Некоторые из этих курсов организовывались государством, уездными органами самоуправления, клерикальными организациями ("Саудэ" и "Хибурис") или еврейскими организациями.

В 1925/26 гг. на курсах обучались 1111 человек.

Буржуазное правительство стремилось обеспечить воспитание курсантов в духе буржуазной идеологии и клерикализма. Поэтому среди курсантов и прогрессивной общественности было немало недовольных общей направленностью курсов, тем более, что среди курсантов основной контингент уже имел некоторый педагогический стаж (напр., в 1923/24 гг. возраст почти 50% курсантов - от 20 до 30 лет), они были знакомы с основными общественно-политическими и педагогическими тенденциями того времени. Известны случаи, когда курсанты из-за своих убеждений сталкивались даже с полицией.²

Некоторые курсанты поддерживали связь с Коммунистической партией Литвы.

Двухгодичные учительские курсы действовали четыре года. Как общая, так и педагогическая подготовка на них не были на высоком уровне; материальная база курсов была неудовлетворительной.

Учительские курсы были только временными учреждениями.

Более систематическую подготовку будущим учителям давали учительские семинарии.

Первые учительские семинарии в буржуазной Литве были учреждены на базе царских семинарий и учительских курсов. Так, в 1918 г. клерикальная организация "Сауде" в Каунасе на базе бывших курсов открыла учительскую семинарию. В 1919 г. была учреждена семинария в Панявехисе и Мариамполе (вместо бывшей Вейвяряйской семинарии).

В 1919 г. был издан временный устав учительских семинарий.

В уставе указывалось, что учительские семинарии готовят учителей для I и II ступени начальной школы.

Согласно уставу, учительские семинарии состояли из двух подготовительных классов и четырех курсов. В подготовительные классы принимались юноши и девушки, окончившие не менее двух классов средней школы или гимназии, а на первый курс — окончившие четыре класса гимназии или высшую начальную школу (бывшую царскую), желающие — по результатам экзаменов. Окончившие первых два курса и сдавшие экзамены воспитанники получали право преподавать в школе первой ступени, окончившие четыре курса могли работать во второй ступени начальной школы, звание же учителя получали после двухлетней успешной работы в школе.

В соответствии с новым законом о начальной школе устав учительской семинарии был изменен (1925 г.). Были упразднены подготовительные классы, срок обучения в семинариях остался прежним — четыре года.

Выпускники семинарии, получали звание учителя без разделения на ступени.

В 1918-1924 гг. было открыто 10 учительских семинарий. Из них пять содержалось государством, три — клерикальными литовскими организациями, одна — учительским профсоюзом и одна — еврейской клерикальной организацией.

Количество учащихся в учительских семинариях к 1926/27 г. достигло 1398 человек.

Учительские семинарии до 1922 г. работали по временным учебным планам и программам. В 1922 г. был принят новый проект учебного плана, который без существенных изменений действовал на протяжении всего периода господства буржуазии. План включал основную программу гимназии и специальные педагогические дисциплины.

Под влиянием новых педагогических течений много внимания уделялось тем предметам, которые были связаны с новыми методами обучения: рукоделию, рисованию и черчению, пению и музыке, физическим упражнениям.

Физические упражнения связывались с военной подготовкой, которая была особенно усилена после фашистского переворота в Литве.

Педагогическая подготовка до 1927 г. (когда после окончания двух курсов семинарии можно было получить звание учителя первой степени) содержала некоторые ненужные концентры, после 1927 г. она стала более систематической.

Согласно проекту учебных планов каждому педсовету учительской семинарии было дано право вносить некоторые изменения в содержание обучения. Поэтому конкретное направление содержания обучения в некоторой степени зависело от педагогических и идеологических взглядов преподавателей. Так, например, между учительскими семинариями, учрежденными клерикальными организациями, с одной стороны, и Кедайнской учительской семинарией, в которой работали наиболее прогрессивные педагоги Литвы, с другой, — были весьма значительные различия. Не без основания Кедайнская семинария в 1927 г. подвергалась фашистскому преследованию: некоторые учителя были уволены или даже арестованы (напр., И.Гендшао), в том же году эта семинария была закрыта.

Несмотря на усилия реакции, прогрессивные идеи получали распространение в ряде других учительских семинарий, как среди учителей, так и среди учеников. В некоторых семинариях были организованы тайные комсомольские кружки, распространялась коммунистическая литература (напр., в Мариямполье, Паневежисе

и др.).

Несмотря на то, что в Литве с 1928-30 гг. предусматривалось введение обязательного начального обучения, в 1927 г. был закрыт ряд учительских семинарий, в результате - число учащихся в семинариях уменьшилось. Так, в 1931/32 уч.г. их осталось 833, а в 1936/37 уч.г. только - 228. Правительство считало, что учителей в Литве достаточно, нужно готовить замену только для выбывающих из школы. Эта политика привела к тому, что скоро стала ощущаться нехватка в учителях.

В 1933-1935 гг. ведётся агитация для подготовки учителей из числа лиц, окончивших начальную и среднюю школу (по примеру стран Западной Европы - Австрии, Германии, Швеции).

В 1935 г. был принят устав педагогического двухгодичного института для подготовки учителей начальной школы. В том же году такой институт открылся в Клайпеде. Следует признать, что на педагогическое образование в институте обращалось довольно серьезное внимание: изучались общая теория педагогики, классическая педагогика, читался отдельный курс, посвященный новым педагогическим течениям.

При институте существовала базовая шестиклассная школа, в которой проводилась педагогическая практика.

Издавалась педагогическая летопись, в которой излагались актуальные педагогические и методические проблемы. Педагогические проблемы в летописи освещались под явным влиянием новых педагогических течений и на основе экспериментальной и практической работы самого института. В институте начали свою научно-педагогическую деятельность такие известные педагоги Литвы, как проф. И.Будзинскис, заслуженный учитель Литвы П.Наулокайтис, П.Мартинкайтис и др.

Сотрудники института активно сотрудничали в педагогической печати. До 1939 г. институт подготовил 350 учителей. Но только небольшая часть этих учителей работала в четырехлетней начальной школе. Основная их масса пошла работать в старшие отделения начальной школы или средние школы, особенно после восстановления советской власти, когда число школ быстро росло и ощущалась нехватка педагогических кадров.

Осуществлялись некоторые мероприятия по повышению квали-

фикации учителей начальной школы, уже имевших соответствующий ценз. Организовывались разные методические курсы (например, по вопросам трудового обучения, сельскому хозяйству, военной подготовке и т.п.).

Организация курсов, связанных с трудовым обучением, была вызвана общим вниманием к трудовой школе, которая стала популярной в Литве с начала XX века. С идеями трудовой школы учителя Литвы ближе познакомились в годы советской власти. В годы буржуазной республики обсуждались вопросы "трудовой школы". Министерство просвещения в 1922-23 учебном году отправило четырех учителей в Лейпциг на годовичные курсы по вопросам трудового обучения. Несколько учителей были посланы в Германию на летние курсы для подготовки к трудовому обучению. По примеру немецких курсов летом 1922 г. были организованы курсы по трудовому обучению в Каунасе. В дальнейшем такие курсы были организованы и в других городах. Всего на курсах с 1922 по 1931 г. обучалось 755 учителей.³

В первые годы, кроме преподавателей-литовцев, были приглашены из Германии преподаватели Зейнинг и Фрей. Таким образом, с теорией и практикой "новой школы" буржуазная Литва старалась познакомить учителей через немецкую педагогику.

Наряду с курсами по трудовому обучению организовывались курсы по сельскому хозяйству. Этими курсами в основном руководили сами учителя, а позднее они проводились на базе сельскохозяйственной академии.

С 1928 г. молодые учителя-мужчины были обязаны пройти курсы военной подготовки. Такие курсы были организованы при военной школе.

Кроме того, учителя направлялись в "спортивные" лагеря, где им прививались милитаристские идеи. В такие лагеря ежегодно отбирались по несколько учителей из каждого уезда.

Таким образом, квалификация учителей начальной школы буржуазной Литвы повышалась, но идеологическая подготовка находилась под влиянием фашистской идеологии.

Учителей начальной школы не хватало. Поэтому, наряду с Квицедским педагогическим институтом, с 1938 г. стали вновь открываться учительские семинары.

Литература

1. Лаужикас Й.П. Начальная школа в Литве в период буржуазной диктатуры (1919-1940). - М., 1955, с.31.
2. Там же, с.208-209.
3. Там же, с.227.

Статью подготовила М.Карчяускене

МАРКСИСТЫ ЛАТВИИ О НАРОДНОМ УЧИТЕЛЕ И ХАРАКТЕРЕ
ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Я.Анспак

Борьба революционной социал-демократии Латвии в условиях самодержавия за демократизацию школы всегда была борьбой за достоинство и права народных учителей, что нашло наиболее яркое и полное выражение в многочисленных статьях первых латвийских марксистов. Слова К.Маркса: "...наиболее передовые рабочие вполне сознают, что будущее их класса, и, следовательно, человечества, всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения"^I - в выступлениях революционных деятелей Латвийского края обрели глубокий смысл и важное методологическое значение. В социал-демократических изданиях последовательно проводилась мысль о том, что нельзя представить себе духовную жизнь трудового народа без активного освоения достижений науки и культуры и передачи их молодому поколению. Чем богаче и активнее становится общественная и культурная жизнь, тем более значительную и разностороннюю деятельность развивает учитель, являющийся первым носителем культуры.

Новые и более ответственные задачи перед народными учителями Латвии выдвигаются в годы политического пробуждения пролетариата. В конце XIX - начале XX вв. марксисты Латвии ведут огромную работу по вовлечению народных учителей в решение задач, поставленных эпохой, своими теоретическими трудами способствуют становлению их общественного самосознания,

раскрывает социальную значимость профессии педагога в жизни трудящихся и их революционной борьбе. Марксисты Латвии признают, что учителя первыми содействуют прогрессу, несут просвещение в массы. Они призывают учителей связать свою деятельность с борьбой рабочего класса, чтобы превратить школу в "замок света", а учителя - в истинного народного воспитателя.

Трудным и сложным был путь формирования народного учительства в Латвии. Латвийский народный учитель пережил эпоху, когда каждому учителю вменялось в обязанность быть прислужником пастора, когда в смысле самостоятельности и независимости он не мог сравниться даже с кучером. Немецкие помещики способствовали тому, что учитель становился служителем церкви, слугой пастора, выполнял обязанности звонаря, а в свободные от занятий дни - и другие чуждые его профессии функции.

Народных учителей угнетал царский административный и политический надзор, их притесняли инспектора школ. Бюрократическая школьная администрация, немецкие помещики и духовенство всеми средствами пытались при помощи некоторых драконовских приемов закрыть народным учителям глаза на острые социальные проблемы окружающей жизни, оторвать их от общественной деятельности. В своих донесениях, адресованных школьной администрации, немецкие бароны называли молодых учителей, выпускников Куддигской (Прибалтийской) и Вальмиерской семинарий, "опасным элементом" в Латвийском крае, которые революционизируют как учащуюся молодежь, так и окружающее общество.²

Народного учителя унижали на собраниях волостных представителей, где избирали учителей и произвольно устанавливали им плату за труд: волостные представители стремились найти учителя не лучше, а подешевле.

Марксисты Латвии высоко ценили деятельность учителя в школе и обществе, разоблачали враждебные народу силы, лишавшие учителей возможности применять на практике свои профессиональные знания. Они указывали на то, что господствующие классы стремятся развить в учителях угодничество, рабскую покорность реакционерам и школьному начальству. Нередко в педагогической работе в волостных школах при-

влекались лица, совершенно не подготовленные и не пригодные для этой цели. лишь бы эта кандидатура устраивала местного священника. Первые марксисты Латвии подчеркивали, что правящие круги подчиняют себе учителей для осуществления своих корыстных интересов, не заботясь о материально-правовом положении и духовном росте учительства. В латышской социал-демократической печати отмечалось, что ни в одной стране мира так не экономили на образовании, как в царской России. Многие прекрасные замыслы остались невыполненными из-за того, что не хватало средств для оплаты труда учителя; учебные предметы в школах исключались из программ; условия работы народного учителя были весьма тяжелыми: ему приходилось обучать одновременно 60-70 и более воспитанников, проверять горы тетрадей, работая в тесных, полуразрушенных и темных помещениях, причем оплата его труда была намного ниже, чем у волостного писаря. И хотя сама эпоха выдвигает перед учителями все более высокие требования, заставляя их непрерывно пополнять свои знания и повышать педагогическую культуру, все же очень часто им не доставало необходимых средств, чтобы, занимаясь на педагогических курсах, обеспечить себе ежедневное пропитание. Оплата учителя была такова, что "на эти деньги нельзя было ни толком прожить, ни умереть с голоду". Учителям была недоступна и новейшая педагогическая и художественная литература. В статье "О выборах учителей на селе" молодой марксист П. Дауге показывает, как при неблагоприятных социально-экономических условиях жизнь учителя превращается в "борьбу за свое существование, за хлеб". Таким образом, учителя были лишены возможности заниматься своим почетным трудом, развивать свои способности и совершенствовать педагогическое мастерство. Выборы учителей, где все зависело от "капризов случая", от "торгов", где шла борьба "за жалкое пропитание", унижали учителя, принижали значение его благородного труда и высокое общественное назначение. Довольно часто обстоятельства приводили к тому, что народный учитель "утрачивал свои идеалы."³

П.Стучка, Я.Райнис, Я.Асарс, В.Дерманис и другие в своих статьях подчеркивают, что прежде всего для нормальной деятельности учителя необходимы благоприятные правовые и материальные

условия. Революционные социал-демократы подчеркивали, что только социальные преобразования приведут к благоприятным условиям материальной и духовной жизни народного учителя в школе и обществе. Лишь в таких условиях учитель не будет тратить все свое время только на то, чтобы заработать на хлеб. Революционные социал-демократы Латвии в своей деятельности обращают внимание на близость стремлений трудящихся и народных учителей, на то, что рабочие считают учителей своими ближайшими союзниками в борьбе за высокие идеалы социализма.⁴

Под влиянием идеи марксизма значение деятельности учителя в воспитании молодого поколения рассматривалось латышскими революционными социал-декратами в новом аспекте. В условиях острой классовой борьбы в кругах учителей Латвии также происходит глубокая дифференциация. Немало появляется среди них выдающихся, признающих старые порядки, а иногда и открытых реакционеров, особенно среди учителей средних учебных заведений. Однако главным в этот "период выбора" был демократизм народных учителей, их близость к пролетариату, причем объяснялось это тем, что большинство учителей вышли из трудового народа и хорошо понимали его страдания. Характерно, что такое мнение о народных учителях разделял и В.И. Ленин. В 1899 году в "Программе программы нашей партии" он писал: "...не надо забывать и деревенской интеллигенции, напр., народных учителей, которые находятся в таком приниженном, и материально и духовно, положении, которые так близко наблюдают и на себе лично чувствуют несправие и угнетение народа, что распространение среди них сочувствия социал-демократизму не подлежит (при дальнейшем росте движения) никакому сомнению."⁵

Обращение народных учителей Латвии к революционному движению определялось как объективными, так и субъективными факторами. Ощущая на каждом шагу своей деятельности двойной национальный гнет, свою подчиненность дворянству, самоуправству школьных инспекторов, священников и "серых баронов", народные учителя Латвии определенно склонялись на сторону эксплуатируемых. Большое влияние на многих будущих учителей оказал деятельность нелегальных марксистских кружков

в Кулдигской (Прибалтийской) и Валмиерской учительских семинариях. Оценивая поведение основной массы латышских народных учителей на рубеже веков, Я. Асарс пишет, что они "в своем самосознании совершенные пролетарии", и более передовые "вступают в рабочую партию как глубоко убежденные социал-демократы."⁶

В революционную работу активно включалась лучшая часть латышских народных учителей. В 1903 - 1904 гг. учителями - социал-демократами были созданы учительские кружки и организованы нелегальные учительские собрания, на которых обсуждались вопросы демократизации народного образования и улучшения условий труда и жизни народных учителей.

Требования революционной партии латышского пролетариата в области народного образования становились фактором, объединявшим прогрессивные силы общества и народное учительство в борьбе за преобразование школы в духе социал-демократической программы. В программу ЛСДРП, обсужденную в июне 1904 г. на I съезде и в окончательной редакции принятую в июне 1905 г. на II съезде, были включены следующие требования в области народного образования: право населения получать образование на родном языке, пользоваться им во всех местных общественных и государственных учреждениях; отделение церкви от государства и школы от церкви; передача школ в ведение революционных органов самоуправления; бесплатное и обязательное образование для всех детей до 16 лет; снабжение всех детей учебными пособиями, одеждой и питанием за счет государства; предоставление одаренным детям возможности получать среднее и высшее образование. В программе было выдвинуто требование запретить предпринимателям использовать труд детей школьного возраста, а для подростков (16-18 лет) установить шестичасовой рабочий день. В программе партии указывается, что эти глубокие политические и социальные преобразования латышский пролетариат сможет осуществить только в совместной борьбе с пролетариатом других народов России.⁷

Программа революционной социал-демократии Латвии указывала народным учителям единственно правильный путь к преобразованию народных школ и воспитанию нового человека. Под

идеологическим и организационным руководством рабочей партии, по замечанию П.Стучки, народные учителя Латвии все более уверенно вставали под знамя революционной социал-демократии, подтверждая свою солидарность с идеалами пролетариата.⁸ "Циня" призывает учителей: "Вперед! К труду! За будущее пролетариата."⁹

Опираясь на тактику, выработанную В.И.Лениным, латышские социал-демократы видели в широких кругах народных учителей верных союзников в борьбе за победу революции и установление диктатуры пролетариата. Разрабатывая программу профессиональных и политических требований учителей, латвийские марксисты становятся общепризнанными борцами за новую школу и защитниками интересов народных учителей. Выдвинутые социал-демократами требования и принципы деятельности демократической школы соответствовали прогрессивным устремлениям большинства народных учителей. В своих изданиях латышские марксисты показывали, как народные учителя, становясь на сторону рабочего класса, могут обновить народную школу и улучшить свое положение. Развитие физических и духовных сил народных масс могут обеспечить не буржуазные школьные реформы, а победа рабочего класса в борьбе против капитализма. Поэтому напрасны надежды на то, что несколькими "мелкими реформочками" можно дать народу образование и улучшить материально-правовое положение народных учителей.¹⁰

Общественную активность народных учителей направляли также видные руководители Социал-демократии Латвии, как Я.Асарс, Я.Райнис, В.Дерманис, Д.Гавенис, Ю.Кажмер, Я.Лутер, Я.Озол, В.Зеленко и др. С февраля по август 1905 года в Риге под руководством ЛСДРП проводятся 4 нелегальные учительские конференции, способствующие разворачиванию агитации среди широких кругов народных учителей и сближению их с революционным пролетариатом. На этих конференциях решается вопрос о созыве съезда учителей Латвии, обсуждается новая школьная программа, определяются задачи и содержание образования новой народной школы и характер деятельности народного учителя.¹¹ Учителей и родителей призывали включиться в революционное дело, которое поможет "поставить ... народную школу на новые основы."¹²

Крупным событием в педагогической жизни революционной Латвии явился первый съезд учителей Латвии, созванный в 1905 году. На съезде были 1000 делегатов - представители учителей различных взглядов и убеждений. Однако революционные социал-демократы, применяя ленинскую тактику, склоняли сознательных народных учителей к революционной борьбе и вели их за собой в деле обновления народной школы. На съезде, созванном и непосредственно руководимым социал-демократией Латвии, большинством голосов была принята резолюция, в которой утверждалось, что новая народная школа должна служить подлинным интересам трудящихся, воспитывать и готовить сознательных и общественно активных людей - борцов за идеалы рабочего класса. Съезд решил передать народную школу в ведение избранных на демократических началах органов самоуправления, создать обязательную и бесплатную шестилетнюю народную школу для всех детей в возрасте от 8 до 14 лет, обеспечить детей одеждой, пищей и учебными пособиями; вести обучение на родном языке, предусмотреть русский язык как отдельный учебный предмет; переработать и значительно расширить содержание программ, последовательно осуществлять принцип единой школы. Съезд обратил особое внимание на отделение церкви от государства и школы от церкви и постановил исключить из учебных планов закон божий, призвал к развертыванию научно-атеистической работы в школе, среди родителей и широкой общественности. Съезд предложил организовать для учителей курсы повышения научно-теоретической и педагогической квалификации. Для подготовки учителей рекомендовалось открыть при университетах педагогические отделения. Вопросы демократизации народного образования съезд неразрывно связывал с демократизацией государственного строя в России. ¹³

Весьма важной является принятая на съезде резолюция, в которой выражена истинная позиция большинства народных учителей Латвии в период революции 1905-1907 гг. В этой резолюции говорилось: "Признавая огромное значение рабочего класса для блага идеалов всего человечества, съезд выражает солидарность со стремлениями и идеалами социал-демократической рабочей партии и берет на себя обязательство всеми силами содействовать ее борьбе."¹⁴

Следует отметить, что весной и осенью 1905 г. бюро социал-демократических учителей Латвии налаживает связь со Всероссийским союзом учителей и объединяет для общей революционной работы учителей различных национальностей.¹⁵

В дни съезда латышские народные учителя установили дружеские контакты с учителями Петербурга, Таллина, Москвы и Киева. В своей приветственной речи делегат из Таллина подчеркивала, что "большая и лучшая часть эстонских учителей примет резолюции этого съезда", представительница Петербургского социал-демократического союза учителей А. Гуревич призывала народных учителей сплотиться вокруг революционной партии пролетариата.¹⁶

В условиях революции многие учителя Латвии начинают практически осуществлять новую школьную программу, переходят к обучению на родном языке, прилагают усилия к исключению закона божьего из школьных программ и их совершенствованию.

Многое делается для приближения содержания программ к новейшим достижениям науки и техники, для подчинения методов обучения целям развития самостоятельности и активности личности. Этими творческими начинаниями революционно настроенного учительства идейно руководит бюро Союза учителей социал-демократии Латвии.¹⁷ Волостные распорядительные комитеты на местах заботятся о внедрении новых школьных программ: поддерживают творческую инициативу народных учителей и защищают их в случае репрессий.

подавляя революцию, карательные экспедиции жестоко расправлялись с активными борцами революции - народными учителями. От репрессий пострадало 700 народных учителей Латвии, т.е. одна треть учителей начальной школы.¹⁸

В условиях нового революционного подъема широкий отклик в Латвии получает борьба В.И. Ленина и руководимой им большевистской партии за школу и народное учительство. Огромное значение имеет участие В.И. Ленина в работе IV съезда СДК (1914г) оказавшее большую помощь в борьбе с оппортунизмом. Там же принимается резолюция "О преследовании народных школ в Прибалтике". Этот документ партии призывает пролетариат и народных учителей края активно бороться против черносотенной политики царизма, защищать права трудового народа на образова-

ние, бороться за подлинно демократическую школу.¹⁹

Среди русских рабочих и школьной молодежи в Риге большую идейно-воспитательную работу ведет Русский культурный центр (1908-1916). Успешную деятельность среди трудящихся масс и учителей осуществляет Литовский культурный центр в Риге (1909-1915). Он издает газету "Вильнис", организует и направляет работу общества "Гиедра", ведет пропаганду идеи марксизма. Как русская, так и литовская секция в составе Рижской организации СДК активно участвовали в борьбе за победу большевизма, за осуществление идей В.И.Ленина в области народного образования.²⁰

В противовес террору, реакции, насмешкам прислушников буржуазии над "красными" учителями, латвийские народные учителя несли эстафету Парижской Коммуны и 1905 года, творчески развивая революционные педагогические традиции. Под их руководством устраивались детские праздники, организовывались библиотеки и проводились экскурсии, молодежь привлекалась к самообразованию и политической борьбе пролетариата. В этом отношении значительную работу проводил Союз социал-демократических учителей Латвии, активно работало его бюро. Развернули широкую деятельность Латвийское общество учителей, Общество школьных музеев и Прибалтийское педагогическое общество, в рамках которых революционные социал-демократы находили возможности легальной работы среди народных учителей и школьной молодежи. В народных массах Латвии с большим увлечением говорили о "социалистических учителях". Эти учителя, как указывает А. Упит, глубоко интересовались не только школьно-педагогическими, но и политическими вопросами и классовой борьбой, работали в сельских просветительных, библиотечных и других обществах, стараясь хоть немного поднять погрязшую в мещанстве среду.²¹

П. Стучка в статье "Интеллигенция и средние классы" делает упор на близость народных учителей к массам трудящихся, на своеобразие перехода учительства на позиции активной поддержки политики коммунистов. Он пишет: "Одна часть интеллигенции, как например, народные учителя..., на которых выше стоящие всегда смотрели с чувством превосходства и которых они не очень-то хотели признавать интеллигенцией, были самой жизнью вплотную подведены к левым, даже загнаны к пролетариям."²² Это обстоятельство также указывает на поворот "пролетариев педаго-

гического труда" от буржуазных националистов и переход их на сторону революционной социал-демократии. Однако для движения народных учителей не всегда была характерна ясность позиции. Им недоставало политической закалки, нередко представители интеллигенции выбирали "золотую середину". Идущих этим путем Райнис ярко охарактеризовал так: иди путем "золотой середины" между левыми и правыми. В конце концов бит будешь обоими.²³

П.Стучка указывает, что эти "средние классы" станут прогрессивными лишь тогда, когда власть будет в руках левых, но — реакционными, когда перевес будет на стороне правых. П.Стучка видит совпадение основных интересов народных учителей со стремлениями широких масс трудящихся. Он обращает внимание социал-демократов на классовый характер демократического движения учителей и их мелкобуржуазные колебания, которые нередко приводят их представителей в лагерь "ложных демократов". Марксисты Латвии помогают народным учителям преодолевать разрозненность, мелкобуржуазную ограниченность и подняться до классового самосознания пролетарской демократии.

В выступлениях марксистов Латвии большое внимание уделяется раскрытию социальной и профессиональной функции учителя в школе будущего. Уже по традиции народный учитель не только учит и воспитывает детей, организуя их познавательную деятельность, но и принимает активнейшее участие в общественной жизни. В одной из своих первых статей П.Стучка очень метко называл учителей "народными рабочими". Райнис подчеркивал, что народные учителя призваны заботиться о всеобщем просвещении детей и трудового народа, должны организовывать хоровые коллективы, лекции и вечера вопросов и ответов. Народный учитель только тогда вправе называться "народным", если он принимает близко к сердцу радость и горе народа. Народный учитель призван служить трудовому народу, "нести просвещение людям труда". Своей разносторонней педагогической и общественной деятельностью он должен содействовать духовному и социальному прогрессу народных масс. Основываясь на материалистическом понимании истории, Райнис указывает на активную роль народного учителя в духовной жизни общества в процессе завоевания социального прогресса.²⁴

Под влиянием марксизма народные учителя Латвии избавляются от "крестьянского консерватизма", "духа прислужничества" и начинают осознавать высокое общественное значение своей деятельности. В начале XX века укрепляется убеждение в том, что общественно-педагогическая деятельность учителя характеризуется творческим отношением к ценностям культуры и науки, тесно связана с жизнью народа, должна обеспечить всестороннее физическое и духовное развитие воспитанников. В то же время в учителе видят первого воспитателя народа, пробуждающего народное самосознание, зовущего на борьбу.

Большая заслуга в формировании нового типа учителя - всесторонне образованного и хорошо подготовленного специалиста, умелого воспитателя и активного общественного деятеля - принадлежала революционным социал-демократам. В начале века многогранную общественно-педагогическую работу развернули учителя В.Барбан в Руиене, В.Дерманис в Рибате, П.Докс в Цесвайнэ, Я.Фернест в окрестностях г.Вентспилса, Я.Кахмер в Сайкаве, Я.Лиепиньш в Мадлиене, Я.Пасит в Лубане, А.Салумс в Вецпиебалге, Т.Целмс в Бене, Я.Эингберг в Аизпите, К.Карповица в Риге и многие другие.

В самых широких массах трудящихся крепло убеждение, что главными двигателями и руководителями общественной жизни являются народные учителя. Лучшая часть народных учителей вливается в ряды пролетарской интеллигенции, помогает "вырубать новые просеки культуры для народных масс...".²⁵ Учителя работали на курсах, поддерживавшихся рабочими обществами, руководили кружками самообразования. Лучшая часть народных учителей входила в общества, работавшие под руководством СДК. Например, в обществе "Лаборемус" учителя руководили курсами рабочей молодежи, читали лекции, устраивали дискуссии по научным и общественно-политическим вопросам. Социал-демократические учителя сосредотачивали вокруг себя часть прогрессивной молодежи, читали лекции, распространяли идеи марксизма. Многие из тех, кто боролся за победу Октябрьской революции, латышские красные стрелки, защитники завоеваний пролетариата, многим были обязаны учителям, членам революционной социал-демократии Латышского края.²⁶

Под идейным влиянием марксизма прогрессивные силы общества уделяют большое внимание личности народного воспитателя, его подготовке и развитию. Учитель не мог выполнять свои обязанности, работая лишь в качестве "оплачиваемого наемника", в качестве угодливого слуги, которому дорог покой правящих классов и "приобретенное доверие правительства". Совершенно определенно звучит в это время категорический вывод: "Учитель - раб может воспитать только раба!"²⁷

Ответственные задачи в воспитании человека будущего побуждают прогрессивные общественные силы требовать всесторонней подготовки учителей в духе передовых идеалов и стремлений трудящихся. "Имеет ли право человек без научного мировоззрения быть учителем?"²⁸ Учитель может стать силой, осуществляющей народные чаяния, если стремления трудового народа становятся и его убеждениями. Райнис указывает, что личность может стать силой, способствующей социальному прогрессу только тогда, если ее деятельность созвучна эпохе и отвечает потребностям общества. Действуя в соответствии с объективными законами общественного развития, познавая эти законы и опираясь на них в своей деятельности, человек может в большой степени влиять на социальный прогресс, приближая завтрашний день.²⁹

Марксисты доказывали, насколько наивными были надежды буржуазных либералов (А.Кенинг, Я.Кришкан и др.), стремившихся при помощи реформ проторить дорогу учителю, чтобы дать молодому поколению "настоящее мировоззрение" и "полноценное образование", чтобы устранить социальное "неравенство, преодолеть религиозные верования и суеверие". П.Стучка подчеркивает, что отсутствие политической свободы является главным препятствием для сознательной деятельности личности и пробуждения ее самосознания.³⁰ Поэтому революционные социал-демократы призывают учителей стать "учениками исторического материализма", выработать свой классовый подход к проблемам общественной жизни. Характерно, что вскоре после съезда народных учителей Я.Асарс, В.Дерманис, Я.Райнис и др. обязались прочитать учителям цикл лекций по вопросам политики, партий-

ной программы, тактики борьбы и истории рабочего движения.³¹ Политическое просвещение народных учителей признано необходимой, основной предпосылкой для формирования научного мировоззрения народных воспитателей. К личности учителя полностью приложимо указание П. Стучки на то, что "сознание... должно основываться на глубоких и всесторонних знаниях и политическом просвещении."³²

В период революции 1905 года марксисты призывали учителей неустанно учиться, совершенствовать свои политические и педагогические знания: "Если учителя не подготовлены, то они должны подготовиться, как и каждому человеку теперь придется многому учиться и во многом переучиваться, чтобы устоять в будущем и выполнить то, что последующие дни потребуют от нас. Более же всего это относится к учителям: всю жизнь полагалось бы учиться, чтобы они могли с достоинством нести звание учителя, быть солью своей земли и светочем мира."³³

Авторы новой школьной программы, созданной в дни революции 1905 года, подчеркивали, что народные учителя, сознавая свою ответственность в борьбе за становление и построение общества будущего, совершенствуют свое педагогическое мастерство. В этот ответственный исторический период народные учителя сами будут гореть, и пламя науки передадут новому поколению: "И учителя будут учиться, в особенности молодое поколение учителей! Они, кто годами ждал того момента, когда можно будет свободно вздохнуть и работать так, как этого требует совесть! Ну, этот миг настал: теперь от них и от самого народа зависит, как устроить школу, как наилучшим образом руководить ею. Те чувства, которые горели в их сердцах, их восторг пусть дадут им силы; те слова, которые так долго пламенили на устах, пусть льются и падают, как семена в плодородную землю."³⁴

Особо подчеркивалось живительное влияние учителя на всестороннее развитие учеников, на пробуждение в них любознательности, интереса, "настоящей жажды знаний". Для

нравственного развития детей трудящихся большое значение имеет жизненный опыт, их стремление к социалистическому идеалу и тяга к самообразованию. Требованиям эпохи соответствует такой стиль работы в школе будущего, который бы постепенно готовил учащихся к самообразованию, то есть к самостоятельному пополнению научных и политических знаний, прививал бы им желание "основательно познать жизнь своей эпохи", обеспечивая полное преодоление пережитков прошлого в сознании и поведении.

На развитие ребенка в школьные годы глубоко влияет личность учителя, его авторитет, умение собственным примером увлекать детей, развивать их способности, формировать у них научное мировоззрение, умение жертвовать собой и работать для всеобщего блага трудового народа. Одной из наиболее значительных проблем в педагогической работе является отношение учителя к детям. Резко критикуется авторитаризм в отношениях учителя со своими воспитанниками, основанный на слепом повиновении и дрессировке, портящий характер детей, уничтожающий в них веру во все действительно человеческое, доброе и прекрасное, нарушающий контакт между воспитателем и ребенком. Исследуя вопрос о том, как должны развиваться отношения между учителем и детьми, Райнис в "Рефлексиях" отрицает официальный стиль во взаимоотношениях людей. Учитель должен уметь тактично, осторожно влиять на воспитанников. Райнис отрицает высокомерный и назидательный тон, которым учитель выражает свое превосходство. В отношении к ученикам следует держаться как человеку, "который сам стремится к истине, не оскорбляет ребенка своим превосходством и не проявляет ошибочную нетребовательность."³⁵ Именно на этом и основано чувство меры в воспитании, так необходимое каждому учителю и воспитателю при организации работы воспитанников. Таким образом, Райнис утверждает необходимость духовного единения учителя и учащегося в совместном процессе познания и практической деятельности. Он полагает также, что в социалистическом обществе взаимоотношения людей развиваются на основах доверия, дружбы и открытости, что должно найти отражение и в воспитании человека будущего, поскольку никаким иным образом нельзя сформиро-

вать материалистическое мировоззрение и пробудить в учениках внутреннюю потребность к самовоспитанию.

Учитель не должен смотреть на своего ученика лишь как на объект педагогического воздействия, так как это явилось бы проявлением механистического понимания педагогического процесса. Диалектический подход требует, чтобы учитель в процессе воспитания и обучения относился к ученику как субъекту, т.е. создавал необходимые предпосылки для "самодвижения" учащихся. Поэтому учитель должен так направлять учебный процесс, чтобы постепенно закрепить устойчивые приемы и навыки умственной деятельности учащихся, которые обеспечили бы самостоятельное усвоение знаний без прямого содействия учителя. Поэтому особенно важно, чтобы ученики умели самостоятельно учиться, наблюдать, обобщать и анализировать факты, а также развивали необходимые для самостоятельной жизни черты личности и качества характера. В жизни каждый человек должен самостоятельно принимать решения, иметь обо всем свое суждение, уметь поддерживать истинное и отвергать ложное. И хотя в печати рассматриваемого периода мы еще не находим развернутых указаний на необходимость организации самостоятельной познавательной деятельности учеников и на роль педагогического руководства ей, так как в школах того времени самостоятельная работа учащихся не могла найти своего развития, тем не менее высказывания тех лет о необходимости подчинить обучение формированию самостоятельности и умственной активности не потеряли своего значения. По мнению марксистов Латвии, самообразование не является лишь узко дидактической проблемой. Стремление к самообразованию коренится в глубочайшей сущности самой личности, синтезирующей все, достигнутое в духовном, трудовом, моральном, эмоциональном и эстетическом развитии.

Под идейным влиянием марксизма среди народных учителей активно растет педагогическая самодеятельность: совершенствуются методы обучения и воспитания, идет преобразование учебного процесса в школе. Начиная с 1905 года, подготавливаются новые учебники, выдвигаются новые идейно-теоретические и педагогические принципы для их разработки. Революционные социал-демократы подчеркивают, что обучение должно формировать материалистическое мировоззрение и высо-

ную нравственность, отвечающие прогрессивным идеалам народа, поскольку необходимо подготовить поколение, способное защитить интересы рабочего класса. Поэтому не могут быть признаки удовлетворительными учебники, в которых доминирует принцип зубрежки, дух "христианского дидактизма и рабского повиновения". Так, например, обучение истории в старой школе было подчинено задаче воспитания покорности и благоговения перед отдельными личностями, как бы единственными "творцами истории", в то время как история самого народа всячески замалчивалась. Поэтому для обучения истории рекомендуется использовать книгу марксиста Ф.Розиня "Латышский крестьянин", в которой дается материалистическое объяснение истории. Подчеркивалось также, что учебники должны отражать современные положения науки и содержать необходимый познавательный материал, что необходимо увязывать теорию с практикой, что учащиеся должны воспитываться в духе идей научного социализма и побуждаться к дальнейшему самообразованию. Учебники должны быть написаны доступным языком, соответствующим детскому возрасту.

Под влиянием прогрессивной педагогической мысли подготовлена была книга для чтения "Авогс" (I-2., 1908), а также вышла книга К.Декена "Руководство по географии" (I-3, 1906-1908). Высокую оценку получили "Латышская грамматика" Я.Эндзелина и К.Мюденбаха, а также "Учебник латышского языка" (1907), "История латышской литературы в свете исторического развития народа" В.Плудониса (I-2, 1908-1909), составленная И.Ритыньшем "Азбука", изданная в Москве уже после Октябрьской революции, в 1918 году.

Резкую критику вызвали учебники Ф.Адамовича,

П.Дрейманиса, в основе которых были устаревшие принципы. Л.Паэгле в своём докладе на втором съезде латышских учителей в июне 1917 года подчеркнул, что составленные по устаревшим и негодным принципам учебники культивируют зубрежку и репродуцирование "сухих фактов, слов, цифр". Для обновленной народной школы следует создавать такие учебники, которые смогут вызвать у учащихся радость познания, развивать умственную самостоятельность, стимулировать их творческую ак-

тивность. Невозможно разрешить задачу развития познавательных способностей личности при помощи зубрежки и шаблонных сочинений по устаревшим рекомендациям.³⁶

Следует отметить, что многие прогрессивные учителя и работники культуры развивали педагогические и методические идеи, привлекая внимание общественности к необходимости изменения методов и приемов обучения с тем, чтобы побудить молодежь к самообразованию. Книга "История культуры" учителя и издателя А.Есена и им же изданная серия книг "Тропы молодости" популяризировали достижения науки, вели борьбу с религиозными догмами. Учитель И.Раценис популяризировал идеи дарвинизма, много нового в методику обучения естествознания привнесла Э. Ритыня. Ценные предложения по изготовлению наглядных пособий и использованию принципа наглядности в обучении внес Я.Гресте, в обучение химии - А.Пакалнietис, в краеведение - З. Ланцманис, в организацию детских праздников - В.Янсон.

Интерес к русскому языку особо проявился в период совместной революционной борьбы латышского и русского пролетариата и возникшей в этой борьбе дружбы обоих народов. Революционные социал-демократы убедительно доказали, что овладение русским языком открывает дорогу к ценностям русской и мировой культуры, содействует воспитанию в духе пролетарского интернационализма.³⁷ В обучение русскому языку в латышских школах большой вклад внесли А.Стерсе, К.Декен, Л.Паэгле.

В социал-демократической печати подчеркивалось, что народному учителю в обществе будущего доверена "самая высокая сфера деятельности". Идеалом нового общества является всестороннее развитие личности каждого человека в интересах всего общества. Социалистические преобразования в конечном счете определяют воспитательный и образовательный характер новой школы и функции учителя нового типа. Учитель будущего - воспитатель и общественный деятель, духовный наставник и творческий работник.

Для господствующих классов эксплуататорского общества народный учитель - не уважаемый воспитатель и "народный деятель", а всего лишь "педагог-пролетарий". Правящие классы

лишают его возможности получить необходимое общее и профессиональное образование и подготовку, поэтому народный учитель причисляется к ряду "полуобразованных" работников. ³⁸

Марксисты Латвии подчеркивали, что вся система подготовки учителей в существовавших тогда учительских семинариях направлена на подавление в воспитанниках малейшего проявления духовной самостоятельности и общественной активности. Воспитанникам учительских семинарий давались знания лишь в таком объеме, чтобы их хватало для выучки "слепых прислужников" и "исполнителей" воли дворян, духовенства и капиталистов.

Формирование учителя будущего невозможно без решительного изменения всей системы подготовки учителей, без всестороннего развития личности педагога. Учитель новой школы призван воспитывать свободную, творческую личность, подготовленную к интенсивной познавательной, трудовой и общественной деятельности. Учительская семинария, по мысли латышских марксистов, должна стать лабораторией творческого педагогического труда и призвана готовить воспитателей нового типа, способных организовывать разностороннюю деятельность учащихся и на этой основе добиваться всестороннего развития личности. Народный учитель, подобно врачу и архитектору, должен иметь высшее образование.

Выдвигались требования включить в общую систему высшего образования подготовку учителей для обновленной народной школы. Учителям необходимо быть на уровне последних научных достижений, знакомиться с актуальными проблемами педагогики, психологии, методики преподавания, произведениями художественной литературы и искусства, овладевать основами научного социализма. Гражданский долг народного учителя - распространять среди народа научные знания и идеи социализма.

Для того, чтобы учитель мог решать сложные задачи воспитания и развития личности детей, он сам должен непрестанно расти, совершенствоваться. Лейтмотив "развивай себя" должен стать определяющим в жизни человека; без выполнения этого требования нет "прогресса, развития, самоусовершенствования". И это прежде всего относится к народному учителю, который никогда не должен останавливаться в своем развитии. Сам труд

учителя-воспитателя побуждает его к самосовершенствованию. Райнис подчеркивает: "Высшим удовлетворением является то, что все твои способности используются, и не только для того, чтобы совершенствовать себя, но и других, помогая им, совершенствуя их. Ибо к чему приведет самое высшее развитие собственной личности, если эта личность не может применить свои духовные силы к другим, не может добиться, чтобы они осознали свой труд и радовались этому. Самый великий, вечный труд - работать для других - является в то же время и самым большим личным удовлетворением - счастьем."³⁹

Райнис особо выделяет, что потребность воспитывать самого себя характерна для людей, которые понимают потребность эпохи, кто своим трудом и борьбой движет вперед социальный прогресс. Кажется, что именно народным учителям посвящены крылатые слова Райниса:

Упорствуйте против пытки.

Войте с покорностью.

Не поддавайтесь попыткам удушения.

Мысль и песней восставайте против ужасов крови.

Берите судьбу свою в собственные руки.⁴⁰

Марксисты Латвии призывали народных учителей ни на минуту не терять высоких идеалов, выдвинутых эпохой. Народный учитель не смеет допустить того, чтобы молодое поколение покорялось обстоятельствам, поддерживая закоснелые, отжившие свое время традиции и обычаи. Задачу воспитания нового поколения народный учитель может успешно решить только в том случае, если он постоянно находится среди трудового народа, тесно связан с его жизнью и его стремлениями.

Политическое пробуждение пролетариата и широких народных масс было одновременно и пробуждением народных учителей. Марксисты Латвии взяли курс на дифференцированное отношение к учительству, вовлечение передовых учителей в революционную деятельность. Они помогали народным учителям преодолевать разрозненность, мелкобуржуазную ограниченность, поднимаясь до осознания пролетарской идеологии марксизма. В годы революции 1905-1907 гг. большинство народных учителей Латвии встали

на сторону революционной социал-демократии, продемонстрировав свою верность идеалам борьбы пролетариата, а многие из них активно включаются в революционную деятельность. В последующие годы передовые учителя, благодаря могучему влиянию "марксистской школы", переходили на сторону социализма, настойчиво защищая лозунг: "Свободная Латвия в свободной России". По словам А. Упита, "учителя-социалисты" уже в дооктябрьский период вели обширную культурно-просветительную деятельность, прокладывая путь к новой, демократической культуре и воспитанию человека социалистического общества.

В период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции марксисты Латвии указывали на огромное значение деятельности народных учителей в общественной жизни и воспитании человека будущего.

Латышские большевики, вооруженные решениями XIII конференции СДЛК (апрель 1917 г.) и V съезда СДЛК (июль 1917 г.), видели единственную возможность демократизации народного образования в свержении Временного правительства и победе социалистической революции. При подготовке ко II съезду учителей Латвии революционные деятели СДЛК сосредоточили свое внимание на задачах школы и народных учителей по воспитанию такого человека, который был бы в состоянии ориентироваться в совершающихся событиях и выработать свое мировоззрение. "Циня" писала в те дни: "Дело по реорганизации школьной работы должна в свои руки взять широкая общественность, так как совершенно недопустимо, чтобы в школах господствовал старый бюрократический порядок. В создании новой школы учителя могут опираться на начатую разработку учебных программ, на перестройку обучения, на традиции домашнего обучения, на опыт организации лекции и курсов.⁴¹ Газета "Циня" особо подчёркивала значение деятельности учителей: "Чтобы учитель имел возможность отдаваться исключительно идейному воспитанию и общественной деятельности, его надо материально обеспечить так, чтобы ему не приходилось заботиться о хлебе насущном... Необходимо организовать переизборы учителей, демократизировать школьное управление, ввести преподавание на родном языке, создавать школьные советы с участием общественных представителей и

родителей."⁴² "Циня" разоблачает стремление реакционно-буржуазных кругов оставить школу под контролем церкви, так как священник и учитель могут якобы хорошо сотрудничать "на ниве народного воспитания". Выражая точку зрения большинства, "Циня" писала: "Учителя не могут сотрудничать со священниками... Общественность, предъявляя требования отделения школы от церкви, хочет достигнуть такого положения, чтобы священники не могли вмешиваться ни в школьный порядок, ни в управление школой, ни в ее программы, ни во внутреннюю жизнь, и чтобы церковь не имела права содержать свои школы". "Циня" призвала учителей и общественность защищать принцип светской школы, так как реакционеры во главе с пастором А. Ниедром хотели заманить народную школу и учительство "в объятия церкви."⁴³

Находясь под идейным влиянием большевиков, большинство латвийских учителей свято хранили революционные традиции 1905 года, вдохновлявшие их на борьбу за полную демократизацию народного образования. В дни, предшествующие II съезду учителей Латвии, газета "Бриваис Стрелниекс" писала: "В то время, когда силы реакции считают, что даже зачатки свободной мысли уничтожены в нашей школе и в рядах ее деятелей, когда перед глазами стоят тени недавних жертв, в демократической части учителей растет и зреет свободная мысль."⁴⁴

УП (Апрельская) Всероссийская конференция большевиков признала, что в период подготовки социалистической революции возникла необходимость пересмотра пунктов программы партии, "относящихся к народному образованию". В июне 1917 года публикуются "Материалы по пересмотру партийной программы".

В период подготовки социалистической революции в ряде своих статей П. Стучка нацеливал латышских большевиков и учительство на осуществление ленинского плана создания действительно демократической и светской школы, на реализацию всеобщего и политехнического образования, обеспечения права обучения на родном языке.⁴⁵

Начинается новый этап борьбы за социалистическую школу и учительство. Среди учителей усиливалась политическая дифференциация. В сложной политической обстановке в марте и апреле 1917 года в Москве, Петрограде, Риге, Валмиере, Резекне

и других местах созывались учительские конференции и собрания. Участники этих конференций поддерживали революционные преобразования в деле народного просвещения.⁴⁶

Деятельность Московского бюро культуры активизируется, оно становится центром латышской социал-демократии в Москве. Актив передовых учителей под руководством Л. Паэгле дополнил и отчасти переработал проект учебных программ латышских народных школ.

На II съезде латышских учителей, который проходил в Тарту с 8 по 13 июня 1917 года, развернулась острая идейная борьба по многим вопросам, особенно по вопросу преподавания закона божьего в школе. II съезд по своему составу не был однороден, как первый, поэтому по многим вопросам повестки дня отсутствовало единогласие. В соответствии с требованиями жизни и новыми задачами воспитания съезд потребовал произвести перестройку содержания образования, реорганизацию учебного процесса и методов обучения: необходимо улучшить положение учителей и подготовку педагогов. Съезд постановляет, что в Латвии должен быть создан университет.⁴⁷

Газета "Циня" весьма положительно оценила деятельность II съезда латышских учителей по сплочению передовых сил в борьбе за всеобщее, обязательное, бесплатное образование и светскую школу. Газета констатировала, что за 12 лет, прошедших с 1905 года, латвийские учителя в своей борьбе за демократизацию школ не отступили ни шагу назад. На съезде в борьбе "двух мировоззрений - научного и религиозного - побеждает наука."⁴⁸

Марксисты Латвии глубоко прочувствовали социальную роль и функции народного учителя в духовной жизни общества. Одновременно они видели неоднородность, своеобразие и трудности перехода некоторой части учительства на позиции активной поддержки политики коммунистов, поэтому они дифференцированно подходили к учительству, обращали особое внимание на усиление в нем демократических и социалистических влияний.

Первые марксисты Латвии подчеркивали, что в эксплуататорском обществе не признается подлинное значение педагогической и общественной деятельности учителя. Учитель, слу-

живший власти баронов и капиталистов, признавший и отстаивавший идеалы "старого мира", не в состоянии воспитывать поколения новых людей эпохи пролетарских революций. Только в условиях новой, социалистической школы, при наличии высокообразованного корпуса учительства возможно осуществление процесса всестороннего и гармонического развития каждого ребенка. Особое внимание в этой связи уделяется подготовке учителей, их привлечению к систематическому самообразованию. Подлинно народного учителя характеризует тесная связь с трудовым народом, творческое отношение к культурным и научным ценностям, умение организовать разностороннюю деятельность детей, быть активным общественным деятелем. Школа будущего предъявляет самые высокие требования к личности народного учителя. Воспитание в школе будущего призвано не только не сковывать, не омертвлять, но всемерно развивать гармоническую личность и давать ей полный простор "благородного, некротимого огня молодости."⁴⁹

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. т.16, с.198.
2. Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Латвии (ПА ИИП при ЦК КПЛ), ф.35, оп.1, д.8, л.62.
3. Dienas lapa, 1892, 18. febr. (3.martā).
4. Sociāldemokrāts, 1902, Nr. 2, 8.lpp.
5. Ленин В.И. Проект программы нашей партии.-Полн.собр. соч., т.4, с.238.
6. Avars J. Koroti raksti.4.sēj., R., 1912, 475.lpp.
7. Latvijas Komunistiskās partija kongresu, konferenču un SK plēnuma rezolūcijas un lēmumi. 1.d., R., 1958, 13.lpp.
8. Stučka P. 1905.gads Latvijā.-M., 1926, 17.lpp.
9. Сіпа, 1906, 21.nov.
10. Nākotne, 1906, Nr. 1, 37.lpp.
11. ПА ИИП при ЦК, ф. 35, оп.25, д.757 и 758;
Avars J., Mūsu tautskola. R., 1905.
12. Dienas lapa, 1905, 27.okt. (9.nov.).
13. Сіпа, 1905, 21.nov.; Dienas lapa, 10.(23), 11.(24),

12. (25.) 14. (27.), 15 (28.), 16. (29.) nov.
14. Dienas Lapa, 14. (27.) nov.
15. Sociāldemokrāts, 1905, Nr. 34, 32.-33.lpp.
16. Dienas Lapa, 1905, 17. (30.) nov.
17. Па ИИП при ЦК КПЛ, ф. 35, оп.27, д. 37; Борьба, I и III янв. 1907 г.
18. Birkerts P. 1905.gada revolūcijā cietušie Latvijas skolotāji. R., 1927.
19. LKP 25 gadī. M., 1929, 327.lpp.
20. Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi. 1.d., 68.lpp.; Iš Lietuvos pedagogines minties istorijos. Vilnius, 1969, p. 13-14.
21. Jaunā Dienas Lapa, 1913, 23.dec. (5.janv.), 24.dec. (6.janv.)
22. Vārpas, 1909, 8. (21.) jūl.
23. Rainis. Klusā grāmata. Pb., 1909, 62.lpp.
24. Literārais mantojums. -R., 1957, 1.sēj., 164.lpp.
25. Vārpas, 1909, 20.jūn. (3.jūl.).
26. Dzīves balss, 1913, 8.jūn.
27. Domas, 1913, Nr.7, 862.lpp.
28. Там же, 1912, № 9, с.1001-1003.

---

29. Literārais mantojums, 1.sēj., 164., 172.lpp.
30. Nākotne, 1906, Nr. 1, 69.-70.lpp; Dauge P., P.Stučkas dzīve un darbs.-R., 1958, 327.lpp.
31. Pēterburgas Latvietis, 1905, 6.dec.
32. Darbs, 1914, Nr. 1, 10.lpp.
33. Avars J. Mūsu tautskola. R., 1905. 16.lpp.
34. Там же.
35. Музея литературы и искусства им. Я.Райниса (МИЛИ им.Райниса), 59035.
36. Paegle L. Kropoti raksti.-R., 1958, 5.sēj., 7.-20.lpp.
37. Путь Правды, 1914, 30 марта.
38. Avars J. Kropoti raksti, 4.sēj., 448.lpp.
39. МИЛИ им.Райниса, 59035.
40. Literārais mantojums. 1.sēj., 252.lpp.
41. Cīņa, 1917, 14. (27.) maijā.

42. Cīņa, 1917, 14. (27.) maijā.
43. Cīņa, 1917, 30.maijā (12.jūnijā), 7.(20) jūn.
44. Brīvais Strēlnieks, 1917. 30.jūn.
45. Cīņa, 1917, 20., 29.jūl.
46. Sociāldemokrāts, 1917, 15. (28.) apr.; Ziņotājs, 1917, 1., 4., 6., 7., 8.apr.; 1917.gads Latvijā.-R., 1957, 62. lpp.
47. Latviešu skolotāju delegātu kongress. Terbatā, 1917.
48. Cīņa, 1917, 20.jūn.,(5.jūl.), 23.jūn.(6.jūl.).
49. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведения.-М.,1956, с. 385.

О НЕКОТОРЫХ УСЛОВНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЬСКИХ КАДРОВ В ЭСТОНСКОЙ ССР

Р.Виркус

Переход к обязательному среднему образованию и реализация решений XXVI съезда КПСС требуют совершенствования учебно-воспитательной работы в общеобразовательной школе. Определяющим фактором в этом ответственном процессе является учитель, его подготовка и умение. В.И.Ленин обращал наше внимание на то, что уровень и содержание учебной работы в первую очередь зависят от состава преподавательских кадров. "Во всякой школе - самое важное - идейно-политическое направление лекция. Чем определяется это направление? Всецело и исключительно составом лекторов."¹

В советской стране большое внимание уделяется подготовке учительских кадров. Вопросы подготовки молодых специалистов, в том числе и учителей, отражены в материалах XXVI съезда КПСС, в ряде директивных документов партии и Правительства.

Подготовка учителей в Советской Эстонии прошла сложный путь развития. В соответствии с требованиями современного общества во всех учреждениях системы просвещения необходимы

педагоги с высшим образованием. Особенно эта потребность возросла в связи с широким развитием среднего образования.

В настоящее время Эстонская ССР, несмотря на успехи в подготовке учителей с высшим образованием, все же отстает от средних показателей других республик (см. таблицу I).

Таблица I

Число учителей с высшим образованием в IV-XI классах дневных общеобразовательных школ в 1979 году

Республика	Число учителей с высшим образованием (в %)
1. Украинская ССР	94,4
2. Молдавская ССР	91,8
3. Грузинская ССР	89,9
4. Армянская ССР	89,8
5. Киргизская ССР	89,0
6. Российская ССР	88,9
7. -8. Белорусская ССР	88,6
Узбекская ССР	88,6
9. Туркменская ССР	86,4
10. Азербайджанская ССР	85,1
11. Таджикская ССР	84,9
12. Литовская ССР	83,4
13. Эстонская ССР	82,4
14. Латвийская ССР	81,6
15. Казахская ССР	81,2
С С С Р	<u>88,9</u>

Как видно, Эстонская ССР в ряду других республик занимает весьма скромное место в подготовке учителей с высшим образованием. В подготовке учителей начальных классов с высшим образованием Эстонская ССР занимает более высокое место: показатель числового соотношения ставит республику на шестое место, 39,1% учителей начальных классов имеют высшее образование (средний показатель по СССР - 30,5%). В этой области мы отстаем от Грузии, Узбекистана, Армении, Латвии (42,3%) и Белоруссии (показатель Литвы - 31,9% - ставит ее

на 10-е место).

В 537 общеобразовательных школах работает свыше 12,5 тыс. учителей, которые по подготовившим их учебным заведениям распределяются следующим образом (см. таблицу 2).

Таблица 2
Роль отдельных учебных заведений республики
в подготовке педагогических кадров (число рабо-
тающих учителей по состоянию на начало
1980/81 уч. года)

Учебное заведение	Число учителей в 1980/81 уч.г., получивших под- готовку в соот- ветствующем учебном заведе- нии	% от общего числа учителей
Таллинский педагогический институт	2630	29,6
Тартуский государственный университет	2538	28,5
Вузы братских республик	2204	24,8
Таллинский политехнический институт	35	0,4
Государственный художественный институт Эстонской ССР	15	0,2
Таллинская государственная консерватория	91	1,0
Эстонская сельскохозяйственная академия	92	1,0
Таллинский и Тартуский учительские институты	345	3,9
Средние специальные учебные заведения	480	5,4
Средние школы	463	5,2

Из таблицы явствует, что подготовка учителей с высшим образованием для школ республики с эстонским языком обучения в основном осуществляется Таллинским педагогическим институтом и Тартуским государственным университетом. Около 2% из числа учителей с высшим образованием пришли работать в школу после окончания Эстонской сельскохозяйственной академии, Таллинского политехнического института или Таллинской госу-

дарственной консерватории. Подготовка учителей с высшим образованием для школ с русским языком обучения в основном осуществляется в вузах других республик, это в основном вузы РСФСР (см. таблицу 2).

В силу сложившихся обстоятельств в Тартуском государственном университете и Таллинском педагогическом институте производится обучение одинаковым специальностям: эстонский язык и литература, русский язык, иностранные языки, математика, физика, физическое воспитание. Выпускники этих вузов работают в разных районах республики. Зоной распределения выпускников Тартуского государственного университета является в первую очередь Южная Эстония (г. Тарту, Тартуский, Вырусский, Валгаский, Йыгеваский и Вильяндиский районы), а Таллинского педагогического института - школы Северной и Западной Эстонии (Раплаский, Пярнуский, Харьвский и Пайдеский районы, а также г. Таллин и г. Пярну).

Распределение учителей республики по специальностям и их подготовке даны таблицы 3 и 4.

Таблица 3
Распределение учителей с высшим образованием по предметам (1980/81 уч. г.)

Преподаваемый предмет	Число учителей	Число учителей с высш. образ.
I	2	3
Начальное обучение	2380	39%
Эстонский язык и литература	960	82%
Русский язык:		
а) школы с русским языком обучения	420	94%
б) школы с эстонским языком обучения	918	76%
История	672	88%
Физика	391	94%
Математика	1263	85%
Химия	246	96%
География	421	97%

I	!	2	!	3
Биология		376		85%
Английский язык		640		89%
Немецкий язык		369		86%
Музыкальное обучение		511		46%
Художественное обучение		182		73%
Физическое воспитание		770		76%
Трудовое обучение		552		47%

Из таблицы следует, что количество учителей с высшим образованием более или менее удовлетворительно по химии, географии и физике. Особенно большая нехватка специалистов с высшим образованием ощущается по трудовому, музыкальному и художественному обучению. Значительные трудности наблюдаются в комплектовании школ учителями русского языка и математики.

Существенной причиной дефицита учительских кадров по этим дисциплинам является то обстоятельство, что в 70-е годы вузы республики не выполнили план подготовки специалистов с высшим образованием (выполнение было в объеме 75-80%). В связи с этим возможности подготовки учителей не соответствуют нашим потребностям. Статистический анализ показывает, что дефицит учительских кадров растет в связи с уходом подготовленных специалистов из школы. Но, несмотря на все вышесказанное, эти относительные числа за последние годы все же сократились, хотя почти 1/5 часть молодых специалистов отказывается от работы учителя. Особенно много уходит из школы учителей-мужчин, преподавателей физики, физвоспитания и труда.

Анализ по городам и районам показывает, что профессиональная надежность молодых учителей выше в районах (продолжает работу 72% направленных): наблюдается стремление получить назначение в городские школы, которые также покидают по истечении небольшого срока работы, в них остается работать всего 66% направленных, особенно это характерно для городских школ городов Кохтла-Ярве, Нарва, Силламяэ. Сравнительно лучше положение в г.Пярну (продолжает работу 82%), из направленных

в Таллинские школы не работают в них 35%, а в Тартуских школах - 33%. В районных школах самое неблагоприятное положение в Валгаском районе (работает 53%), наиболее благоприятное положение в этом плане в школах Йигеваского района, где продолжает работу 86% направленных.

По данным опроса выявлено, что причины ухода молодых преподавателей носят объективно-субъективный характер, зависящий в основном от учащихся. Не менее важное значение имеют здесь и профессиональные установки, которые формируются уже в период подготовки к учительской работе.

Вышесказанное подтверждается результатами сравнительного анализа отсевов будущих учителей математики, обучающихся в ТПедИ и в ТГУ. По показателям исследования, у 80% студентов отделений математики увлечение математикой проявилось уже в средней школе, и в то же время специальности учителя были заинтересованы лишь 56% будущих студентов отделения математики ТГУ и соответственно 36% студентов ТПедИ. Опрос показал, что в высшей школе увеличивается интерес к учительской профессии у 31% будущих учителей математики. Выявилось, что у студентов ТПедИ рост интереса к профессии учителя значительно больше, чем в ТГУ, в связи с чем выпускников ТПедИ их будущее место работы удовлетворяет намного больше, чем выпускников ТГУ.

Как приступаете к своей будущей работе	С волнением и ожиданием	С интересом	С безразличием	С явным нежеланием
ТГУ	6%	50%	31%	13%
ТПедИ	28%	58%	7%	7%

Изучены характеристики учителей, покинувших учительскую работу. Для всех учителей, ушедших из школы, в основном характерна незаинтересованность в этой профессии - 64% (7% не смогли выразить свое мнение). Из тех учителей, которым присущ интерес к профессии учителя (29%), в настоящее время не находятся на учительской работе в основном по объективным причинам (декретный отпуск, болезнь и т.д.).

Другие установки у названного контингента в основном тоже отрицательны уже во время работы в школе (отношение к

профессии и учащимся, всеобщее недовольство). Поскольку названные учителя признались, что они и не стремились стать учителями, то их уход из школы не является неожиданностью.

Проведенные до настоящего времени исследования среди учителей не отражают социального содержания вопроса, по которому можно было бы судить о тенденциях удовлетворенности или недовольства среди учителей, а дают лишь некоторую теоретическую основу и направления для дальнейших психологических исследований.

Исследования, проведенные в Астраханском педагогическом институте, указывают на следующие причины недовольства учителей:

- недостаточная подготовленность к учительской работе	25%
- небольшая нагрузка или нагрузка, требующая преподавания разных предметов, в т.ч. и не по своей специальности	23%
- перегрузка в связи с большой внепредметной работой и работой в две-три смены	18%
- отсутствие одутого успеха в работе	15%
- ошибка в выборе профессии	5%
- другие причины	2%

Наши эмпирические наблюдения и опрос отдельных студентов подтверждают влияние вышеуказанных факторов при подготовке учителей и в нашей республике.

Ценный материал о недочетах в работе при подготовке к внеклассной работе, незначительная подготовка к внеклассной работе и недостаточные теоретические знания, особенно в области педагогической психологии.

Слабая подготовленность к воспитательной работе проявляется в отсутствии умения преодолевать недисциплинированность учащихся, в недостаточности навыков работы с трудновоспитуемыми, в отсутствии опыта пионерской и комсомольской работы и проведения собрания и диспутов.

В области обучения самым существенным недостатком (отдельных специальностей) отмечалось недостаточное владение методикой, неподготовленность к использованию ТСО.

Недостатки воспитательных навыков у молодых учителей

проявляются при общении с детьми, в низком самоанализе, в недостаточной ответственности (или в отсутствии ее), в слабости творческой инициативы (или в ее отсутствии).

Большинство указанных проблем восходит к недочетам в учебно-воспитательной работе педвуза, определенное число которых носит объективный характер и свойственно всем педвузам (несовершенство учебных планов и программ, отсутствие выработанной методики учебно-воспитательного процесса для педвуза, недостаточное осмысление теории коммунистического воспитания и т.д.).

Кабинет профнаправленности Таллинского педагогического института исследовал в разных аспектах поступающих в педагогический вуз и первокурсников. При характеристике этого контингента исходили из ряда общих признаков (данные с 1978 г.).

По половому признаку в состав первокурсников входят 75% девушек и 25% юношей. В число не поступивших в институт (не выдержавших конкурс) входили 11% юношей.

По отдельным дисциплинам юноши отдавали предпочтение: общетехническим дисциплинам (100%), физическому воспитанию (59%), рисованию и труду (44%), эстонскому языку (29%), математике и физике (20%). Предпочтительными специальностями для девушек являются начальное обучение и дошкольная педагогика. Сравнительно незначительно число юношей на отделениях русского языка и иностранных языков.

По региональному признаку поступающих условно можно разделить на 4 группы: 1) г.Таллин, 2) другие крупные города республики (Тарту, Кохтла-Ярве, Нарва, Пярну), 3) небольшие города, 4) села и поселки. По этому признаку поступившие в институт распределились следующим образом: Таллин - 35%, другие крупные города - 9%, небольшие города - 24%, села и поселки - 25%. Среди не поступивших в рамках этого признака были следующие показатели: из Таллина не прошли по конкурсу 34%, из других крупных городов - 12%, из небольших городов - 28%, из сел и поселков - 26%. По этим данным можно заключить, что местонахождение школ не является определяющим при поступлении в институт. По всей вероятности, уровень учебно-воспитательной работы сельских и поселковых школ не отличается от

таллинских школ в такой степени, чтобы это отразилось на конкурсе при поступлении. Этот же анализ показал, что абитуриенты г.Таллина имеют численное преимущество среди поступающих на отделение иностранных языков (58%) и дошкольной педагогики (42%). Довольно большое количество таллинцев также на отделении эстонского языка и литературы (39%), на отделении рисования и труда (39%). Это обстоятельство можно объяснить наличием в Таллинских общеобразовательных школах большого числа спецклассов. Численное преобладание выпускников из небольших городов наблюдается на отделениях библиотекведения (32%) и общетехнических дисциплин (35%). Выпускники сельских школ занимают ведущее место на отделениях начального обучения (38%) и математики-физики (32%).

Важным признаком для поступающих является и трудовой стаж. В 1978 году среди первокурсников имели трудовой стаж 32%. Больше всего поступающих со стажем на отделении библиотекведения (61%) и дошкольной педагогики (50%), рисования и трудового обучения. Самый незначительный стаж работы у поступающих на отделения начального обучения, общетехнических дисциплин и физического воспитания.

По социальному положению поступившие в институт в основном выходцы из рабочих и колхозно-крестьянских семей (соответственно 47% и 7%), остальная часть - из семей служащих. Выходцев из рабочих семей больше среди первокурсников на отделениях физики-математики (76%), библиотекведения (60%), общетехнических дисциплин (50%), эстонского языка и литературы (50%). Из семей служащих больше всего вновь принятых студентов на отделения рисования и труда (59%), физического воспитания (65%) и немецкого языка (55%).

Кабинет профессиональной направленности с помощью тестовых опросов изучил мотивы выбора специальности, время выбора профессии, а также мнение о своих способностях и о профессии учителя вообще. Опрос проведен среди выпускников средних школ, изъявивших желание поступить в институт. При дальнейшей обработке данных проведен их дифференцированный анализ: отдельно рассматривались поступившие и не поступившие в институт. Следует учесть, что будущие студенты при мотивации

выбора специальности и выражении мнения о профессии учителя могли быть недостаточно объективны, руководствуясь желанием поступить в институт. Параллельно с опросом поступающих использовались сравнительные данные о студентах IV и V курсов ТГУ.

Из мотивов выбора специальности у всех опрошенных на первом месте оказались личные мотивы, т.е. интерес к специальности, желание развивать свои способности и расширить кругозор. Вторая группа мотивов охватывает общественные интересы (т.е. моя специальность необходима обществу и т.д.). Из отдельного анализа такого рода мотиваций у юношей и девушек явствует, что у девушек преобладают альтруистические мотивы (следовало своему призванию, общество очень нуждается в этих специальностях и т.д.), у юношей на первом месте оказались более эгоистические мотивы (при выборе имел в виду эту профессию, хотел интересно жить и т.д.).

При выборе профессии о желании стать учителем заявило 86% поступивших. Из них большинство (75%) считает, что обладает необходимыми для педагогической работы данными. Любовь к детям руководствовались 79% поступивших, увлеченность предметом зафиксирована у 91%. Большинство опрошенных выбор профессии был сделан уже в средней школе (56%), также большинство поступающих характеризует положительная установка на профессию учителя. Из отрицательных сторон будущей профессии поступающие указывали на излишнюю "бумажную работу" учителя, но в общем у них преобладает мнение, что в работе учителя больше радостей, чем неприятного.

Исходя из опыта и практики подготовки учителя и опираясь на результаты исследований по педагогике, можно сделать некоторые выводы и внести предложения, которые позволили бы в дальнейшем уточнить тематику исследований в этой области и лучше ориентировать директивные органы в работе с кадрами.

Во-первых. Профессиональную устойчивость учителей можно резко повысить путем формирования положительных профессиональных установок и педагогического настроения, в целях чего требуется самое благожелательное отношение всего нашего общества к профессии учителя. Следует совершенствовать распространение

информации в поддержку престижности профессии учителя.

Во-вторых. Повышая уровень подготовки учителей в вузах республики, наряду с высоким теоретическим уровнем большую значимость придать формированию профессиональной установки. Выше нами показано, что учитель с отрицательной профессиональной установкой профессионально неустойчив. Это положение должен усвоить и конкретизировать, исходя из своего предмета, каждый преподаватель, осуществляющий подготовку учителя. В противном случае невозможно ознакомить студентов с перспективами его профессии и ориентировать на будущую специальность. Исследования подтверждают, что в интересах последующей профессиональной адаптации следует как можно раньше создавать студентам условия для положительных контактов с детьми. Для этого необходимо ввести микропрактику, которая начиналась бы с пассивной практики и заканчивалась бы краткосрочной активной практикой уже на первом курсе.

В-третьих. В профессиональной подготовке учителя необходимо оптимальное соотношение теоретических и практических аспектов подготовки, т.е. наряду с солидной теоретической базой дать хорошие навыки и для практической воспитательной работы. Требуется совершенствование содержания и некоторое обновление организации педпрактики, а именно в направлении углубления профессионального интереса. Необходимо выработать более точные критерии оценки педпрактики как для учителя, так и для методистов. Вместе с тем, при аттестации студентов необходимо, наряду с госэкзаменами, повысить значимость результатов педпрактики. Кроме того, крайне необходимы научные основы организации стажерской практики с тем, чтобы администрация школы и осуществляющий руководство учитель имели единые основы для оценки стажерской практики и прогнозирования профессиональной пригодности. Профессиональной устойчивости молодых специалистов способствует знание психологии учителя. Для этого необходимо ввести курс психологии учителя, охватывающий деятельность учителя, его личность и профессиональное развитие. Вместе с тем, необходима настольная книга молодого учителя, которую в качестве методического материала можно было бы использовать и в вузе.

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ В ДАУГАВПИЛСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Я.Гавар, М.Аболинь

В начале пятидесятых годов в Советской Латвии было осуществлено всеобщее обязательное семилетнее образование и предусматривался постепенный переход ко всеобщему среднему образованию. Остро ощущалась нехватка учительских кадров, особенно в средних школах, где преподавали многие учителя без высшего педагогического образования. На начало 1950/51 учебного года в ЛатвССР было 14000 учителей, из них с высшим образованием — только 11,9%. Рижский педагогический институт и Латвийский государственный университет не успевали обеспечить все возрастающую потребность в учительских кадрах с высшим образованием. Все это потребовало соответствующей реорганизации подготовки учительских кадров. Учительские институты, дававшие незаконченное высшее образование, стали заменяться высшими учебными заведениями — педагогическими институтами.

Распоряжением Совета Министров СССР от 21 марта 1952 года и распоряжением Совета Министров Латв.ССР № 643-р от 18 апреля 1952 года Даугавпилсский учительский институт с заочным отделением был реорганизован в высшее учебное заведение — Даугавпилсский педагогический институт.

Летом 1952 года был проведен первый набор. На стационар было принято 206 студентов: 84 — на физико-математический и 122 — на филологический факультет. На заочное отделение было принято 126 студентов. В первом учебном году работу в институте начали 38 преподавателей. Из них два имели степень кандидата наук и один звание доцента. Только пять преподавателей имели стаж педагогической работы в вузе более пяти лет.

Работа велась на 9 кафедрах: марксизма-ленинизма и истории, педагогики, физического воспитания и спорта, физики, математики, латышского языка и литературы, русского языка, русской и общей литературы, естествознания и географии.

Ректорат и партийная организация института направили уси-

для коллектива на решение основных задач: обеспечение научного роста и совершенствования педагогического мастерства преподавателей, укрепление материальной базы института, обеспечение подготовки квалифицированных учителей.

Последующие годы для института характерны количественным и качественным ростом. Динамика роста контингента студентов показана в табл. 1 и 2.

Таблица 1
Контингент студентов стационара (на начало учебного года).

Факультет	Г о д						
	1952	1957	1962	1967	1972	1977	1980
Физико-математический	78	384	333	464	546	557	665
Филологический	128	361	205	356	448	436	459
Исторический	-	68	-	-	-	-	-
Биолого-химический	-	257	288	277	237	255	313
Музыкально-педагогическое отделение	-	-	-	-	71	93	93
Всего:	206	1070	826	1097	1302	1341	1530

Таблица 2
Контингент студентов заочного отделения (на начало учебного года).

Факультет	Г о д						
	1952	1957	1962	1967	1972	1977	1980
Физико-математический	50	200	407	334	225	225	167
Филологический	76	309	468	504	408	419	404
Биолого-химический	-	173	484	428	210	197	189
Историческое отделение	-	-	277	219	216	230	202
Музыкально-педагогическое отделение	-	-	-	-	-	-	67
Всего:	126	682	1636	1485	1059	1071	1049

В 1954 году были открыты биологический и исторический факультеты. Исторический факультет в 1960 году был закрыт.

С целью обеспечения квалифицированными кадрами малокомплектных сельских школ в 1956/57 учебном году институт переходит на пятилетний срок обучения с подготовкой учителей широкого профиля.

В 1970 году было открыто музыкально-педагогическое отделение: с открытием новых факультетов и отделения были созданы и новые кафедры. За время с 1956 года по 1981 год Даугавпилсский педагогический институт выпустил 8170 учителей. Выпуск по факультетам отражен в таблице 3.

Таблица 3

Количество выпускников по факультетам.

Факультет	Стационар	Заочное отделение	Всего
Физико-математический	1882	809	2691
Филологический	1583	1222	2805
Биолого-химический	1054	831	1885
Историческое отделение	57	569	626
Музыкально-педагогическое отделение	163	-	163
Итого:	4739	3431	8170

С ростом института расширялась его материальная база, улучшились условия для ведения учебно-воспитательной, методической и научной работы. В 1956 году вступил в строй новый учебный корпус, в 1973 году начал работу спортивный комплекс.

С ростом института повышалась также квалификация учебного персонала. (см. табл. № 4).

Таблица 4

Рост кафедр и квалификации учебного персонала

	Г о д						
	1952	1957	1962	1967	1972	1977	1980
Количество кафедр	9	9	12	14	15	17	17
Всего преподавателей	38	93	94	120	143	152	164
в том числе:							
профессоров	-	-	-	1	2	4	4
доцентов	1	10	11	12	24	26	27
докторов наук	-	-	-	2	3	4	4
кандидатов наук	2	19	19	20	37	46	44

Как видно из таблицы, в настоящее время в Даугавпилском педагогическом институте работа проводится на 17 кафедрах, 4 из которых — общепедagogические: истории КПСС и научного коммунизма, марксистско-ленинской философии и политэкономии, педагогики и психологии, физического воспитания и спорта. Остальные кафедры входят в состав физико-математического, филологического, биолого-химического факультетов и музыкально-педагогического отделения.

На физико-математическом факультете готовят учителей средней школы по специальностям: математика и физика, физика и математика, а с 1980 года по специальности математика с четырехлетним сроком обучения. Обучение ведётся на латышском и русском языках. В 1980 году на I курс было принято 200 студентов (наибольшее число первокурсников за всю историю факультета).

На филологическом факультете ежегодный прием на I курс составляет 100 студентов. Основная специальность: русский язык и литература. Будущие учителя русского языка и литературы получают вторую специальность и могут работать учителями иностранных языков, истории или латышского языка и литературы.

На биолого-химическом факультете готовят учителей по двум специальностям: биология и химия, биология и основы сельского хозяйства. Обучение ведётся на латышском и русском языках. В 1980 году на I курс было принято 75 студентов.

На музыкально-педагогическом отделении готовят учителей музыки и пения. Ежегодный прием — 25 студентов. Обучение ведётся на латышском и русском языках. Срок обучения 4 года.

На заочном отделении готовят учителей средней школы по специальностям: математика, биология, история, русский язык и литература, музыка и пение.

В учебном процессе особое внимание уделяется приобретению студентами практических навыков: педагогическая практика (14 недель) проходит в городских и сельских школах, навыки работы с пионерами студенты приобретают в специальном инструктивном пионерском лагере, а также работая в пионерских лагерях. На биолого-химическом факультете учебная практика по методике обучения биологии, ботанике, физиологии растений, осно-

вам сельского хозяйства, генетике проходит на благоустроенной агробιοлогической станции института. Летняя практика по зоологии проходит на базе учебной практики "Илгас".

Подготовке квалифицированных учительских кадров в значительной мере способствует научная библиотека института, книжный фонд которой в настоящее время составляет 400000 печатных единиц.

Учебный персонал Даугавпилсского педагогического института проводит значительную научно-исследовательскую работу. В связи со спецификой учебного заведения значительное место в научно-исследовательской работе занимают педагогические проблемы, вопросы коммунистического воспитания. На каждой кафедре также проводится научно-исследовательская работа, связанная со спецификой кафедры.

Анализируя подробнее деятельность института в десятой пятилетке, следует отметить, что институт в своей работе руководствовался решениями XXV съезда КПСС, последующими решениями партии и правительства о высшей школе и нормативными актами о высшей школе. Прделана значительная работа по совершенствованию организации учебно-воспитательного процесса, улучшению подготовки учительских кадров к учебно-воспитательной деятельности в общеобразовательной школе.

За годы десятой пятилетки осуществлены значительные мероприятия по совершенствованию планирования и организации учебного процесса: завершен переход к обучению студентов по новым учебным планам и программам, разработаны рабочие учебные планы и программы, графики самостоятельной работы студентов. Имеется определенная система организации научно-методической работы.

Прделана значительная работа по обеспечению учебного процесса учебно-методической литературой. За годы десятой пятилетки издано 21 наименование учебных пособия и 110 наименований учебно-методической литературы общим объемом 480 печатных листов. Методическими указаниями обеспечены все виды практик. На факультетах создаются и издаются комплексы материалов по всем дисциплинам для самостоятельной работы студентов.

Преподаватели кафедр института уделяют большое внимание

систематической индивидуальной работе со студентами. На физико-математическом факультете организована самостоятельная работа студентов первого курса под руководством преподавателей. Большая работа проведена по использованию технических средств обучения в учебном процессе. Для студентов всех специальностей введен курс "Технические средства обучения". Для освоения этого курса в институте создана лаборатория ТСО, оснащенная всем арсеналом технических средств обучения современной средней школы.

Успешно выполняются планы приема студентов и выпуска молодых специалистов. В среднем за годы десятой пятилетки план приема по институту выполнен на 100,9%, а план выпуска молодых специалистов - на 108,8%.

Большое внимание в институте уделяется укреплению взаимосвязи образования и коммунистического воспитания студенческой молодежи, формированию у нее марксистско-ленинского мировоззрения. Воспитательная работа проводилась согласно комплексному плану коммунистического воспитания на весь период обучения. Кафедры общественных наук провели большую работу по обеспечению преемственности в преподавании истории КПСС, философии, политэкономии, научного коммунизма. Улучшено проведение общественно-политической практики.

Студенты и преподаватели института принимают участие в общественно-политической жизни, в пропаганде решений партии и правительства, распространении общественно-политических, естественно-научных, технических видов знаний. Вузовская организация общества "Знание" занимает ведущее место среди республиканских вузовских обществ "Знание". Студенты стационара активно занимаются на ФОПе.

Значительная эффективная воспитательная работа студентов во внеучебное время осуществляется через систему студенческих клубов, которые обеспечивают практическую реализацию принципа комплексности в коммунистическом воспитании.

По итогам Всесоюзного конкурса на лучшую организацию условий труда, быта и отдыха студентов на протяжении последних 5 лет коллектив института награждался Почетными грамотами Министерства высшего и среднего специального образова-

ния СССР, ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений.

В 1979 и 1980 годах за достижение высоких результатов во Всесоюзном социалистическом соревновании коллективов высших учебных заведений, повышение эффективности и качества работы, успешное выполнение государственных планов экономического и социального развития СССР Даугавпилсский педагогический институт награждался Почетными грамотами Министерства высшего и среднего специального образования СССР, ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений.

Литература

1. Культурное строительство в Латвийской ССР : Статистический сборник. - Рига, 1972.
2. ЛМЕ, 1, 362.1pp.
3. Daugavpils pedagoģiskais institūts. - R., 1979.
4. Сборник статей Даугавпилсского педагогического института. - Рига, 1972, т.13, вып.2.
5. Отчеты Даугавпилсского педагогического института.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЛИТОВСКОЙ ССР

В.Микенас

Решения XXVI съезда КПСС точно определили программу дальнейшего развития и подъема материального, культурного уровня жизни народа, а также и народного образования нашей страны. Педагогическое образование является одним из важных показателей уровня развития народного образования республики и всей страны.

В нашей республике оно еще недостаточно изучено, хотя и имеет свою историю развития.

Педагогическое образование связано с широким кругом проблем. В своем исследовании мы ставим задачей раскрыть систему и организацию педагогического образования Литовской ССР с 1940 по 1975 годы.

1. Система педагогического образования в Литовской ССР

Система подготовки учителей зависит от типов школ, для которых готовятся учителя, от целей и задач школ, содержания образования, принципов, форм и методов обучения в них.

В Советской Литве единая общеобразовательная школьная система исторически складывалась так: с 1949/50 года она имеет три ступени: начальная четырехлетняя школа, семилетняя неполная средняя школа и одиннадцатилетняя средняя школа. Первые четыре класса семилетки и одиннадцатилетки были классами начальной школы. С переходом ко всеобщему обязательному восьмилетнему обучению (1959) система соответственно изменилась: стало 4:8:II лет; а в настоящее время в связи с переходом к обязательному среднему обучению - 3:8:II.

В соответствии с этим и подготовка учителей осуществлялась тремя путями. Учителей для начальной школы готовили средние педагогические учебные заведения (учительские семинарии). Учителей для семилетней школы - учительские институты, для средней школы - высшие педагогические учебные заведения (педагогические институты).

Подготовка учителей начальной школы в начале 50-х годов в нашей республике осуществляется в средних педагогических учебных заведениях. Такие учебные заведения были в городах Алитуо, Каунас, Мариямполь (ныне Капсукас), Панявежис, Тельшяй, Клайпеда, Швенчюналяй, Тракай, Укмерге, Шяуляй. В целях ускоренного пополнения школ учителями в первые послевоенные годы было 10 педучилищ, а с 1956 года их количество сокращается до 3, потому, что часть учителей начальных школ с высшим образованием начал готовить Шяуляйский педагогический институт. Для подготовки учителей семилетних (восьмилетних) школ в 1944 году открывается Вильнюсский учительский институт (с 1946 г. переведен в г. Клайпеду), в 1948 году такой институт открыт.

в городе Шяуляй, а с 1954 г. - в городе Новая Вильня для школ с польским языком преподавания. В институтах готовились учителя по специальностям: физика-математика, естествознание - география, история, литовский, русский и польский языки.

Для подготовки учителей средних общеобразовательных школ в 1944 г. в Вильнюсе открывается Вильнюсский государственный педагогический институт (1944.10.01), с 1945 г. при нём открывается заочное отделение, а с 1966 г. - и вечернее отделение. В 1954 г. Шяуляйский учительский институт реорганизуется в Шяуляйский педагогический институт. Педагогические институты готовят учителей литовского языка и литературы, русского языка и литературы, иностранных языков (английский, немецкий, французский и некоторое время - испанский), физики и математики, истории, естествознания и химии и бытовой культуры, педагогики и психологии, музыки и хореографии, польского языка и литературы, биологии и бытовой культуры, физики и электротехники и др. В 1970 году учителя средних школ уже готовятся по 25 специальностям. На заочном отделении обучаются преподаватели литовского языка и литературы, русского языка и литературы, польского языка и литературы, истории, географии, биологии, математики. На вечернем отделении - воспитатели детских садов (специальность - дошкольная педагогика и психология). Продолжительность обучения в педагогических институтах 4-5 лет. В Советской Литве педагогические институты стали центром педагогического образования республики. Например, Вильнюсский государственный педагогический институт в 1970/71 гг. имел 6200 студентов.

2. Организация педагогического образования в педагогических учебных заведениях Литовской ССР в 1940-1945 годах.

Эффективность системы педагогического образования в обществе обуславливается не только и даже не столько оптимальностью типа педагогического учебного заведения, срока обучения, сколько организацией и содержанием образования. Организация педагогического образования в педагогических учебных заведениях включает общеобразовательную, профессионально-пе-

дагогическую и предметную специализацию, в соответствии с этим учебные планы состоят, как правило, из трёх циклов: общеобразовательных, специальных и педагогических. Такая структура организации учебного процесса и учебного содержания была установлена в первых советских педагогических учебных заведениях. В социалистическом обществе образование, школа и учитель оцениваются как важнейшие факторы в процессе формирования личности. В.И. Ленин неоднократно подчеркивал "человекообразующую" функцию образования. Главной задачей он выдвигал формирование мировоззрения, умения "вырабатывать самим коммунистические взгляды".¹

Подвергающаяся гонению "усечению" гуманистическая миссия учителя в буржуазном обществе становится ведущей в социалистическом обществе. Смысл учительской деятельности совпадает с потребностями социалистического общества. С первых шагов существования и развития социалистического строя оно нуждалось в педагогах нового типа, т.е. педагогах-общественниках, педагогах-политических деятелях, педагогах-хороших специалистах, педагогах-всесторонне развитых личностях. "Нельзя ограничить себя, - писал В.И. Ленин, - рамками узкой учительской деятельности. Учителство должно слиться со всею борющейся массой трудящихся. Задача новой педагогики - связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества".²

Итак, речь идет не только о возрастании веса и значения образовательно-воспитательной деятельности учителя-педагога, но и о совсем новой активной общественной позиции, проявляющейся в органическом единстве профессионально-педагогической и общественно-педагогической деятельности. С таких позиций оценивался учитель в 1940 году в Литве, когда была восстановлена советская власть. 14-15 августа 1940 года в городе Каунасе в спортзале состоялся I съезд учителей Советской Литвы. Более десяти тысяч учителей и воспитателей обсудили задачи новой советской школы и проблемы педагогического образования.

Съезд показал, что большинство учителей, близких широким массам народа, с энтузиазмом встретили советскую власть, советскую систему народного образования, подлинно демократи-

ческие, социалистические принципы в области педагогического образования:

1. Равенство возможностей и широкий доступ в высшую и специальную школы для всей молодежи страны, получившей соответствующее общее образование.
2. Бесплатное обучение во всех учебных заведениях и стипендиальное обеспечение большинства учащихся и студентов.
3. Научный характер образования, его постоянное совершенствование на основе социально-культурного, экономического и научно-технического прогресса.
4. Единство обучения и коммунистического воспитания.
5. Дух пролетарского интернационализма, братства, взаимопомощи народов СССР, развитие высшего и среднего специального образования на родном языке.
6. Связь обучения, образования и воспитания с производственным трудом, с практикой социалистического строительства.

Данные принципы были приняты в 1940 году в Советской Литве как основа к руководству педагогическим образованием. С претворения их в жизнь началась перестройка всей системы народного образования республики.

Основными педагогическими учебными заведениями, в которых готовили учителей начальных школ в буржуазной Литве, были учительские семинарии. В 1939/40 уч. году их было пять: 4 государственных и 1 частная, в них обучались 953 учащихся. В 1940/41 году начали работу 5 государственных учительских семинария, в которые было принято 1135 учащихся.³ В этом же году был реорганизован Вильнюсский педагогический институт. В нем обучалось 216 студентов, а на отделении повышения квалификации - 167 учителей.⁴ Одновременно проводилась реорганизация и перестройка учебных планов, программ, учебного процесса и всей системы педагогического образования в целом.

Большой физический, моральный и материальный ущерб в деле подготовки учителей в Советской Литве нанесла оккупация республики немецко-фашистскими захватчиками. Первые удары оккупантов и их слугителей были направлены против учителей, ко-

торые активно включились в создание советской школы. Оккупанты и националисты убивали советских учителей, разоряли учебные заведения.⁵

3. Организация педагогического образования в Литве в 1945-1970 годах

После Великой Отечественной войны организация подготовки учителей была продолжена на основании заложенных уже в 1940/41 году принципов. За первое послевоенное десятилетие была разработана и осуществлена широкая программа мер по подготовке и переподготовке педагогических кадров. Шел процесс восстановления педагогических учебных заведений, увеличивался контингент учащихся и студентов, укреплялась учебно-материальная база. В 1947/48уч. году в педагогических институтах были разработаны новые учебные планы и программы. В новых учебно-методических документах была взята ориентация на подготовку учителей широкого профиля. Особое внимание обращалось на улучшение преподавания общих научных дисциплин, на вопросы идеологической работы среди преподавателей, студентов и учащихся в педучилищах, на улучшение профессионально-педагогической подготовки, педагогической практики и научно-исследовательской работы.

В организации подготовки учительских кадров в послевоенный период (1945-1970 гг.) обращает на себя внимание ряд изменений, которые были внесены в 1953-1955 годах по линии усиления политехнической подготовки студентов и учащихся. Политехническое обучение строится на основе общего образования. Его объективная необходимость диктуется потребностями современного производства. На естественных и физико-математических факультетах много внимания уделяется углубленному ознакомлению с научными основами и технологией избранного вида труда, привитию специальных практических умений и навыков, формированию психологических, нравственных качеств личности, особо необходимых в той или иной сфере трудовой деятельности.

Такая ориентация основывается на том, что педагогу требуется глубокие знания детской психологии, основ дидактики, методики, теории воспитания, умение применить их в учебно-воспитательной работе, педагогический такт и большие организаторские способности для осуществления трудового и политехнического образования в школе. В принятом 24 декабря 1958 года Законе "Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР" подчеркивается, что в современной трудовой политехнической школе повышенное значение приобретает принцип связи обучения с трудом учащихся.

В 1966 году в целях дальнейшего совершенствования среднего общеобразовательного и педагогического образования, создания необходимой стабильности в работе школ и педагогических учебных заведениях и последовательного осуществления принципов политехнического и трудового воспитания ЦК КПСС и Совет Министров СССР предложили ввести новые учебные планы и программы, имея в виду при этом:

1. Приведение содержания образования в школе в соответствие с требованиями науки, техники и культуры.
  2. Введение систематического преподавания основ наук с четвертого года обучения.
  3. Подготовку и выпуск новых стабильных школьных учебников в полном соответствии с учебными планами и программами.
  4. Установление факультативных занятий по выбору учащихся, начиная с УП класса.
  5. Открытие классов с углубленным теоретическим и практическим изучением (IX-XI), классов математики и физики и др.
- В педагогических учебных заведениях усовершенствуются учебные планы и программы, составленные еще в конце 50-х - начале 60-х годов. Здесь наблюдается значительное сокращение учебных часов на теоретическое обучение за счёт увеличения времени на производственную практику. Особое внимание уделяется повышению идейного воспитания и поднятию общей культуры учителя. Наиболее характерной особенностью новых учебных планов является усиление психолого-педагогической подготовки будущих учителей. Из цикла педагогической подготовки вводятся такие теоретические курсы, как "Введение в педагогику",

"Возрастная физиология", "Возрастная и педагогическая психология", "Педагогика школы", "История педагогики", "Общая психология", "Школьная гигиена", "Частные методики", а также спецкурсы: "Методика воспитательной работы в школе", "Профессиональная ориентация", "Научная организация труда учителя" и др. В организации учебного процесса рекомендуются советские академические учебники, сочинения классиков марксизма-ленинизма, научные работы видных советских педагогов, как дополнительная литература - избранные сочинения Н.К.Крупской, книги "О молодежи", "Народное образование и демократия", А.С.Макаренко "Педагогическая поэма" и др. На семинарах и коллоквиумах обсуждаются и изучаются педагогические взгляды К.Маркса, Ф.Энгельса, В.Ленина, Н.Крупской, А.Макаренко. По инициативе А.Гучаса, И.Лаужикаса были организованы студенческие научные конференции, в которых участвовали не только студенты, но и преподаватели. Приглашаются видные научные работники в педагогические институты для научного собеседования со студентами, будущими учителями, об исследованиях в области педагогики и о подготовке к профессии советского учителя.⁷

4. Организация педагогического образования в Литовской ССР в 1971-1975 годах

1971-1975 годы в развитии организации и содержании педагогического образования - следующий этап дальнейшего совершенствования подготовки учителя. Этот период в основном характеризуется тремя главными чертами, которые выделяются при выполнении решений XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза и соответствующих решений Коммунистической партии и правительства республики.

Во-первых, социальный и научно-технический прогресс в советском обществе в условиях развитого социализма, а также новое содержание обучения и воспитания в средней школе предъявляют очень высокие требования к качеству профессиональной подготовки учителей, к их политическому и научному уровню,

психолого-педагогической и методической подготовке. В современных условиях советский учитель должен обладать высокой идейностью и коммунистической нравственностью, а также педагогическим мастерством. Во-вторых, глубокая научная подготовка. Такая тенденция к расширению научных знаний учителя, прочное овладение специальными и смежными науками считается очень важной в работе педагогического учебного заведения. В связи с этим задача педагогического образования состоит в том, чтобы широко развить и упрочить в молодом специалисте стремление, а также и умение к самообразованию, к непрерывному пополнению профессиональных знаний (перманентное обучение). В-третьих, основательная психолого-педагогическая и методическая подготовка.

Изучаемые при такой подготовке в педагогических институтах дисциплины классифицируются в дальнейшем по трём циклам. Предметы общеобразовательного цикла, помимо повышения общего образовательного уровня студента, призваны обеспечить идейно-политическую подготовку будущих учителей. Из общественных наук изучается: история КПСС, политическая экономия, диалектический и исторический материализм, научный коммунизм. На них отводится 454 часа при четырехлетнем сроке обучения и 544 часа - при пятилетнем. На всех факультетах изучается небольшой, но обязательный курс научного атеизма, а также факультативные курсы по марксистской этике и эстетике.

Специальные науки, определяющие профиль специалиста, занимают основной удельный вес. На их изучение отводится больше 2000 часов.

Педагогический цикл подготовки учителей включает в себя как теоретическую, так и практическую части. Теоретическая часть цикла в средних и в высших педагогических учебных заведениях - курсы психологии (общая, детская психология обучения), педагогика школы, история школы, частные методики и педагогическая практика, а также некоторые спецкурсы и спецсеминары по психологии, педагогике и частным методикам. Из курса педагогики иногда выделяются в качестве отдельных курсов "Введение в специальность", "Теория обучения", "Теория воспитания". Можно подчеркнуть, что в основном в педагогических учебных заведениях выработалась стройная система педаго-

гических наук, в которую входят марксистско-ленинские философские основы воспитания, изучение исторического опыта подготовки студентов и учащихся к профессии учителя. В психолого-педагогическом цикле завершающим звеном является педагогическая практика, которая проводится на двух старших курсах 14-15 недель. Кроме того, студенты проходят педагогическую практику в пионерских лагерях, на младших курсах ведут общественно-педагогическую работу со школьниками.

Содержание практики многообразно: от простого наблюдения за учениками, за работой учителя, за стилем работы школы в целом до полного замещения учителя. Чтобы выполнить решения XXIV съезда КПСС и постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР (1972) "О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране", уточняется профиль подготовки специалистов высшей квалификации, введена стажировка педагогов, определены меры дальнейшего улучшения руководства высшими педагогическими заведениями, а также определены меры, направленные на улучшение учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы, создаются профили по специальностям, в которых разрабатываются научно-методические требования к учителю-предметнику, классному руководителю, обновляются планы по идейно-политическому воспитанию студентов на весь период обучения в институте. При этом особое внимание обращается на значение развивающего обучения, разрешение проблемных ситуаций, на программированное обучение, применение современных технических средств обучения не только на факультетах физико-математических, естествознания, но и на филологическом в Вильнюсском государственном педагогическом и в Еяуляйском педагогическом институтах.

В педагогических институтах трудятся ученые разных отраслей знания. Созданы научные школы и лаборатории, групповые и индивидуальные исследования составляют богатое достояние педагогических учебных заведений и достаточно прочную базу для подготовки и дальнейшего усовершенствования педагогических кадров для школ республики.

Литература

1. Ленин В.И. О политехническом образовании. Полн.собр.соч., т.42, с.306.
2. Ленин В.И. О молодежи. - М., 1974, с.306.
3. Архив Министерства просвещения ЛитССР, ф.1, оп.6, д.47а, л.6.
4. Бенджюс А. Общеобразовательная и высшая школа в Советской Литве 1940-1970 гг. (на лит.языке).-Каунас, 1973, с.139.
5. Там же, с.141.
6. Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в СССР. - М., 1975, с.123.
7. Мигенас В. Трудовое обучение учащихся (конспект лекций). - Вильнюс, 1979, с.67.

О г л а в л е н и е

Введение.....	3
Л. Андресен. Б. Г. Форселлиус и подготовка учителей в Эстонии в эпоху феодализма.....	3
Л. Жуков, А. Салхинь. Основные принципы подготовки учителей в Латвии в эпоху феодализма.....	14
М. Лукшиене. Подготовка учителей в Литве в период кризиса феодализма.....	34
Э. Лаул, В. Сирк. Подготовка учителей в Эстонии в эпоху капитализма (до 1917 г.).....	48
М. Карчяускаене. Положение и подготовка учителей начальной школы в Литве во второй половине XIX - начале XX вв.....	67
К. Котсар. Подготовка учителей в буржуазной Эстонии (1919-1940).....	89
Л. Жуков. Некоторые тенденции политики подготовки учителей основной школы в буржуазной Латвии (1920-1940).....	105
Я. Лаужикас . Подготовка учителей начальной школы в период господства буржуазии.....	137
Я. Анспак. Марксисты Латвии о народном учителе и характере его деятельности в социалистическом обществе.....	145
Р. Виркус. О некоторых узловых проблемах подготовки учительских кадров.....	169
Я. Гавар, М. Аболинь. Подготовка учителей в Даугавпилском педагогическом институте в советский период.....	180
В. Микенас. Педагогическое образование в Литовской ССР.....	186

**ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРИБАЛТИКЕ**
Межведомственный сборник научных трудов

Редакторы: Л. Жуков, О. Гордеева
Технический редактор И. Балодэ
Корректор Г. Петрова

Подписано к печати 15.12.1981. ЯТ П1494. Ф/6 60x84/16.
Бум. №1. 12,8 физ.печ.л. 11,9 усл.печ.л. 9,8 уч.-изд.л.
Тираж 400 экз. Зак. № 2238. Цена 62 к.

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
Рига 226098, б. Райниса, 19
Отпечатано на ротапринтере, Рига 226050, ул. Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П. Стучки